

Екатерина Гусейнова

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Гусейнова Екатерина

Хрустальное сердце

Посвящается моим любимым сыновьям
Алексею и Марку

*Во многих охладает любовь,
претерпевший же до конца спасется.
(Матф. 24:12-13)*

Это не просто фантастический роман – в нем есть нечто большее. Люди, живущие на Земле, определяют своё место в Вечности, пытаясь или не пытаясь прожить свою жизнь по законам веры, надежды и безусловной любви. Описание ада основано на реальном свидетельстве Владимира Илюхина, пастора Волгоградской церкви, прошедшего через клиническую смерть и посвятившего после этого свою жизнь служению Господу.

Все цитаты из Священного Писания приводятся по синодальному переводу Библии.

Эдуард Альбертович в изнеможении лежал на кровати, откинувшись на подушки. Белки его глаз покраснели и воспалились от полопавшихся сосудов, став похожими на кровавое решето. Зрачки уже бессмысленно смотрели куда-то вперед, вдаль, туда, куда невозможно заглянуть в реальной жизни. Несмотря на то что силы практически оставили его, он словно что-то осмысливал в эти предсмертные минуты: лицо становилось ясным, морщинки на лбу разглаживались, на губах появилась едва заметная улыбка. Старик ликовал, он не боялся смерти, будто нашел лекарство против нее.

Поначалу Эдуард Альбертович сам не мог поверить в то, что он увидел в своем воображении, а может, и реальном видении. Только сейчас, когда его сердце, сохранившее теплоту и любовь тех давно уже забытых дней, вот-вот уже готово было остановиться, он осознал до конца всю значимость своего гениального открытия. Он верил и надеялся, что оно возродит погибающий мир, вдохнет в него новую силу жизни, любви, красоты и благодати. Его сухие руки дрожали от возбуждения и счастья, так стремительно нахлынувшего на него. Это, еще никому неизвестное, поглотило Эдуарда Альбертовича настолько, что бывшие силы вернулись в его изнеможенное тело, каждая клеточка организма восстала против смерти, сердце заколотилось в груди, а душа наполнилась необъяснимыми чувствами, в которых трудно было разобраться. Мысли Эдуарда Альбертовича стали четкими.

Артур около часа наблюдал за переменами, происходящими с дедом – единственной нитью, связывающей его с далеким и удивительным прошлым. Было горько навсегда расставаться с мечтами Эдуарда Альбертовича. Артур с раннего детства восхищался увлекательными рассказами деда, он мог слушать его часами, и сны Артуру потом снились не такие, как всем. Он видел лазурное небо, изумрудную траву, он слышал сказочное пение птиц и вдыхал неповторимый аромат природы. Артур до сир пор не верил, что когда-то, не так уж давно, эта диковинная красота окружала людей.

Именно поэтому Артур был привязан к деду намного сильнее, нежели его родной брат Денис, который не был фантазером, любящим созерцать, но всегда был реалистом и практиком. Денис,

также как и брат, любил деда, но только по-своему. Его привязанность скорее была не на уровне сердца и каких-то глубоких чувственных переживаний, а больше на физическом и бытовом уровне.

Денис ходил по комнате, он волновался за Эдуарда Альбертовича не меньше, ему также было больно и тяжело расставаться с ним.

Дед многому научил своих внуков, он был им вместо отца и матери. Для обоих Эдуард Альбертович был частью их самих, что понималось только теперь. Дед вложил в них всю душу, он по крупицам учил их истинным ценностям, тщательно отбирая эти самые крупинки, оставляя только светлые и теплые, мягкие и, когда было необходимо, твердые. Время шло, и жизнь этих трех человек сосредоточилась в маленьком мирке, защищенном от внешнего «холодного» и «бездушного» мира стеной любви, ласки, доброты и внимания.

Эдуард Альбертович уже практически не говорил, его сухие потрескавшиеся губы лишь изредка шевелились, когда он просил пить. Однако вся его мимика и выражение глаз словно кричали о том, что это не последние мгновения его жизни. Наблюдая, Артур не мог поверить в то, что происходило на его глазах, как будто время стало отсчитывать минуты в обратную сторону.

– Денис, это просто невыносимо. Иди скорее. Смотри, наш дед на самом деле умеет творить чудеса, – Артур нежно прикоснулся ладонью к щеке деда.

– Всё прошло, ты жив, смерть забирает лишь слабых и безвольных, разочаровавшихся в жизни людей. Мы будем жить, как и прежде, даже еще лучше, – медленно говорил Денис деду, садясь рядом с братом. Оба затаили дыхание и ждали объяснения этого исцеления.

Эдуард Альбертович тихо плакал. Братья думали, что от радости выздоровления, но Эдуард Альбертович знал, что оно продлится недолго, поломанные часы жизни отсчитывали последние минуты. Эдуард Альбертович должен был успеть рассказать всё. Он плакал от счастья осознания того, что скоро, очень скоро все люди, весь мир тоже будут счастливы, что появится новая сила настоящей давно забытой жизни, мир пробудится после долгого сна

пустоты и серости, а любовь, это неизведанное для всех этих людей чувство, стремительно ворвется в их жизни. Час пробил, и душа продиктовала завещанье.

После смерти многие люди недоумевали, почему они попадали в странное пустынное место, а не проходили через туннель, который ослеплял и очаровывал своей белизной и о котором так часто на Земле рассказывали пережившие клиническую смерть люди. Глядя вокруг, нельзя было рассмотреть что-то на далеком расстоянии, словно зрение было ограничено. Всё, что можно было увидеть в этом безлюдном месте, — это странный особняк гигантских размеров, находившийся прямо напротив человека, попадающего в это непонятное место.

Размеры особняка были настолько велики, что полностью охватить его взглядом было невозможно. Вход в особняк отсутствовал, так как все стены имели многочисленные бесформенные отверстия разных размеров. Стены плавно расширялись вверх, и, казалось, не имели крыши, а уходили куда-то ввысь, где за темными облаками и кронами высохших и обугленных деревьев-гигантов их уже нельзя было рассмотреть. Вокруг особняка стояли многочисленные железные лестницы с изогнутыми, обшарпанными перекладинами и торчавшими в разные стороны острыми, ржавыми прутьями. С их помощью можно было достигнуть любого отверстия-окна. Идти больше было некуда: буквально через пять метров от стен особняка-гиганта по всему периметру начинался крутой обрыв, дно которого также было невозможно разглядеть из-за темноты.

Люди, наделенные на Земле жадой знаний и любопытством, наверняка не все пожелали бы сразу попасть в особняк: некоторые остались бы сидеть у стен, другие начали бы исследовать местность. Однако странным оказывался тот факт, что на какое-то время все они теряли контроль над своим разумом и движением. Какая-то невидимая сила удерживала их на одном месте. После нескольких минут такого ожидания эта же невидимая сила заставляла их обратить свой взгляд на небо. От увиденного люди теряли

дар речи: прямо на темном небе появлялись громадные буквы, словно написанные золотой искрящейся краской; буквы образовывали слова, а слова — целые предложения. Многие сразу узнавали цитаты из Библии, некоторые же нет. Но зато каждый теперь точно знал, что это пока еще не Рай и не Ад, а Чистилище, а впереди — Судный День.

По прошествии какого-то времени люди приходили в себя от внезапной боли на ладони правой руки. Когда они подносили руку к лицу, чтобы посмотреть, что случилось, то снова теряли дар речи, теперь уже оттого что увиденные на небе фразы перемещались на руку, которая напоминала монитор с бегущей строкой. Каждый человек, получивший подобный знак на ладони, без слов, в конце концов интуитивно понимал, что это — цитата из Библии о том, как надо было поступать на Земле. Это означало, что написанная на ладони заповедь при жизни не исполнялась. Создатель давал каждому человеку возможность поразмышлять над своей жизнью и о своих грехах, которые не позволили ему миновать этого места.

После пережитых впечатлений эта же невидимая сила позволяла человеку идти только по направлению к отверстиям особняка-гиганта. Если движением кто-то всё еще управлял, то эмоциональные ощущения снова были подвластны людям. Некоторые воспринимали случившееся спокойно, но большинство испытывало чувство панического страха. Люди начинали метаться и карабкаться по лестницам, приставленным к отверстиям, на стену особняка. Обеспеченные и имеющие общественное признание земляне предпочитали взбираться как можно выше, в надежде, что наверху будет более уютно и спокойно. Привыкшие жить на высоте стремились ввысь. Те же, которые на Земле были обычными рядовыми среднестатистическими жителями, наверх не стремились, а искали такое отверстие, к которому удобнее было подступить и через которое можно было бы беспрепятственно проникнуть вовнутрь.

Когда люди добирались до странного входа в особняк, то не могли ничего разглядеть: внутри было не просто темно, а складывалось такое впечатление, что зрение полностью пропадало. Беднягам ничего не оставалось, как падать в неизвестность.

Некоторые настолько наполнялись страхом, что прыгали со стен обратно на землю, ломая ноги, руки, позвоночник, однако, на их же удивление, они уже не испытывали никакой физической боли, а о падении напоминали лишь болтающиеся переломанные части тела. Им снова приходилось покорять лестницы, так как больше идти было некуда.

Делая шаг вперед, люди вступали в новый этап своей жизни, самый главный с момента их появления на Земле – этап, когда решалась их судьба жития в Вечности. Они летели по глубокому и широкому тоннелю, где им предстояло ожидать Суда и приговора Создателя Мира: Рай или Ад.

Итак, переступая через отверстие, умершие на Земле стремительно падали вниз: и те, которые взбирались выше, и те, которые находились у самого подножия здания. Они летели с такой огромной скоростью, что даже не могли рассмотреть стен, мимо которых пролетали, несмотря на то что становилось все светлее и светлее. По меркам земного времени полет длился около часа, в результате чего люди испытывали такой нервный стресс, истощение и перевозбуждение, что, казалось, разум оставлял их. К концу полета многие из летевших седили, многие искусывали губы в кровь, некоторые, наиболее слабые, пытались покончить с собой, чтобы не испытывать больше этих мучений. Они старались пальцами выковырять себе глаза, расцарапать лицо, не дышать, чтобы задохнуться, но ничего не помогало, ибо это уже была не Земля. На самом деле, это было лишь первое испытание, которое ждало каждого из попадавших в место ожидания своей участи.

На самом дне громадной необъятной ямы находились миллионы людей, которые кишели, как змеи, пытаясь выбраться наружу, наступая друг на друга и снова скатываясь вниз. Яма имела бесконечные размеры, поэтому обезумевший народ постоянно находился в поисках выхода. Вдоль стен ямы на разных уровнях располагались ниши, в которые можно было попасть, цепляясь за выпуклости на стенах. Это было сделать не так уж трудно, так как стены находились под наклоном и давали возможность карабкаться от ниши к нише. Однако проблема заключалась в том, что в одну и ту же нишу стремилась попасть целая толпа. Чаще всего люди постоянно сталкивали друг друга, стаскивали, били кула-

ками и ногами, лишь бы добраться до желанной цели первыми.

Каждая ниша была перекрыта невидимой перегородкой, проникнуть за которую было не так просто. Все ниши имели свои названия, и когда человек добирался до одной из них и дотрагивался до перегородки, то она словно оживала и превращалась в монитор, который начинал транслировать все сюжеты жизни прикоснувшегося, связанные с тематическим названием ниши.

Перед теми, кто прикасался к нише «Бескорыстие», мелькали изображения их поступков в земной жизни. Те, которые видели на экране, как они дружили, любили, общались с окружающими из корыстных побуждений, словно электрическим разрядом сталкивались с нишей. Но они не сдавались и пытались вскарабкаться на другие ниши. Те, которые проходили через испытание, преодолевали невидимую перегородку и оставались жить в нише до тех пор, пока не желали продвинуться еще выше.

Если душевные ниши, которые располагались у подножия ямы, были практически забиты до отказа, в них не было никаких удобств, а только голые стены из грубого серого кирпича, то ниши, располагавшиеся выше, были не так многолюдны и отличались своим внутренним убранством. На средних уровнях внутренние стены ниш были отшлифованы, покрашены в светлые тона, внутри имелись красивые резные зеркала, кресла, диваны, столики, шкафы со сменной одеждой и обувью. Ниши самых верхних уровней были громадными по площади и имели не только роскошный интерьер, но и были практически изолированы от шума и гама, который доносился снизу.

Творец Вселенной расположил Чистилище неподалеку от Царства Люцифера, чтобы люди смогли трезво оценить ситуацию и морально подготовиться к Судному Дню, когда они будут отвечать за свои земные поступки. Благодаря иерархии ниш большинство обитателей Чистилища могли предположить, что их ожидает в Вечности, так как названия ниш и цитаты Библии на ладони четко соответствовали законам Господа, которые люди игнорировали на Земле или исполняли.

Основная масса людей продолжала лихорадочно метаться по дну ямы, пытаясь найти хотя бы одну нишу, в которой можно было бы отдохнуть от бесконечных поисков.

– Времени мало, а сказать нужно многое, – говорил дед окрепшим голосом, предчувствуя приближение смерти. – Я люблю вас. Вы знаете, что это такое. Если бы вы этого не испытывали, то вас сейчас бы здесь не было. Моя любовь будет жить в ваших сердцах вечно, она будет беречь вас от жестоких ударов судьбы, поддерживать в трудные минуты. Я жил ради любви. Запомните, любовь – самое «сильное» слово на Земле, это самое важное в жизни каждого из нас. И вы поймете это не сейчас, а спустя годы. Жизнь преподнесет вам еще немало всевозможных уроков, не всегда будет легко, но главное – будьте добры, не желайте зла близкому вам человеку и любите, любите всех и каждого, любите, как себя самого, и вы испытаете истинное счастье.

Дед перевел дыхание и попросил воды. Затем он продолжил, очнувшись как бы в неземном прозрении:

– Куда все делось, почему люди навсегда погрузились в эту скучную, мрачную жизнь? Где в этом глухом мире согреться душе? Что радует ваш глаз? Обожженная земля? Чем вы наслаждаетесь? Мертвой тишиной? Кто бы мог подумать, что уже в 2099 году исчезнут почти все деревья, перестанут расти трава и цветы, разливаясь необычайной палитрой красок по полям и лугам, не будут петь птицы, потому что их самих не будет?

Клоны запленили Землю. Идешь по улице и думаешь, что, может быть, все, кто тебя сейчас окружают – зомби? Чьи души обитают в их телах? Что они чувствуют?

Во что превратилось человеческое существование, ради чего вы живете, если у вас нет семей, нет друзей? Когда я был таким же молодым, как и вы, мне и в голову не могло прийти, что создавать домашний уют будет не моя жена, а робот-хозяйка!

Люди разучились любить! Зачем создавать семью, если каждый из нас может прийти в «Центр создания ребенка» и заказать его с желаемыми внешними данными, характером и даже привычками? «Я хочу, чтобы мой мальчик был похож на моего обожаемого актера», – заявляет будущая мать. Но разве она будет также любить своего ребенка, как если бы девять месяцев она вынашивала его, чувствовала, как он растет, бьет ножкой? Именно такой ребенок,

пусть и не самый красивый на Земле, будет для матери «ее ангелочком» и самым чудным ребенком на свете.

– Дед, ты только не переживай так. Да, для тебя все это значит больше, чем мы могли предположить, иначе ты давно бы смирился и жил, как все. Но пойми, мы живем и не чувствуем, что нам чего-то не хватает. Спроси любого, и каждый тебе ответит, что не будет рисковать своей жизнью, которая его вполне устраивает, ради чего-то чуждого ему, – попытался объяснить Денис.

Денису с трудом удавалось сохранять добродушное выражение лица, говорить спокойным, ровным тоном, не выказывая раздражения и недовольства. Он понимал, что сейчас не время бунтовать и настаивать на своем. Как бы ни были чужды Денису рассуждения деда, какими бы безумными они ему ни казались, он проявлял силу воли и молчал ради деда, понимая, что тот может покинуть этот мир навсегда в любой момент.

Эдуард Альбертович настойчиво искал поддержки своих идей и мыслей и нашел их в сочувственном взгляде Артура. Он немного успокоился и продолжил, с мольбой в глазах обращаясь к внуку:

– Я никогда не говорил вам о своем открытии, да и сам не до конца верил в него, но пришло время. Сегодня все встало на свои места, и головоломка разгадана. Осознание того, что теперь моя давняя мечта, цель моей жизни может стать реальностью и осуществиться, дало мне силы на этот мой последний рассказ. Слушайте, подробнее вы все прочтете из моего дневника, когда я отойду в мир иной, а сейчас я должен «заразить» и вас этой идеей, а если не выйдет, то прошу одного: выполните мою волю, мое единственное и последнее желание.

– Мы слушаем тебя, ты только не волнуйся, – спокойно произнес Денис, Артур же словно онемел. Он знал, что чего бы ни попросил сейчас его дед, желание будет исполнено, несмотря ни на какие трудности и преграды. Если будет необходимо посвятить этому всю жизнь, то он был готов.

Денис же ощущал себя каким-то героем приключенческого фильма, где необходимо выполнить особо важную миссию и спасти весь мир. Ему становилось всё труднее слушать своего деда, практически навязывающего ему свои желания. Внутреннее негодование росло, когда Денис наблюдал за Артуром, ловящим каж-

дое слово деда. В эти моменты он казался Денису каким-то мягкотелым и податливым, словно каждый мог «повесить» на его плечи все свои желания, идеи и мысли.

Дед продолжил:

– Вы должны помнить о самом важном. Мы живем в эпоху преобразований и открытий. Строя наше будущее, мы никогда не должны забывать о прошлом. Исключительно через познание так быстро забытой жизни можно перекинуть мост в будущее. И таким мостом, способным навечно связать прошлое, настоящее и будущее, становится культура, нравы и быт людей. Именно прошлое дает нам возможность «пролистать» судьбоносные страницы истории всего человечества. А что же происходит сейчас? Мы так давно потеряли уважение к минувшему времени – черту, отличающую образованность от невежественности. Только то общество, которое искренне чтит свое прошлое, достойно великого будущего. И вам необходимо это прочувствовать. Прошлое незримо находится рядом с нами, в нашей современной жизни, подчиняется ее законам. Я посвятил всю свою жизнь поискам нити, способной крепко и навсегда связать прошлое, настоящее и будущее.

«Когда же эта лекция по истории и философии закончится?» – Денис с трудом удерживался от желания закатить глаза, скрестить на груди руки и, развалившись на стуле, стоящем перед кроватью деда, вытянуть ноги.

Дед тем временем перевел дыхание и продолжил:

– Теоретически я нашел способ увидеть самое главное чувство на Земле – любовь. Я смог невидимое чувство превратить в видимое сердце, которое сможет, благодаря своей внутренней энергии, проникнуть в сердце каждого из вас и внести в жизнь новые краски эмоций и внутренних ощущений.

Я провел множество опытов, я сделал тысячи расчетов, я ошибался и начинал все сначала, и у меня получилось. Этот долгий процесс я не стану описывать, просто не хватит времени. Я расскажу, что вы должны будете сделать.

Итак, в моих документах в синей папке вы найдете карту, на ней указано местоположение времяпоглотителя. Из всех известных физических законов только второй закон термодинамики вводит понятие необратимости физических процессов. Однако этот

закон является статистическим, а значит, всегда существовала ненулевая вероятность «обратного хода времени». На этой теории и базировалось создание времяпоглотителя. Спрятан он очень надежно, о нем не знает никто. Информация о путешествиях во времени передавалась из поколения в поколение, и я открываю эту тайну и вам. В этой же синей папке вы найдете инструкцию, где подробно описано, как управлять времяпоглотителем.

Через него вам будет необходимо побывать в прошлом на Земле девять раз. В каждом из предыдущих трёх веков вы наугад выберете три года, в каждом из годов опять наугад выберете точную дату начала действий. По воле случая вам также нужно выбрать место действия, мужчину и женщину, не состоящих в браке. Они не должны знать друг друга – это одно из основных условий. Вы будете той судьбой, которая сведет их вместе. Нужно действовать очень осмотрительно, чтобы никто ничего не смог заподозрить. Вам дается определенный срок для достижения намеченной цели – это другое из основных условий. Никогда не забывайте, что время ограничено.

Дальше начинается самое сложное. Чтобы вам стало понятно, скажу следующее: производя сложнейшие расчеты, я доказал, что любовь – это не просто чувство. Ее можно увидеть. Я разработал специальные линзы, которые позволяют это сделать. Как их изготовить, вы также прочитаете. Самое сложное в том, что увидеть любовь можно лишь в очень редких случаях, и вам нужно создать такие условия, чтобы это можно было сделать. Ваша цель – накалить чувства влюбленных до такого состояния, когда человек, забыв о своем эгоизме и желании только потреблять и получать, готов быть жертвенным ради любимого и кричать на весь мир о своих чувствах. Когда вы поймаете такой момент, то увидите вокруг этих двоих светло-розовое облачко. Вы будете невидимыми, поэтому смело, не теряя времени, наполните один из хрустальных сосудов этим веществом.

– Где мы возьмем сосуды, о которых ты говоришь? – спросил Артур.

– В столе в моем кабинете, там их десять. Девять маленьких хрустальных сосудов и один большой, выполненный в форме сердца. Вам нужно будет расставить их на хрустальном блюде по

кругу, а в середину поместить хрустальное сердце. Перед каждым странствием вы будете брать по одному хрустальному сосуду, и после того как добудете светло-розовое облачко и наполните им сосуд, возвращаться обратно и ставить его на место. После того как у вас будут наполнены все девять сосудов, нужно поместить по очереди светло-розовые облачка в хрустальное сердце. С каждым разом это газообразное вещество будет становиться тверже и приобретать более яркий цвет. Когда хрустальное сердце полностью заполнится, солнечные лучи должны прогреть его, и тогда сердце «оживет» и станет биться. И любой, кто взглянет хоть раз на это чудо, словно родится заново, откроет для себя окружающий мир в новых красках и ароматах, обогатит свои чувства новыми неведомыми ощущениями.

И последнее условие – вы не должны лишать любви тех людей, которым ее даровали. Лишь один раз вы можете ошибиться, лишь один-единственный раз вы можете лишиться кого-то любви навсегда. Это жестоко, но ради будущего вы можете пожертвовать лишь одной жизнью, даже если кто-то погибнет еще, но уже не по вашей вине. Если хоть раз вам не удастся получить любовь, ваши и мои труды пропадут даром. Что тогда будет ждать мир, даже страшно подумать. Поэтому вы должны точно знать, стоит ли прибегать к этой последней мере или все обойдется без жертв.

Силы деда были на исходе, он больше не мог говорить и трезво рассуждать, слишком велико было напряжение. Он спрашивал глазами, готовы ли они. Заговорил Артур:

– Я хочу сказать тебе две вещи: во-первых, у меня есть цель в жизни: я должен подарить миру любовь, и я это сделаю, обещаю, а во-вторых, я люблю тебя, и всегда буду любить и помнить.

Денис не успел сказать ни слова, дед умер, на его лице навечно застыла улыбка. Денис ничего не стал говорить брату о том, что не собирается менять свою жизнь ради желания, пусть и последнего, их деда. Он, как и все люди, не желал перемен, а особенно возвращения прошлого быта и нравов. Денис верил, что мир и общество развивается по определенным законам, приспособляясь под меняющиеся условия существования. Так зачем же искать спасение в прошлом, если надо смотреть в будущее и строить его таким, каким оно должно быть в силу эволюционных процессов.

Он был готов немного развлечься с Артуром, повидать прошлое, познакомиться с новыми людьми, но не более того.

Марина смотрела в зеркало, прикасаясь к уже проступившим на ее лице морщинкам. Едва заметные, аккуратные, они все-таки выдавали ее возраст. Женщина выглядела уставшей, однако не физически, а скорее морально. Ее жизнь словно разделилась на две части: до того, как она собственноручно отдала свою дочь на воспитание чужим людям, и после этого судьбоносного решения. Марина осознала это, когда постепенно с годами начала понимать, что за чудовищный поступок она совершила.

Нельзя сказать, что Марина была из тех легкомысленных и бесчувственных женщин, которые рожают детей, а потом оставляют их новорожденными замерзать в поле или выбрасывают в мусорные баки, как отходы. Она была слишком молода, глупа и ветрена. Ее некому было поддержать в воспитании дочери. Возле нее не нашлось человека, который смог бы вовремя дать мудрый совет, направить мысли в правильное русло, ободрить морально и помочь физически.

Звонок заставил Марину перевести взгляд со своего отражения на дверь. Открыв ее, она увидела на пороге очаровательную девушку лет двадцати пяти. Первое, что привлекало внимание при взгляде на нее, это огромные карие глаза, которые притягивали к себе своей бездонностью и казались какими-то знакомыми. Ее каштановые волосы были распущены и слегка растрепаны. От волнения губы подергивались, то сжимаясь, то расправляясь в легкую задумчивую улыбку.

– Вам кого? – поинтересовалась Марина без особого энтузиазма. По мере того как она всматривалась в черты лица девушки, руки ее начали покрываться мурашками, а сердце замедлять ход. Она почувствовала какую-то тревогу, но сразу не смогла понять причину этого внезапно возникшего чувства. Девушка молчала, словно само ее присутствие здесь говорило обо всем, и Марина не ждала от нее объяснений. Сердце подсказало, кто стоит перед ней, но память продолжала напряженно работать, чтобы выдать

точный ответ и не ошибиться. В горле разволновавшейся женщины слегка защемило, губы невольно задрожали, а глаза наполнились слезами. От неожиданности эмоции поглотили Марину настолько, что ей захотелось покрепче прижать девушку к себе и никогда больше не отпускать. Взяв себя в руки, Марина попыталась улыбнуться. Она не могла обнять Диану, так как ей было стыдно и неловко.

Диана смутно помнила свою мать, поэтому, звоня в дверь, она намеревалась расспросить людей, живущих в квартире, об их жильцах, чтобы понять, где следует искать свою маму и не переехала ли она. Диана сотни раз прокручивала в голове сцену, когда снова увидит ее. Волнение переполняло девушку, ведь, найдя маму, она могла встретиться с другой, совершенно незнакомой ей семьей, которая, может, и не захочет принимать ее как родную. «А что, если у нее новый муж, много детей, и я просто окажусь лишней?» – рассуждала Диана. В конце концов, мысли разного рода настолько утомили ее, что она перестала фантазировать и решила наконец-то встретиться с матерью.

Сердце подсказало Диане, что стоящая перед ней женщина и была ее мамой. Сделав шаг вперед, она прошептала: «Здравствуй, мама». Диана простила ее, ту, которая исковеркала ей жизнь, разбила ее детские мечты, лишила дома. Диана боялась, что мать так и не захочет ее видеть, но ей стало легче, когда она увидела перед собой искренне раскаявшуюся измученную женщину, которая безмолвно просила простить ее.

– Я давно простила тебя, – продолжала Диана. Марина взяла дочку за руки и повела за собой в дом, говорить не было сил, и Диана это понимала.

Мать предложила ей сесть, а сама ушла на кухню, чтобы приготовить кофе. Им обоим нужно было прийти в себя, собраться с мыслями и успокоиться, прежде чем продолжить этот тяжелый разговор.

Мумирон, Гнилус и Величавый больше всего любили проводить свободное время возле особняка. Они всегда оставались незаме-

ченными, так как, во-первых, людям было не до них, а во-вторых, размеры особняка-гиганта позволяли наблюдать за происходящим на расстоянии. Да и попадаться на глаза жителям Чистилища они не сильно желали, так как их целью было повеселиться от души, наблюдая за ничем не понимающими людишками.

Чаще всего Мумирон, Гнилус и Величавый забирались наверх особняка, высовывали головы в отверстия и хохотали над тем, как менялись в полете испуганные бледные лица новоприбывших. Они не могли унять от смеха, видя, как многие начинали истошно вопить и в воздухе биться в конвульсиях от всепоглощающего страха и неизвестности. Мумирон широко открывал свой огромный рот и отрывисто гоготал, Гнилус расплывался в улыбке и истерично хихикал, выставляя напоказ гнилые желтые зубы и рыхлый черный язык, а Величавый надменно улыбался, оставаясь сдержанным и не давая чувствам, которые его распирали, прорваться наружу.

В тот момент, когда они наблюдали за падением в бездну супружеской пары, их мысли были прерваны приказом направиться в особняк Господина и предстать перед ним незамедлительно для получения очередного задания.

Мумирон своей длинной метровой рукой схватил за шерсть Гнилуса, который умещался у него на ладони, и двинулся по направлению к Царству Тьмы. Величавый шел рядом.

Эта троица редко разлучалась не потому, что была дружна (это понятие в Аду отсутствовало вообще), а потому, что выполняла земные поручения, как правило, сообща. Каждый из них обладал особым «даром», и все вместе они могли довести любого человека до безумия, безрассудства, нравственного падения, духовного заблуждения и полного отращения к Богу и самому себе.

Мумирон был достаточно умен, чтобы распознавать в людях слабости, с помощью которых их можно было заставлять служить Хозяину, в то время как они сами считали, что получают спасение и исцеление. Это был худощавый бес ростом под два метра. Он слегка сутулился, почти всегда смотрел в пол и шаркал при ходьбе ногами. Волос на его голове было мало, лицо и все тело имели бледно-желтый болезненный оттенок. У него были большие глаза, крупные зубы и глуповатое выражение лица.

Мумирон специализировался на физических и духовных человеческих болезнях, тщательно подбирая ту или иную для каждого. Он мог часами сидеть в овраге, и, не обращая ни на кого внимания, с дотошностью изучать генеалогические древа людей, их родственные взаимоотношения, чтобы для каждого найти тот объект душевных и физических травм, который бы приносил наибольшие переживания и страдания. Люди, в последней надежде на исцеление своих детей, мужей, жен, отцов, матерей и, наконец, самих себя, в отчаянии начинали обращаться к магам, целителям и знахарям, сами не понимая, что все они – слуги Люцифера.

Гнилус был низкорослым и дурно пахнущим бесом человеческих похотей. Ростом он был не более тридцати сантиметров. Его передние конечности, служившие ему руками, доставали до земли, а ноги были кривыми и коротенькими. Тело нельзя было назвать мохнатым или гладким, оно постоянно находилось в еле различимой трансформации, подобно хамелеону, меняющему свой цвет. Темно-бурая, липкая, с жирным отблеском мохнатая шкура постепенно приобретала слегка зеленоватый оттенок, а волоски становились короче. Покрытая волдырями и неровностями кожа то сморщивалась, образуя бесформенные складки, то расправлялась и натягивалась, чуть не лопааясь. Черты лица Гнилуса описать также достаточно сложно. Непропорционально большие уродливые уши торчали вверх, нос был маленьким, губы, начинающиеся прямо от ушей, были узкими и вызывающими отвращение. Ну, а хитрее взгляда, чем этот, вы вряд ли видели. Его глубоко посаженные глаза постоянно смеялись, быстро двигались и раздражали отсутствием намека на человечность.

Чаще всего он с неопишуемым и неподдельным восторгом восседал на плече своей очередной жертвы, нашептывая ей на ухо развратные мысли, разжигая в уме сцены плотских удовольствий и извращений, приглашая все глубже и глубже окунуться в море разврата, выдаваемого за раскрепощенность, беспорядочных и нескончаемых связей – за свободу отношений, нечистой совести – за современный стиль жизни. Когда жертва повиновалась и погружалась в мир сладострастия, Гнилус, в знак выполненного задания, прищуривая морщинистые глазки, оплевывал ее и размазывал свои тягучие выделения изо рта по шее и ушам. Он гордился тем,

что мог делать с людьми всё, что пожелает, даже вытирать о них свои скрюченные маленькие ноги до тех пор, пока эти одуроченные находились во власти его Хозяина.

Величавый был совсем не похож на других бесов и духов. Он так любил перевоплощаться в образ обычного человека, что никто уже и не помнил, как он выглядел на самом деле. Величавый был совсем не уродлив, даже наоборот, привлекателен. Он был образцом человеческого физического совершенства в красоте и стиле. Располагающая к доверию улыбка; зеленые глаза, взгляд которых вызывает чувство безопасности; правильные черты лица; слегка волнистые аккуратно уложенные волосы; элегантность; тактичность; белоснежная рубашка; идеально сидящий костюм; начищенные ботинки – пожалуй, так и можно описать Величавого. «Постойте, какой же это бес?» – спросите вы. Так вот именно в образах ангелов света они и приходят к нам, чтобы одурочить; иначе, как усыпить человеческую бдительность?

Величавому, как правило, доставались люди из высшего общества, у которых деньги «текли рекой», или же трудяги среднего уровня достатка, которые работали в поте лица годами, забывая о своих семьях и самих себе.

Основная задача Величавого заключалась в привитии этим людям гордыни, самовлюбленности, уверенности, что они совершенны и правы во всем. Вершиной выполненного задания для Величавого являлось человеческое возвеличивание своего «Я». Человек – Бог! Состояние и общественное признание – Могущество!

Врата Царства Тьмы, как правило, были плотно закрыты изнутри железным засовом. Они были раскалены докрасна от жара, который наполнял все Царство. Внизу имелось оконце, через которое беспрепятственно входили и выходили бесы для выполнения своих ежедневных земных поручений. Сами врата еще ни разу не открывались. Это событие должно было случиться в Судный День, когда сюда приведут грешников, которые так и не пожелают раскаяться в своих грехах, и не смогут простить всех, кто причинил им боль и страдания в земной жизни. Им надлежало остаться в Царстве Люцифера навечно.

Сразу за воротами на земные километры простиралось громадное грязевое поле, от которого несло зловониями и гнилью. Это

было пристанище червей, гусениц и змей, которые предпочитали прохладу жаркому климату. Бесы любили передвигаться до ворот на змеях, которые с удовольствием служили им транспортными средствами.

За полем находился овраг, через который шли две навесные лестницы, расходившиеся вправо и влево. В овраге жили бесы и прочие обитатели Царства Люцифера. У них не было каких-либо отдельных хижин или укрытий. Все они бодрствовали одновременно в одной большой кишасей куче. Из оврага постоянно доносились визги, крики и шипения, так как все друг другу мешали, наступая соседям на головы, хвосты, испражняясь друг на друга и обслонявливая.

На другой стороне оврага находился громадный особняк, по обеим сторонам которого разливалось огненное озеро. Из него валил пар, а раскаленные бурлящие пузыри периодически лопались и выплевывали на берег сгустки пламени, которые, как правило, скатывались в овраг, обжигая его жителей. Бесы были недовольны этим, но знали, что это одно из свидетельств их любви к Хозяину: любить его – значит терпеть любую боль ради него.

Особняк представлял собой громадное бесформенное здание, очертания которого было практически невозможно охватить взглядом по той причине, что тьма, окутывавшая его, сливалась с ним самим. У входа в него толпились бесы, ожидающие приглашения Хозяина. Внутреннее убранство Царства Люцифера было отвратительно. Полная тьма, запах гнили, липкие, скользкие пол и стены – пожалуй, все, что можно сказать об этом месте. Прямо в холле находилось две лестницы, одна из которых шла вниз, а другая – вверх. Нижняя лестница была пустынна, так как ее будущие обитатели, люди, пока что находились в Чистилище и ждали Судного Дня. Лишь иногда по ней бегали бесы, осуществляя последние приготовления. Одни несли какие-то железные приспособления разных размеров, другие – ведра серы и раскаленной лавы из огненного озера, третьи – котлы, подставки и громадные половники.

Большинство людей наслышано о подобных вещах, и они, как правило, иронично посмеиваются, встречая такую интерпретацию пребывания в Аду. Эх, знали бы они, как над такой реакцией

смеются служители темных сил, подкидывая людям забавные истории о том, что в Аду их будут варить, как выпотрошенную посиневшую курицу. Большинство людей ограничивается таким представлением Ада, и «закрывает» эту тему в своем разуме навсегда.

Вся же реальная трагичность подобной ситуации заключается в том, что описанные страдания – лишь небольшая прелюдия к тому, что ожидает человека, отвернувшегося от Бога, в Аду. Половники и котлы окажутся «каплей в море», когда человек испытает не только физические, но и душевные и духовные страдания.

На самом деле, все мы чувствуем присутствие Бога, даже если не верим в Него. Порой мы сталкиваемся с такими ситуациями, когда понимаем и ощущаем, как Кто-то Свыше вмешивается в нашу жизнь. Эта невидимая Божья забота проявляется особенно явно в жизни верующих людей, которые никогда не чувствуют себя одинокими, даже если весь мир отворачивается от них, и всё вокруг рушится. Да и неверующий человек в отчаянии всегда кричит: «Господи, за что?». Он, Всомогущий и Вездесущий, всегда рядом, где бы мы ни находились.

Бог сотворил человека, вдохнув в него Своё дыхание. Сделавшись душою живой, творение незримо связано со своим Творцом на протяжении всей земной жизни. Эта связь и называется «смыслом жизни» и заключается в общении между Богом и человеком. Развитие этих отношений дает человеку возможность находиться в этом мире под Божьей защитой с надеждой на вечную жизнь, лишённую страданий, слез, мук и прочих трудностей и скорбей. В Аду эта связь теряется. Она разрывается навсегда.

Нескончаемые чувства страха, безысходности, потери, гнева, обиды, злости и апатии на душевном уровне будут навечно переплетены с чувствами отделённости от Бога, от надежды, любви, радости, благодати, покоя и мира на духовном уровне.

Чтобы в полноте прочувствовать этот «букет удовольствий», достаточно представить себя живым, в крошечной тьме, заколоченным в тесном и узком гробу, без света и доступа воздуха, закопанным на три метра в землю.

Поначалу человек лежит, вытянув ноги, глядя в полную темноту. Когда взгляд начинает привыкать к отсутствию нормаль-

ного освещения, всё, что становится видимым вокруг, – это еле различимые, темные, грубо обтесанные доски. Их запах начинает бить в разгоряченные от страха ноздри. Дыхание становится более глубоким от нехватки кислорода и более резким и хаотичным – от неспособности мозга возобновить привычный мыслительный процесс из-за перевозбуждения каждой ниточки нервов. Прилившая к головному мозгу кровь начинает отзываться сильными ударами боли в висках, заставляя содрогаться каждый участок тела. Волна жара сменяется волной ледяного холода, и человек начинает постепенно впадать в состояние безумия. Инстинкт самосохранения срабатывает лишь в первые минуты, когда организм от возникшего перенапряжения набирает силы сражаться, но и это ненадолго. Всё, на что способно тело под действием ослепленного безумием разума, – в отчаянье попытаться выбраться наружу из умело сколоченного гроба, что приводит лишь к физической опустошенности и еще более сильному ощущению потери реальности.

Далее события могут идти по различным сценариям в зависимости от моральной устойчивости и крепости психики отдельно взятого человека. Однако это всего лишь вопрос времени. В результате перед нами предстает беспомощное беззащитное существо, уже не способное трезво мыслить, улыбаться, если только отрешенным оскалом от предчувствия приближающегося мучительного конца. Что видят глаза такого человека? Крышку гроба? Увы, нет. Они уже не видят реальности, а в затуманенном мозгу возникают образы прошлого. Жалкое существо, раскаявшееся или озлобленное, ищущее последнюю надежду или смирившееся с бессмысленностью своего существования, – таково описание человека, оказавшегося всего лишь в других жизненных условиях – в гробу, под землей, в полном одиночестве.

Вряд ли такие ощущения, которым не будет конца, вызывают смех, а ведь наивные и невежественные люди смеются, сочиняя немало анекдотов про жизнь в Аду после смерти.

Последним, что помнили супруги, был момент, когда красивая ярко-красная иномарка, на бешеной скорости несшаяся по трассе,

чуть было не влетела в лобовое стекло машины, которую вел Гоша. И Гоша, и Вера, и Илюша зажмурили глаза, ожидая неизбежного столкновения, но вместо этого они оказались в каком-то темном месте рядом с каким-то не менее темным особняком. Гоша и Вера обернулись и сразу же запаниковали, но не по причине чего-то странного и сверхъестественного, а оттого, что Илюши рядом не оказалось.

Вера начала метаться по сторонам, но, делая три шага от того места, где она стояла, наткнулась на невидимую стену. Ее отбрасывало на прежнее место, но Вера, не обращая внимания на эти странности, билась о невидимую преграду и обращалась к Богу за помощью.

– Господи, где я? Что это за место? Где мой сын? Господи, или мне все это снится? – Вера опустилась на колени и зарыдала от испуга и чувства неизвестности, охватившего ее. Кроме того, причиной страха и внутренней тревоги явилась ее способность разговаривать на каком-то совершенно незнакомом языке.

Люди, умирающие на Земле и попадающие в Чистилище, переставали говорить на своих родных языках. Теперь они могли понимать друг друга и беспрепятственно общаться на одном-единственном, понятном абсолютно всем языке.

Мало кто знает, что такой этап общения между людьми имел место в истории человечества. О существовании единого языка говорится в Библии: это была пора возведения Вавилонской башни, после всемирного потопа, когда «на всей земле был один язык и одно наречие». Возгордившись и желая сделать себя знаменитыми, люди ревностно занялись постройкой города Вавилона и Вавилонской башни. Но Творцу это было не угодно. Он посмотрел на город и башню, которые они строили, и сказал: «Вот, один народ и один у всех язык; и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого». Господь смешал язык людей, так что они не понимали друг друга и не могли продолжать строить башню. По этой причине то место стало называться «Вавилон», то есть «смешение».

Однако наступил момент, когда Создатель снова позволил людям общаться на одном языке. Необходимость разделения и не-

понимания между людьми после физической смерти отпадала. Те, чья участь – вечно мучиться в Аду, вряд ли будут вообще открывать рот из-за нескончаемых болей, которые возникнут от малейшего движения тела. В Раю же понятия «зла» существовать не будет, люди больше никогда не узнают, что такое боль, страх, одиночество, слезы, а желание разделения, самовозвеличивания, соперничества бесследно исчезнет. Все будет наоборот – люди начнут новый этап сближения между собой на совершенно новом духовном уровне.

– Встань и посмотри вверх, – Гоша нежно взял жену за локоть, поднял с холодной земли и крепко прижал к себе, не подавая виду, что новая речь произвела на него не менее сильное впечатление.

Небо на мгновение ослепило их своей белизной, словно чья-то невидимая рука раздвинула темные шторы, которые не давали свету проникать через этот плотный занавес. Внезапно человеческие эмоции и мысли покинули супругов, и они замерли в ожидании. Какое-то время ничего особенного не происходило, только свет становился все ярче и ослепительней, а на них самих изливалась невидимая теплота, которая давала ощущение любви и полной защищенности. Их обняли невидимые руки, словно руки матери, прижимающей к себе свое любимое дитя, и голос проговорил в их разум: «Защищайте себя, если желаете жизни вечной».

Внезапно на небе стали появляться громадные буквы, и тот же голос беззвучно проговорил в разум Гоши: «Это твоя жизнь». Из букв, превращающихся в слова, прямо на небе сложилась фраза: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

От увиденного Гоша буквально пришел в шок, так как был абсолютно уверен в том, что когда умрет, несомненно, окажется в Раю. Он был примерным семьянином, всю свою жизнь посвятившим одной-единственной женщине – Вере, которой за десять лет супружеской жизни он не изменил ни разу. Гоша был прирожденным трудолюбом, все деньги приносил в семью, а продвижение по службе и повышение социального статуса его интересовали ради одной-единственной цели – обеспечить свою семью, чтобы ни жена, ни Илюша ни в чем и никогда не нуждались.

Открыв рот от удивления, Гоша решил оправдываться прямо на месте, так как привык к тому, чтобы ничего недосказанного не

оставалось. Но губы и язык не слушались его, а внутренний голос проговорил: «Всему свое время». Но Гоша не унимался, требуя справедливости. Он в мыслях стал вызывать к Богу: «Я никого не убил, всю жизнь был верен только жене. Я любил и уважал своих родителей. Я никогда не желал никому плохого и ни на кого не держал зла. Я не пил и не курил и был образцом для многих. И я верил, всегда верил, что Ты есть. Где Твоя справедливость?» Через несколько секунд ожидания тот же мягкий голос снова проговорил: «Всему свое время. У тебя будет его достаточно, чтобы поразмыслить над тем, почему ты не избежал Судного Дня».

В те же самые минуты, когда в сердце Гоши пришло глубокое разочарование и обида, когда он пытался доказать свою чистоту и праведность, Вера тоже пребывала в шоке. Вглядываясь в буквы и слова, она прочитала: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Вера, так же, как и Гоша, была абсолютно уверена, что после смерти попадет прямо в Рай. Она считала себя истинно верующей, так как по праздникам посещала церковь, на Пасху пекла куличи и красила яйца, старалась соблюдать заповеди, которые установил для людей Господь, а если и грешила, то тут же раскаивалась и просила прощения у Бога за свои неправильные поступки. Ее совесть была чиста, а на душе были мир и покой. Она верила в силу молитвы, и не раз Господь отвечал ей на ее просьбы. Вера буквально ощущала, что Бог оберегает ее и ведет по жизни, поэтому и не беспокоилась.

Увидев на небе золотые фразы, она сразу догадалась по стилю изложения, что это были строки из Библии. Вера не стала оправдываться, так как поняла, что она упустила самое важное. От обиды слезы покатились из ее глаз. Ей было тяжело осознавать, что Библия всегда присутствовала в ее доме, но она никогда не читала ее, так как это казалось очень скучным и неинтересным занятием. И эта самая фраза, которую она сейчас видела перед собой, всегда была рядом.

«Господи, а что, если бы я простила всех людей, на которых держала зло?» – единственное, что пожелала узнать Вера прямо

сейчас. «Спасешься ты и весь дом твой», – ответил в разум все тот же голос строками из Библии. Вера снова опустилась на землю. Плач перешел в рыдания. И все же, будучи человеком, Вера искала оправдания себе: «Я не прощала, но я и не мстила, а просто вычеркивала этих людей из жизни и не делала ничего против них». Несмотря на то что эта фраза относилась не к Богу, а к ней самой, голос добавил: «У тебя еще есть время раскаяться».

Гоша, увидев, что Вера снова сидит на земле, подошел и сел рядом. Молчание прервала боль, от которой оба вздрогнули. Цитаты из Библии, по которым они будут судиться, отпечатались прямо на ладонях. Помимо написанных на небе фраз, на ладонях супругов появлялись всё новые и новые, одна за другой. Однако мысль сосредоточиться на чтении и осмыслении не посетила ни Гошу, ни Веру. Словно по команде, они встали и беспрепятственно подошли к особняку. Вера, неожиданно вспомнив о том, что не узнала самого важного, повернулась спросить об Илюше, но тьма снова окутала это место, и наступила тишина. Гоша и Вера стали карабкаться по лестнице вверх к отверстию.

Гоша держал Веру за руку, когда они упали в неизвестность. Но дальше держаться друг за друга не удавалось, учитывая скорость полета и разный вес супругов. Если Гоша летел с чувством непонимания, что произошло, то Вера буквально билась в конвульсиях от наступившего ее страха.

Мама, находясь в приподнятом настроении, куда-то собиралась. Она была такой нарядной и красивой, что Диана искренне радовалась вместе с ней. У девочки была задержка речевого развития. Она все понимала, что говорили окружающие, но вот ответить не могла. Малышка издавала лишь невнятные звуки и лепетала короткими фразами, понятными только ей самой, и очень редко – ее близким. Диана рассчитывала, что они вместе пойдут гулять, и очень обрадовалась этому, потому что в последнее время ей редко приходилось быть рядом с мамой.

Марине всегда было некогда, и поэтому почти все свободное время Диана проводила вместе с Ариной Георгиевной, которая

оставалась с ней, когда мама уходила. Она играла с Дианой, водила девочку гулять в парк, а в последнее время укладывала ее спать. Эта добрая женщина сильно привязалась к Диане и заботилась о ней, как о собственной внучке. Неподдельная забота Арины Георгиевны помогала малышке не чувствовать себя одинокой, она верила, что мама очень любит ее, просто она занята. Только теперь, спустя двадцать лет, Диана поняла, что попросту не хотела замечать равнодушия матери, которую, скорее, интересовала своя бурная жизнь, нежели жизнь единственной дочери.

Марина считала, что любила девочку, просто проявляла свою любовь по-своему. Она была еще молода, а слово «семья» никак не подходило к ней. Марина незамедлительно сделала бы аборт, когда случайно забеременела, если была бы уверена, что в будущем сможет завести здорового ребенка. Но вышло так, что терять малышку было опасно. Пришлось родить, хотя этого и не хотелось. Спустя два года после рождения Дианы Марина поняла, что поступила правильно: у нее есть дочь, появление которой не так уж отразилось на ее жизни. Она продолжала жить в свое удовольствие, развлекаться, путешествовать, а девочка оставалась с Ариной Георгиевной.

Но вечно продолжаться так не могло. Любовь – или она есть, или ее нет. Нельзя любить чуть-чуть, легкомысленно, не испытывая глубоких чувств. Девочка подрастала, и ей требовалось больше внимания и заботы. Если раньше Диана не выражала своих желаний, потому что была еще слишком мала, то теперь она все чаще интересовалась тем, почему мама так мало времени проводит с ней, не играет в ее любимые куклы, не лепит в песочнице замки и пирожки для бродячих кошек, не целует крепко на ночь. Все чаще девочка стала расстраиваться и плакать, а Марину это только злило и раздражало. Время не стояло на месте, оно пролетало для мамы, окруженной огромным количеством забав и развлечений, и тянулось для ее крошечной дочки, которая только и делала, что ждала маму.

В тот вечер, когда Диана увидела, что мама одела одно из своих красивых платьев и подушилась духами, запах которых был очень знаком девочке, потому что предвещал обязательную прогулку, Диана стала радостно расставлять свои игрушки по местам и

укладывать кукол спать. Она так хотела провести этот вечер с мамой, что сама пошла в ванную, умылась, вымыла с мылом руки и даже причесалась.

– Я слушаю, – торопливо произнесла Марина, продолжая застегивать молнию платья. Звонила Арина Георгиевна, которая должна была прийти и этим вечером посидеть с Дианой. Она извинилась за то, что, к сожалению, не сможет приехать из-за внезапно поднявшегося давления. Для Марины оставалась последняя надежда – позвонить Инге, только она могла бы выручить ее, но единственной подруги дома не оказалось, а сотовый телефон не отвечал. Лицо Марины начало покрываться пунцовыми пятнами. Планы срывались, и провести ночь в клубе с Гришей не удастся, а все из-за того, что не с кем оставить дочку. Раньше все как-то обходилось, но на этот раз Марина взорвалась. Когда позвонили в дверь, и на пороге появился Гриша, Марина, взяв себя в руки, пригласила его войти. Он был уже навеселе и готов провести вечер в обществе Марины. К ним вышла наряженная Диана.

– Видишь ли, дорогой, Арина Георгиевна не сможет прийти и посидеть с малышкой. Может, останемся дома, закажем пиццу, посидим, поболтаем? Что скажешь? – Марина прильнула к своему очередному поклоннику, стараясь использовать свои женские чары и сексуальность, чтобы получить желаемый ответ.

Как же глупо и смешно в глазах женщины в такие минуты выглядят мужчины. Как безвольные, обреченные на убой животные, попавшиеся в ловушку своей похоти, они поддаются манипуляциям, лишь бы получить свой лакомый кусочек греха, завернутый в красивую обертку.

С Гришей такой прием не сработал, так как Марина была давно завоёвана, а ее тело, знакомое во всех мельчайших подробностях, уже слегка поднадоело. Марина лишь сделала отчаянную попытку удержать Гришу, она прекрасно знала, что вечер испорчен, и ей придется провести его в полном одиночестве.

Настоящая жизнь Гриши начиналась на улице, веселье и развлечение с красивыми женщинами были для него «кислородной подушкой», а оказаться в тишине, в обставленной со вкусом уютной комнате, да еще и с ребенком, означало перекрыть «доступ кислорода».

– Милая, ты знаешь, мне действительно некогда, я позвоню тебе на следующей неделе. А лучше позвони сама, как освободишься. Пока. – Гриша чмокнул Марину в губы без особого энтузиазма и удалился.

Видя, что любимой маме плохо и одиноко, Диана подошла к ней вплотную и стала дергать за подол платья, пытаясь таким образом успокоить. Не сказав ни слова, Марина убежала в ванную комнату и, вместо того чтобы подарить дочке один счастливый вечер, она залилась горькими слезами и стала отчаянно жалеть саму себя. Слишком рано в ее жизни появилась эта крошка. Марина не чувствовала себя матерью, она хотела свободы, но руки были крепко связаны, а освободиться от тугих веревок она не решалась.

Гнилус поскользнулся на ступеньках, ведущих в покои Люцифера, и покатился вниз. Падший ангел, охранявший вход в особняк, пнул Гнилуса ногой.

– Давай пошевеливайся, нечисть, – раздраженно произнес он. – Хозяин не любит ждать.

– А ты не приказывай, – возмутился Гнилус. – Тоже мне. Да ты передо мной просто ничтожество, букашка. Стоишь тут без дела. Ты на Земле был хоть раз? Ты хоть знаешь, что такое угодить Хозяину? А? Ты хоть знаешь, как с людишками обращаться надо? – не дождавшись ответа от Падшего ангела, физиономия которого выражала полное безразличие к нападкам Гнилуса, он было собрался продолжить перепалку, но Величавый схватил его за толстую шею, поднял высоко и швырнул в сторону.

Мумирон открыл дверь и вошел в огромный зал, конца и края которого не было видно, а потолок был не более трех метров высотой. Такая геометрия комнаты производила давящее впечатление и вызывала желание пригнуться. В зале была крошечная тьма, все это необъятное пространство освещал всего лишь один камин, который располагался где-то вдали у стены, противоположной входной двери. Окон в комнате не было, однако все стены представляли собой сплошную зеркальную поверхность. Складыва-

лось впечатление, что в зале, несмотря на полную тишину и пустоту, происходило постоянное движение и суета, потому что еле различимые из-за темноты тени, хаотично перемещаясь, отражались в зеркалах.

Троица стала потихоньку продвигаться к середине зала, пока глаза не адаптировались к темноте. Пройдя около ста шагов, бесы стали различать массивный трон Люцифера, а на нем – самого Хозяина.

Он сидел в одиночестве, приняв облик человека. Это был красивый мужчина со взглядом, ледящим кровь, и пугающей улыбкой, от которой перехватывало дыхание. Зрачки светились в темноте, что придавало Люциферу еще более ужасающий вид. Он сидел на троне и о чем-то размышлял, не обращая никакого внимания на Мумирона, Гнилуса и Величавого. Те же смиренно ждали, преклонив колени перед Хозяином.

Через какое-то время Люцифер заговорил:

– Величавый, ты работаешь первым. Твой объект – Денис. Задача – помешать планам его брата Артура. Это особое поручение, поэтому используй всё и вся, чему я научил тебя. Входи в контакт и давай Денису всё, чего он ни попросит. Не будет предела его возможностям, – Сатана небрежно махнул рукой, давая понять Величавому, что разговор окончен. Хриплым и тихим голосом он продолжал: – Потом в игру вступает Мумирон. Твоя жертва – Кирилл. Он должен заикнуться на себе, погрязнуть в самосожалении, забыв о сыне и его должном воспитании. В какой момент это должно случиться, узнаешь позже, – Люцифер снова махнул рукой. К трону приблизился Гнилус. – Твои жертвы – Диана и Марина. Пропитай из взаимной ненависти до конца жизни. Готовь план и жди приказа действовать. Всё. А пока идите и изучайте их окружение. Думайте, через кого лучше всего подобраться к ним, чтобы добиться стопроцентного результата.

Все трое низко поклонились Хозяину. Когда Мумирон, Гнилус и Величавый подняли головы, трон был пуст. Сатана, довольный приготовлениями в Аду, уже направлялся в поднебесье, чтобы продолжить реализацию своего единственного плана: завоевания всё большего количества душ для своего Царства.

Многим, признающим существование Бога, поступки Люци-

фера могут показаться слегка наивными. На что способен Сатана, если даже маленький ребенок уже в сказках и мультиках «впитывает» в себя информацию о том, что добро побеждает зло, а силы Света всегда превосходят силы Тьмы? Однако стоит сделать некоторую оговорку.

Безусловно, Бог – единственный Создатель всего, Его бессмысленно и нелогично противопоставлять Люциферу, так как последний также является творением Бога. Но человечество, все больше деградируя нравственно и морально, само отдало власть на Земле темным силам. То, что Люцифер предлагал Иисусу, искушаемому в пустыне более двух тысяч лет назад, он сегодня может предложить каждому: «Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее, итак, если ты поклонись мне, то всё будет твоё».

И если человек получает эту власть, идя против Бога и не выполняя его Заповеди, то что его ждет после смерти? Что же стоит порой за тем положением и престижем, к которому стремятся многие? А чем придется в результате за всё расплачиваться? Ничем? Просто повезло по жизни?

Диана подрастала и, как любой ребенок, она нуждалась в особом внимании со стороны матери. Уже подошел тот период, когда нужно было уделять много времени этой малютке. Девочка все чаще стала интересоваться всевозможными вещами и причудливыми явлениями, окружавшими ее, она впервые открывала для себя мир, таящий множество секретов и занимательных головоломок. А мир, в котором живет каждый ребенок, выглядит именно так, как изобразит его мама, насколько искусно она сможет рассказать о нем. С каждым днем Диана понимала, что в этом самом мире не так уж радостно, небо выглядело пасмурным, невесомые облака – бесцветными и однообразными, а дни – одинаковыми и бессодержательными. Арина Георгиевна всегда была рядом, но как бы она ни старалась, девочка чувствовала себя одинокой и постепенно смирилась с этой мыслью, решив, что так все и должно быть.

Еще не один раз срывались мамины утренние пикники, дневные прогулки и вечерние похождения. Наконец наступил день, когда жизнь Дианы должна была измениться. Тот вечер Диана вспоминала очень часто, и каждый раз искала объяснения маминему бездушному поступку. В детстве, еще во многом не разбираясь, она ждала, что мама вернется за ней, просто что-то случилось, и она должна пожить в другом месте. Позже она повторяла только одну фразу: «Мама оставила меня навсегда, я не нужна ей!», а по ночам плакала. Повзрослев, Диана стала распутывать этот жуткий клубок событий, не торопясь, очень аккуратно, развязывая каждый узелок. Бог дал ей силы бороться за свою жизнь, Он помог ей остаться не только человеком, но и вырасти добродушной, отзывчивой и сердечной. Именно по этой причине, спустя двадцать лет, она сидела на незнакомом диване и снова прокручивала в голове свою несладкую жизнь.

Тот переломный день в судьбе Дианы прошел, как обычно. Накануне вечером пришли мама с Ингой. Диана уже спала, но проснулась от громких голосов и пьяного смеха. Через несколько минут Марина заглянула в комнату дочки, и, убедившись, что она в кровати, вернулась в гостиную. Диана снова расстроилась от того, что мама не подошла к ней и не поцеловала, нежно погладив по волосам и пощекотав растрепанными локонами по сопящему носику. Она крутилась в постели, пытаясь найти удобное положение и заснуть. Потом Диане захотелось пить, и она отправилась на кухню. Девочка тихонько слезла с кровати, подошла к двери и совершенно случайно услышала в разговоре мамы с Ингой свое имя. Ей стало интересно узнать, что мама может рассказать о ней, а потом решила, что они готовят ей какой-то долгожданный сюрприз. Как ни прислушивалась Диана, ничего выяснить ей так и не удалось, она отчетливо услышала лишь одно слово «обуза», которое врезалось в ее память на долгое время.

Когда Диана проснулась утром, то увидела, что все ее вещи собраны. Улыбнувшись и захлопав в ладоши, она решила, что они куда-то отправляются. Пытливое детское воображение рисовало хаотичные картинки, вспоминающиеся из книжек с участием добрых волшебников, говорящих зверей и таинственных сокровищ. Вошедшая в комнату Марина с темными кругами под глазами от

бессонной ночи, притворно ласково посмотрев на дочку, тихо сказала:

– Милая, маме сейчас очень плохо. У нее много дел. Тебе лучше какое-то время пожить в более спокойной обстановке. Мы поедем в деревню, а я очень часто буду навещать тебя. Там тебе будет намного веселее, чем с Ариной Георгиевной. Там живут настоящие коровки. Му-му-му, – Марина двумя пальчиками побидала дочку за бочок, а та, доверчиво прижалась к маме, не заметив, что глаза ее были стеклянные, а поступки запрограммированные. – А еще ты увидишь, откуда появляются яички. Помнишь сказку про курочку Рябу? Может тебе повезет и среди белых яичек ты сможешь отыскать золотое. Я желаю тебе только добра, и, поверь, я поступаю так только ради тебя. Ты можешь взять с собой все свои игрушки, а когда я буду приходить, будешь рассказывать, как им живется и пили ли они горячее молоко с печеньями на ночь, договорились? Малышка доверчиво кивнула головой.

Марина взяла Диану за руку и вывела на улицу. Возле дома уже стояла машина Инги. Она усадила дочку на заднее сиденье и села рядом. Инга, поправив парик, включила зажигание, надавила на газ и понеслась по дороге, которая вела Диану в неизвестность и длительную разлуку с матерью. Ее наивность и детское доверие не позволили заподозрить предательство и ложь, которые исходили от самого дорогого ей человека – мамы.

Марина при поддержке Инги решила отвезти дочку за несколько сот километров от дома в какую-нибудь далекую, практически вымершую и полностью оторванную от цивилизации деревеньку, и оставить ее там на какое-то время. Подруги не сомневались, что девочку примут и вырастят сообща всей деревней. «Уединение, природа и чистый воздух пойдут Диане только на пользу», – оправдывала себя Марина. Совесть ее не мучила, так как она твердо решила забрать дочку обратно, как только устроит свою личную жизнь. Место совести заняла уверенность в правильности своих действий и поступков.

Поначалу Диана с интересом наблюдала за дорогой, так как это была ее первая поездка на такое далекое расстояние. Когда волны восхищения утихли, Диана легла маме на колени. Подруги держали курс на юг. Поэтому на смену прохладному, туманному утру,

когда они выехали из дома, пришел душный поздний вечер с неизвестным рисунком появляющихся на небе звезд.

– Солнышко, у мамы есть для тебя сюрприз, – неожиданно сказала Марина и достала из сумки большой шуршащий пакет.

Диана на своем языке пролепетала слова восхищения и потянулась ручонкой к подарку. Марина достала из пакета новое летнее платье розового цвета с большими ромашками вместо карманов. Оно было куплено специально для этой поездки: в нем никто раньше не видел Диану в ее родном городе. Малышка замерла от радости, так как мама давно не удивляла ее. Она сразу же захотела примерить платье, но Марина пообещала переодеть ее утром, как та проснется.

Когда Диана открыла глаза, уже светало. Девочка снова увидела рядом маму и улыбнулась. Предстоял еще один день пути. Подруги предполагали, что Диана будет капризничать от такого долгого и утомительного путешествия, но ошиблись. На самом деле для Дианы эта поездка стала одним из самых ярких моментов детства, врезавшихся в память девочки на всю жизнь. Она все время находилась с мамой, чувствовала ее неповторимый запах и ощущала прикосновение теплых ладоней.

К вечеру Марина подала дочке бутылочку с соком, в котором было разбавлено снотворное, и овсяное печенье. Последнее, что помнила Диана за окном – проносящиеся мимо однообразные деревья и кустарники с ярко-зеленой кроной, которые изредка сменялись домами где-то далеко от дороги, а иногда – пустынными малопривлекательными местами.

Диана, одетая в новенькое нарядное платье, стала опять погружаться в сон и вскоре уже мирно спала, положив свою маленькую головку маме на колени. «Снотворное подействовало», – подумала Марина и погладила девочку по волосам.

Когда почти стемнело, они остановились неподалеку от очередного глухого безликого села. Малопривлекательная природа, проселочная дорожка, которая вела к небольшим домикам, хаотично расположившимся на краю оврага, покосившийся фонарный столб с привязанной к нему прошлогодней кормушкой для птиц – вот так можно описать будущее место жительства Дианы.

Инга, надев темные очки и миновав сломанный указатель «Ве-

ревкино», двинулась по направлению к домикам. Она подошла к крайнему и постучала. Казалось, прошла целая вечность, пока у калитки появилась немолодая женщина лет пятидесяти пяти.

– Здравствуйте, чем вам помочь? – спросила Клавдия Федоровна, – Вижу, вы не местная, городская, заблудились или чего?

– Извините за вторжение, – взволновано проговорила Инга, – мы с подругой ехали мимо и прямо у дороги недалеко от вашего села нашли девочку. Она была совсем одна и плакала. Мы подобрали ее. Стали расспрашивать, откуда она, но малышка молчала, – на удивление себе самой, Инга расплакалась, а голос задрожал: – Не могла бы она пока побыть с вами, успокоиться, отоспаться, поесть, когда проснется? Мы пока поедем в город за помощью. В вашем селе сотовый телефон не ловит связь, а надо в милицию заявить.

Клавдия Федоровна заколебалась, но в ту же секунду Инга прижалась к женщине, и та, не успев оценить всей странности и ответственности ситуации, сказала: «Успокойтесь, милая. Вам не нужно сейчас волноваться. Я присмотрю за малышкой».

Инга направилась к машине, а ей навстречу уже шла Марина и несла Диану на руках. Клавдия Федоровна, взяв Диану, собиралась что-то сказать, но Инга быстрыми шагами уже удалялась от дома. Обернувшись, она лишь крикнула: «Нужно торопиться!» и прибавила шаг.

По возвращении домой Марина заявила в милицию о пропаже дочки. Первые две недели поисков она вздрагивала от каждого телефонного звонка, думая, что Диану уже нашли и обман раскрылся. Когда эмоции от многолетней усталости быть матерью отступили, Мариной овладела паника. Она с трудом понимала, как решилась на такой безумный поступок. Ее ведь могли призвать к суду и лишиться родительских прав. Но отступать было поздно. Ей ничего не оставалось делать, как ждать. Девочку так и не нашли. План сработал.

Подобрать слова для описания Рая достаточно трудно, так как человеческий взгляд не может объять, а человеческие эмоции пе-

ренести всю Славу и Величие, которая его переполняет. Только представьте: город в Раю, где будут жить земляне, построен из чистого золота, подобного чистому стеклу; основания стен города украшены драгоценными камнями: первое основание – яшма, второе – сапфир, третье – халцедон, четвертое – изумруд, пятое – оникс, шестое – сердолик, седьмое – хризолит, восьмое – берилл, девятое – топаз, десятое – хризопраз, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист. Там никогда не бывает ночи, а вместо солнца город освещает Слава Творца Вселенной. Свет изливается не только сверху, он бьет своими белоснежными чистыми лучами, кажется, отовсюду, наполняя это место необыкновенной чистотой и святостью. Двенадцать изящных Врат в Божье Царство охраняются ангелами.

Каждый, кто попадет в Рай, будет счастлив в этой удивительной стране красоты, величия и вечного мира. Каждый, кто пройдет через врата, станет полноправным жителем небесного Царства, которым управляет Господь. Он знает всех землян, которые переступят порог Его дома, и будет рад обнять и тепло принять каждого лично.

Саур, ангел-хранитель Дианы, отвечающий за ее сны, сидел на ступеньках своего дома в Раю и обдумывал просьбу Создателя Мира. Он увлеченно сочинял сон для Дианы, с помощью которого она смогла бы снова вернуться домой. Его золотые кудри щекопали шею, и от приятных ощущений Саур расплывался в улыбке.

– Чем занимаешься? – спросил Гауди, с любопытством вчитываясь в сочинение своего друга. – Все сны пишешь? Да, в этом тебе равных нет. Знаешь, я давно хочу Кириллу послать какой-нибудь особенный сон, я ведь тебе рассказывал, что он одинок. Я вот наблюдаю за ним и вижу, что в душе он надеется встретить, как говорят люди, «ту самую единственную родственную душу». Как закончишь со своей подопечной, поможешь?

– И ты еще сомневаешься? – Саур, играючи, указательным пальцем ткнул Гауди прямо в лоб. – Только разрешение на сон получи сначала.

– О чем разговор? Прямо сейчас пойду и запишусь на прием к Творцу, а то народу у Его Престола – не протолкнуться.

Гауди зашагал по направлению к Священному Храму, а Саур продолжил творить. Он был великолепен в своем умении фанта-

зировать и позволять Диане из каждого сна черпать для себя все новую и новую информацию обо всем, что могло бы ей пригодиться по жизни.

Он аккуратно и незаметно воспитывал в ней способность ценить вечные истины, идущие вразрез с ценностями землян. Порой многие казались безумными и нелогичными, однако только они были способны помочь Диане не просто выжить в испорченном человеком мире, а прожить достойную жизнь, став образцом для подражания, девушкой мудрой, кроткой и любвеобильной.

Вы замечали когда-нибудь, что все мы стремимся к преобразению и изменению нашей жизни? Мы хотим похудеть и стать стройными, мы желаем навсегда расстаться с дурными привычками, отчаянно карабкаемся по карьерной лестнице. Мы желаем преобразиться, так как хотим стать счастливее. Саур же занимался внутренним преобразованием Дианы, так как именно оно является основой основ. Сердце, любящее Господа и людей – вот главная цель кропотливой работы Саура со своей подопечной.

Диана открыла глаза и произнесла точный адрес своего бывшего места жительства. Она даже не сомневалась в том, что сон был вещим. Приют и частые встречи с Клавдией Федоровной остались позади. Впереди ее ждало новое будущее, манящее и одновременно пугающее своей неизвестностью.

Артур осторожно поставил восьмой хрустальный сосуд с розовым газообразным веществом на место. Они с Денисом очень устали после предпоследнего похождения во времени, которое оказалось самым трудным и напряженным. Сначала все происходило очень гладко, безошибочно, но все-таки на восьмой раз их постигла неудача. Братья почувствовали, что не укладываются во времени, и им пришлось прибегать к единственному выходу.

– Денис, мне очень тяжело, неужели мы убили человека? Я – убийца... Нет, мы могли бы спасти его жизнь, если бы постарались. Мы не захотели помочь, мы трусили.

– Неужели ты не понимаешь, что у нас не было другого выхода? Ну, давай еще раз вспомним, как все было. Во-первых, слу-

чайный выбор оказался неудачным, и нам долго пришлось думать, какие обстоятельства создать, чтобы они встретились. Ну, сам посуди, мы не спали даже ночами, мы все время думали, мы не бездействовали. А потом местом встречи мы выбрали громадный корабль, мы сделали все возможное, чтобы они встретились.

— Не нужно было выбирать воду. Мы могли бы предположить, что на корабле наши действия ограничены.

— Артур, перестань ты, в конце концов. Ты же сам говорил, что это блестящая идея. Они оба были достаточно молоды, и место мы выбрали самое романтическое: красивейший гигантский корабль, вокруг море, звезды. Что еще надо для влюбленных?

— Но, Денис, неужели мы не смогли бы пробудить в них любовь за такой срок?

— Рассуди сам: мы потеряли очень много времени, прежде чем они встретились. Это был наш единственный выход.

— Единственный выход? Мы потопили корабль, ты это понимаешь? Ведь они действительно прощались навсегда. Мы убили его на ее глазах, мы медленно и намеренно убивали его, он замерзал в воде!

— У нас не было другого выхода, если бы он погиб мгновенно, мы не получили бы того, зачем пришли. Их любовь будет жить вечно, она будет самой крепкой из всех. Успокойся, мы не могли поступить иначе. Ну, подумай, погибло очень много людей, но в противном случае, в будущем погибла бы вся наша планета. Люди просто вымерли бы от отсутствия истинной любви. Мы поступили правильно, — Денис пытался убедить брата.

— Это все так. Я и сам понимаю, но видеть весь этот кошмар... Я теперь боюсь одного: как мы будем действовать в последний решающий раз. Если бы мы не воспользовались этим условием, то мы были бы полностью уверены в успехе. А теперь — что, если опять что-то не выйдет? У нас нет выбора. Мы должны только победить.

— Ты прав, это будет самое сложное и трудное путешествие для нас обоих. Отправляться через три недели, и мы за это время должны все хорошо продумать: вспомнить все наши ошибки и не повторять их, вспомнить удачные исходы и проанализировать их. Сегодня — отдых, а завтра с утра садимся за разработку детализи-

рованного плана предстоящих действий, — Денис подвел итог предпоследнего путешествия во времени.

Однако на самом деле, всё обстояло вовсе не так, как могло бы показаться из диалога братьев. Каждый из них имел свои мотивы и цели этих путешествий. Артур, будучи привязан к деду больше, чем брат, желал исполнить его последнюю волю и изменить современную жизнь, наполнив ее новыми нормами морали и общественными ценностями. Артур верил в идею возрождения былого порядка жизни и былых, теплых и близких отношений между людьми.

Мотив путешествий во времени для Дениса был достаточно прост — он лишь хотел развлечься, сменить обстановку, наполнить себя всевозможными острыми и яркими ощущениями, а затем вернуться к привычной жизни и наконец-то заняться реализацией собственных планов на будущее. Он не был искренен с братом не потому, что хотел что-то скрыть или хотел избежать ссор и непонимания, а ему просто было всё равно, так как Денис был достаточно эгоистичен и независим от чужого мнения.

Его начинал раздражать тот факт, что им каким-то чудом удалось реализовать намеченные планы практически до конца. Этого Денис допустить не мог. Развлечениями он насытился, а исполнение планов деда несли неизвестность и непременные, непредсказуемые изменения. Он решил активнее вступить в игру и провести последнее путешествие по своему лично разработанному сценарию, который не позволит, в итоге, реализовать планы и бредовые идеи деда.

В Чистилище понятия времени не существовало, поэтому трудно сказать, как долго Гоша и Вера пребывали в шоковом состоянии, когда достигли дна ямы. Вера приземлилась так неудачно, что пальцы обеих рук изогнулись в другую сторону и стали сгибаться не по направлению к ладоням, а по направлению к кистям. Одно это зрелище повергло Веру в такой шок, что она потеряла сознание. Гоша также получил травму при падении: левая нога безжизненно болталась. Лежа на спине рядом с, каза-

лось, безжизненным телом Веры, Гоша посмотрел вокруг и, к своему удивлению, обнаружил, что он не один имел переломы после падения. Его окружали десятки людей, которые пребывали в таком же состоянии: некоторые истошно визжали, другие тихонько плакали, но все они пытались вернуть части своего тела в прежнее положение, и это у них получалось.

Гоша набрался храбрости и стал врачевать свою ногу. Разум уже давно осознал, что здесь совсем другие правила, по которым нужно играть, но эмоции еще остались прежними. Процесс «починки» ноги напомнил ему игру с маленьким плюшевым человечком, каркас которого был сделан из толстой проволоки. Сгибая ее, можно было менять положение рук и ног человечка и при этом не приносить ему вреда. Гоша ощущал себя куклой, потому что не чувствовал боли и не слышал хруста поломанных костей, когда вправлял ногу на ее прежнее место. Справившись с этой задачей, он стал возвращать на место пальцы жены, пока она находилась без сознания и не видела этой процедуры.

Внезапно сверху послышался громкий крик. Гоша, подняв голову, увидел, как стремительно прямо в его направлении кто-то падал. Схватив Веру под мышки, он оттащил ее в сторону. Очередной житель Чистилища достиг дна ямы.

Гоша огляделся, и ему показалось, что место их нахождения имело бесконечные размеры, поэтому о безопасности на дне ямы речи быть не могло. Он быстро сообразил, что люди располагались по дну ямы не хаотично, а в определенном порядке. Ближе к месту, где он находился сейчас, люди в основном лежали и пребывали в полном безумии. В большинстве это были новенькие, которым требовалось время, чтобы осознать, что случилось и как жить дальше. Именно из этой толпы Гоша поспешил выбраться поскорее, так как безумство некоторых доходило до того, что они начинали кидаться на других, сознательно издеваться над своим телом и требовать непонятно от кого объяснений.

Гоша взял Веру на руки и стал выбираться из этой каши людей, которые напоминали скорее стаю диких испуганных животных, чем разумных существ. Чем дальше он шел, тем люди становились спокойнее. Далеко впереди он увидел, что люди разбивались на группы и отчаянно боролись за что-то. Они в буквальном смысле

пытались куда-то вскарабкаться друг по другу, но, в связи с тем, что никто не хотел уступать, практически все попытки заканчивались падениями. Многие лежали прямо под ногами остальных, но затоптать до смерти их было невозможно. Во-первых, потому, что физические законы Земли в Чистилище не действовали, а во-вторых, потому, что, выбравшись из этой давки, люди снова вправляли свои члены на место и продолжали борьбу за что-то, еще не понятное для Гоши.

«Стоп. Без паники. Нужно прийти в себя. Привести в чувство Веру. А потом у кого-нибудь узнать, что здесь происходит». Гоша сел на землю, положил Веру рядом и накрыл своим телом, чтобы с ней ничего не случилось, пока он предавался размышлениям.

– Новенькие? – Гоша обернулся и увидел молодую девушку лет тридцати. Ее лицо показалось ему каким-то странным. С одной стороны, оно выражало глубокое отчаянье, а с другой, недоумение и бунт против своего нахождения в этом месте.

– Да, только упали. А вы давно здесь?

– Сколько я здесь – трудно сказать. Времени ведь больше не существует. Иногда мне кажется, что очень давно, а когда начинаю вспоминать свои действия – кажется, совсем недавно, ведь мне так и не удалось попасть ни в одну из ниш.

– Ниш? Так все эти люди борются за ниши?

– Да. В них можно жить, если это можно так назвать, до тех пор, пока мы не предстанем перед Вселенским Судьей.

– Вселенским Судьей?

– Да, еще на земле я так Бога всегда называла.

– Если ты не торопишься, может, расскажешь, как попасть в эти ниши?

– Да просто все очень, – Инга, так звали девушку, стала рассказывать Гоше о том, что у каждой ниши есть свое название, и попасть в них можно только в том случае, если ты «играл» на земле «по правилам» Творца.

– А почему ты не пытаешься улучшить свое существование?

– Я пыталась. Обошла ближайшие двадцать, а может, и тридцать ниш, но не смогла найти ту, которая мне бы подошла.

– Разве причина только в этом? Знаешь, глядя на тебя, складывается впечатление, что ты на кого-то очень сильно злишься.

– А ты внимательный.

– В бизнесе без этого никуда. Что, попал в точку?

– Я никому не рассказывала об этом раньше, но я уверена, что попала сюда несправедливо. Да, я действительно жила далеко не праведной жизнью, но не хуже и не лучше других. Это началось тогда, когда я решилась на такой поступок, который и привел меня сюда. После ряда событий в моей жизни я стала слышать голоса. Они разговаривали со мной, как правило, по ночам. Я просыпалась от ощущения, что меня накрывали подушкой, мне не хватало воздуха, и я начинала задыхаться. Когда я просыпалась, то голос говорил: «Из-за тебя она стала сиротой».

– Кто?

– Это долгая история. Но суть в том, что меня стала мучить совесть. Голоса будили меня каждую ночь и произносили всего одну фразу. Я не стала никому рассказывать об этом, потому что понимала, что меня сразу примут за ненормальную. Я старалась вести себя, как и прежде, но все вокруг замечали, что со мной что-то происходит. У меня было такое ощущение, что я все время находилась не одна. Словно кто-то всегда был рядом и, завладев моими мыслями, распоряжался моей жизнью. Однажды я сидела на подоконнике и курила. Окно было открыто. Вдруг все тот же голос тихонько произнес: «Пора расплачиваться за свои поступки. Сейчас ты умрешь». Я в ужасе вскочила с подоконника, но наткнулась на невидимую преграду, которая толкнула меня в грудь, и я полетела вниз. Я не хотела умирать, и это был не несчастный случай, как все, наверное, подумали.

– Если бы ты эту историю поведала мне на земле, я бы тоже принял тебя за душевнобольную, но теперь уже ничему не удивляюсь, – сказал Гоша.

Внезапно Вера зашевелилась и открыла глаза. Первым делом она взглянула на свои руки и, увидев, что с ними все нормально, стала приходить в себя.

– Гоша, а мы где? – спросила Вера, оглядываясь по сторонам.

– Дорогая, главное, что мы вместе, – Гоша погладил жену по волосам и усадил рядом.

– Это сон? А Илюшенька где?

– Посмотри на свою ладонь, – Гоша взял руку Веры и поднес к ее лицу. – Помнишь, что произошло?

– Да. А это что за место? Рай или Ад? – поинтересовалась Вера.

– Обычно на земле мы называли это место Чистилищем. А как оно называется здесь – никто не знает.

– Скажем так: «зал ожидания», – сказала Инга.

– А вы кто?

– Я – Инга. Вот сижу и жду, когда у меня будет новое место жительства: теплое с огоньком или прохладное на облачке, – с иронией ответила Инга.

– А я – Вера. Удивительно, вам еще удастся шутить в таком жутком месте?

– Посидите здесь с моё и шутить начнете, и плакать, и негодовать, и песни петь от отчаянья. Удачи вам. Еще увидимся, – Инга хлопнула Веру по плечу. – Чаще всего я сижу неподалеку от ниши «Почитание родителей». Мне кажется, что это пока что единственная ниша, куда я могу попытаться взобраться.

Вера прижалась к мужу, это давало ей ощущение защищенности. Впереди был трудный путь. Путь покорения скалистых стен, символизирующих собою человеческую жизнь, полную положительных и отрицательных поступков. И чем сложнее и противоречивей был характер пытающегося покорить вершину этих стен, тем труднее ему было это сделать.

Гоша привык достигать поставленных целей. В бизнесе он не знал поражения. Поэтому и здесь он поставил перед собой цель: достичь вершины вместе с Верой. Гоша был уверен, что если он сможет прорваться как можно выше, то Создатель скажет, что случилось с Илюшей и где он находится сейчас. Да, «много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом».

Наконец в комнату вошла Марина, держа в дрожащих руках поднос с двумя чашками свежеприготовленного ароматного кофе. Диана помнила эти руки. Давным-давно они были белоснежными и красивыми. Теперь они были не столь красивы, они постарели, но стали более родными. Черты лица матери изменились, но глаза остались прежними: вглядываясь в них, можно было уловить гамму оттенков серого и даже голубого, хотя на самом деле они

были зелеными. Марина пополнела, но держалась уверенно. На смену изяществу и легкой вспыльчивости пришли грациозность и спокойствие.

— Если бы начать все сначала, я отдала бы мою жизнь, лишённую всякого смысла, только тебе, чтобы, когда ты выросла, сказала: «Мама, как хорошо, что мы есть друг у друга». Я отреклась от великого счастья воспитать дочь, и я дорого заплатила за это.

— Почему ты не приходила или хотя бы не написала письмо?

— Сначала думала, что улажу свою жизнь и заберу тебя обратно, время шло, а ничего не менялось. Когда поняла, что устроить свою жизнь возможно только с тобой, было уже слишком поздно. Тебя наверняка уже отдали в детский дом или приют. Не могли же жители того забытого Богом места воспитывать тебя всю жизнь. Там же никакой связи с миром не было, словно этого места и на карте нет, такое оно было глухое и заброшенное. Я стала писать тебе письма, пыталась вымолить прощение, но отсылать их было не куда. Я была уверена, что ты давно прокляла тот день и час, когда я стала твоей матерью.

— Знаешь, возможно, так и было бы, но благодаря Клавдии Федоровне я такая, как сейчас перед тобой. Если бы не она, наверное, я бы пришла сюда, в этот дом и убила тебя, ну, на крайний случай, избивала бы. Твоя спокойная жизнь кончилась бы с моим появлением здесь, и ты бы тысячу раз пожалела о своем поступке. Клавдия Федоровна была для меня матерью, отцом, верной подругой все эти долгие годы. Именно она не дала мне превратиться в чудовище, желающее только отомстить. Она всегда понимала меня и поддерживала, когда я была еще маленькой. Она говорила мне о том, что знает тебя, и каждый вечер рассказывала, почему тебя нет. Очень часто Клавдия Федоровна повторяла: «Мама просила поцеловать тебя и передать, что скоро заберет тебя домой». С надеждой, что скоро увижу тебя, я засыпала. А на следующий день все повторялось заново. Повзрослев, я поняла, что именно эти сказки помогали мне жить в разлуке с тобой. Когда стало бессмысленно врать, она стала учить меня любить тебя.

— Диана, я не прошу тебя любить меня. Я не заслуживаю такой Божьей милости. Ты только скажи, что тебе нужно, я выполню любую твою просьбу.

— Мне нужны только две вещи: чтобы ты называла меня дочкой и стала целовать меня перед сном.

На этот раз Марина не смогла удержать слез. Она опустилась на колени перед дочкой и стала целовать ее руки и открытые колени.

— Поднимись, мама, обними меня и никогда больше не отпускай.

Заикаясь и всхлипывая, Марина долго повторяла имя дочки, все еще не веря, что сбылась ее единственная мечта. Несмотря на то, что она все-таки устроила свою жизнь — имела интересную работу, нашла человека, который был ей опорой вот уже пять лет, — Марина мечтала вернуть дочь и зажечь настоящей семьей.

Вечером домой пришел Виктор, который искренне радовался за Марину не меньше ее самой. Они устроили импровизированный праздничный ужин, а уснули только под утро, так и не наговорившись.

— Мама, а что стало с твоей подругой? Не могу вспомнить, как ее зовут, — уже практически в дреме спросила Диана.

— Она умерла. Несчастный случай. А ведь ей тогда не было и тридцати. Ну, ты спи, родная. Ни к чему на ночь об этом.

Светлана Петровна любила свою работу, и ей было трудно расставаться со школой, где она проработала всю жизнь. Так как учебный год еще не начался, провожали Светлану Петровну только ее коллеги.

— Светлана Петровна, ну, может, все-таки останетесь? Вы сами подумайте, ребята придут в класс, а вас нет. Да и нам будет не хватать такого опытного и душевного учителя, — упрашивала директор школы.

— Спасибо вам огромное, Ирина Леонидовна, но я уже все решила. Я уже стара, а кто обо мне позаботится? Моя дочь пригласила меня жить к себе, буду внуков нянчить, а что еще надо женщине, если не провести остаток своей жизни в семье, с любимыми и дорогими людьми.

— Все так неожиданно произошло, нам придется искать вам замену, а ведь учебный год уже «на носу».

– Я просто уверена, что с этим проблем у вас не будет, только послушайте меня, когда вы будете принимать новую учительницу на работу, то спросите, почему она хочет работать именно здесь. И берите сразу, не раздумывая, только ту, которая ответит: «Я очень люблю детей».

– Хорошо, Светлана Петровна, обещаю. Но, может, тогда дождетесь нового учебного года? Устроим концерт, ребята подготовят поздравления. Ведь они вас так любят.

– Еще раз спасибо, но вещи уже собраны, билеты куплены. Я обязательно напишу вам, – Светлана Петровна все-таки не удержалась и заплакала. Тяжело было покидать место, где знаешь каждую улицу, где столько знакомых лиц, где, когда идешь по улице, пробегающие мимо мальчишки кричат: «Здравствуйте, Светлана Петровна!», а мамы девочек все время спрашивают: «Ну, как моя Оленька, Настенька, Юлечка...?».

Утром следующего дня Светлана Петровна навсегда покидала любимый город.

Величавый расположился в мягком кресле квартирки, где остановились Артур и Денис для выполнения своей миссии. Он готовился посвятить Дениса в Тайну Тайн, которая открывала перед любым человеком дверь, ведущую в мир, где не существовало правил и законов, а все подчинялось единственной силе, которая выполняла любое человеческое желание, начиная от обладания земными богатствами и заканчивая способностью управлять людьми через сверхъестественные способности.

Многие люди поддавались этому соблазну и тем самым «рыли себе могилу», не осознавая, что, получая сверхъестественные дары, они попадали под власть самого Люцифера. Желание обладать миром и иметь превосходство над другими приводили многих к печальным исходам: они становились служителями поднебесных сил, отвергнутых Богом, преследующих только три цели: украсть у человека совесть, убить человека, обрекая на вечные страдания в Аду, и погубить человеческую душу.

Величавый собирался предложить Денису неограниченный

контроль над миром и возможность реализовать все мечты, которые только придут в его голову.

Дверь еле слышно скрипнула, и на пороге появился Денис. Когда он обернулся и увидел, что в кресле кто-то сидит вразвалочку, то не подал виду. Он стал неторопливо переодеваться, наблюдая за неожиданным гостем. Величавый был уверен, что, как и все люди, Денис его не видит. Он чувствовал себя как дома, а его поза выражала раскованность и непринужденность.

Величавый даже представить не мог, что Денис не только видел его, но и внимательно, боковым зрением наблюдал за странным посетителем его жилища. Сам Хозяин позволил этому случиться. Люцифер возлагал огромные надежды на Дениса, который, по его мнению, мог бы стать верным помощником в завоевании человеческих душ. Именно для того, чтобы сотрудничество Величавого с Денисом оказалось плодотворным, Люцифер и открыл для него невидимый мир.

Величавый, будучи уверен, что Денис его не только не видит, но и не слышит, так как Хозяин не предупредил его об обратном, произнес вслух: «Идиот».

Денис подскочил к незнакомцу и схватил его за горло:

– Ты сейчас кого назвал идиотом?

– Ты меня видишь и слышишь? Не может быть! Это невозможно! – Величавый, который в любой ситуации был непоколебим и уверен в себе, внезапно опешил и растерялся. Такого поворота событий он не ожидал. Всегда и везде он чувствовал своё превосходство над людьми, а тут оказался в ситуации, когда человеческая рука сдавила ему, самому Величавому, шею, слегка измяв край белоснежного воротника рубашки.

– Нет, по-моему, это ты идиот. Ты врываешься без приглашения в мою квартиру, называешь меня идиотом, будучи уверен, что я не только глух, но и слеп? Ты откуда, и что тебе надо? – резко спросил Денис, усилив хватку.

Величавый взял себя в руки и, растворившись на глазах у Дениса, снова оказался в мягком кресле. Ему казалось, что таким манипулированием своим телом он сможет выбить Дениса из колеи, однако соперники оказались достойными друг друга. Комната была переполнена духом превосходства и самовозвеличивания.

Они были во многом схожи между собой, хотя в эти минуты пристального настороженного изучения друг друга Величавый и Денис этого не понимали. Их объединяло чувство собственной безупречности, убеждения, что в этом мире им все доступно и подвластно.

– О, браво, браво! – Денис, ничуть не удивившись, зааплодировал. – А я-то думал, что только мой дед – гений, а оказывается, много вас тут таких. И к чему эти фокусы?

Проигнорировав вопрос, Величавый задал Денису встречный:

– А ты когда-нибудь задумывался, кто и что управляет силами, которые позволяют тебе беспрепятственно перемещаться во времени, видеть то, что нельзя увидеть человеческим глазом?

– Мне абсолютно все равно, кто стоит за этим. Для меня важен результат. А какими способами он будет достигнут, это уже другой вопрос.

– Если так, то я готов предложить тебе все, что ты захочешь. Хочешь летать – пожалуйста, хочешь перевоплощаться – тоже пожалуйста. В обмен я ничего не прошу, даже готов помочь тебе в твоих планах.

– Дурака нашел, да? Знаешь такую поговорку: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке»?

– Да, действительно, ты не дурак и не идиот, это уж точно. Я так скажу тебе. Если ты выберешь нашу сторону, то единственная плата за любые мыслимые и немыслимые желания – пополнять наши ряды другими людьми.

– «Ваша сторона»? Это уже интересно. Кто же тогда ваши враги?

– Наши враги – это люди, которые жаждут любви и готовы связать себя обязательством быть верными единственному человеку. Это люди, которые не желают познать вкус жизни во всех ее проявлениях. Это люди, которые заиклены на смирении и «подставляют другую щеку» тем, кто оскорбляет их. Это люди, которые трактуют справедливость как необходимость благословлять проклиняющих их.

Денис внимательно слушал Величавого, однако не потому, что попался на его удочку, а потому, что мысли и идеи, которые Величавый выражал, были близки ему. Он впервые за долгое время

встретил того, кто рассуждал по некоторым концептуальным жизненным вопросам так же, как и он сам.

– Ты очень хорошо говоришь, но, спасибо, я в твоей помощи не нуждаюсь. Видишь ли, не в моих принципах надеяться в серьезном и важном деле еще на кого-то. Я не испытываю никакой нужды в помощниках вроде тебя. Так что, прошу меня извинить, до свидания, – Денис повернулся к Величавому спиной, давая понять, что разговор окончен.

– Знаешь, а я начинаю проникаться к тебе симпатией. Не торопись, я вижу, что ты – человек, не принимающий важных решений на бабских эмоциях, и уж тем более не заключаешь сделок с незнакомыми тебе людьми.

– Людьми? – усмехнулся Денис. Помня о том, что Величавый явно не был простым человеком, так как проделывал нечеловеческие трюки в его присутствии, Денис действительно решил не торопиться. Глядя на Величавого, он стал думать, как можно было бы использовать это непонятно откуда взявшееся существо в человеческом обличье для достижения своих целей. Конечно, Величавый очень убедительно рассказывал, что ничего взамен не требует, однако у него на лице было написано, что это ловушка, и за всё придется платить.

Денис решил узнать подробнее о планах незнакомца, поэтому согласился продолжить разговор, хотя это и было не в его принципах.

– Мне нужно, чтобы Кирилл и Диана, которые пока что не встретились, в результате расстались, и пара, которая будет клясться друг другу в вечной любви в болезни и здравии, в горести и радости, распалась. В чем твой интерес? – уже мягче и спокойнее поинтересовался Денис.

– Чтобы ты не думал, что я пришел с каким-то подвохом, то могу сказать тебе, что мой интерес – это все люди, а не только эти двое. Ты не поверишь, но я так же, как и ты, получаю огромное удовольствие, когда решаю их судьбу и выстраиваю их линии жизни. Раз ты занимаешься этими двумя, грех не помочь.

Денис стал понимать, что Величавый был не таким простым, как казался, он интуитивно чувствовал, что тот имеет некое превосходство над ним, и его могущество было значительнее, чем

его собственное. Денис слегка успокоился, когда стал понимать, что цель незнакомца не Кирилл, не Диана, и даже не он сам. Величавый думал и действовал глобально, следовательно, и ловушка, в которую мог попасть Денис, тоже должна была быть глобальной.

Поразмыслив, Денис решил подыграть Величавому, приняв его условия. Это не значило, что он готов был полностью довериться ему, вовсе нет. Доверял Денис только себе. Он решил оттянуть время, чтобы разобраться в том, что сейчас происходило, а также решить для себя, как могущество и власть Величавого можно использовать себе на благо.

– Довольно, я понял, о чем ты. Каковы же все-таки твои условия? – Денис старался казаться спокойным и якобы убежденным Величавым в том, что он действительно только выиграет, если согласится сотрудничать.

– У меня нет никаких условий, – снова повторил Величавый, – по счастливой случайности, у нас с тобой одни и те же объекты реализации наших планов. О, милая Диана, о, благородный Кирилл... Моя цель – всего лишь сделать их духовно мертвыми. Миссия выполнена – Хозяин доволен, следовательно, я в почете и на хорошем счету.

– У меня начальства нет, и я сам себе хозяин, помогу, чем могу. Действовать буду сам, по своему плану, предупреждая сразу.

– Не вопрос... Ты превзойдешь всех в своем умении управлять людьми и их судьбами.

– Как мне связаться с тобой?

– Тебе это не понадобится. Тебе достаточно подумать о том, чего ты хочешь, и тут же получишь желаемое.

– Отлично, дружище. А ты славный малый, мы с тобой работаем. Да, а как насчет моего брата? Не навещал ли ты и его? – Денис старался выглядеть дружелюбным и окончательно усыпить бдительность Величавого.

– Он предпочел поддержать другой лагерь, – Величавый пожал Денису руку и направился к выходу.

«Вот уж кто идиот, так это мой братец. Тоже мне, борец за высшие ценности», – подумал про себя Денис и, устроившись в мягком кресле, стал размышлять над своими дальнейшими

действиями, которые позволят ему провалить намеченные братом планы.

– Сынок! – голос, доносившийся откуда-то с высоты, буквально пронзил сердце Гоши насквозь, и нотки знакомого тембра заставили все его тело дрожать.

Он поднял голову вверх и попытался отыскать глазами чело- века, окрикнувшего его. Гоша не сомневался, что этот крик, пол- ный надежды, относился именно к нему. Ниш было так много, в каждой из них толпились люди, крики и паника не давали возмож- ности сосредоточиться, но Гоша интуитивно обратил свой взор на одну из ниш, которая была расположена довольно высоко. Он уви- дел маму, которая, прислонив руку ко лбу, пыталась удостове- риться, что видела своего сына.

– Мама, – практически шепотом произнес Гоша. Он не выдер- жал возникшего напряжения и заплакал от навалившихся разом в одно мгновение противоречивых чувств: радость сменялась тос- кой, отчаянье удивлением, облегчение грустью. – Мама! – завопил Гоша, упав на колени. Он уже не мог остановить своих рыданий, ощущая себя маленьким беззащитным ребенком, который разлу- чен со своей мамой потоком бурлящей реки, преодолеть которую не могли ни он, ни она.

Внезапно Гоша вскочил с колен и с диким ревом бросился к стене. Не замечая никого вокруг, он пытался вскарабкаться на нее, минуя ниши. Острые выступы и неровности поверхности впива- лись в Гошины ладони, сильно царапая кожу и оставляя на ней глубокие порезы. Но, словно не замечая этого, Гоша продолжал карабкаться, падать и снова пытался покорить стену, которая не позволяла ему добраться до матери, прикоснуться к ней и обнять. У Гоши никогда не было очень теплых отношений с ней, но после ее смерти он осознал, как, оказывается, глубоко любил ее. И те- перь ему представилась возможность сказать ей об этом.

Гоша в очередной раз поднял голову и снова услышал мамин голос, который прокричал: «Я иду к тебе». Она сделала шаг вперед и бросилась вниз. Вера наблюдала за тем, как мама Гоши летела,

задевая другие ниши и ударяясь о выступающие камни. Не выдержав растущего психического напряжения, Вера отвернулась.

Гоша почувствовал смертельную усталость, несмотря на то что физически организм больше не требовал пищи и не нуждался в отдыхе. Все, что осталось от прежней жизни – это душа, способная чувствовать, и дух, способный общаться с Богом. Гоша схватил Веру за руку и кинулся искать то место, куда упала мама. Она лежала у самой стены. Разъяренная толпа, казалось, совсем не замечала ее и вот-вот могла растоптать. Гоша взял маму на руки и быстрым шагом отошел в безопасное место. Галина Романовна с нежностью смотрела на сына и молчала, а Гоша уже был не в силах видеть, как уродуются тела любимых и близких ему людей. Ее руки и ноги болтались, шея была слегка вывернута, из-за чего голова была повернута вбок, а позвоночник сместился вправо и сломался у шейного позвонка.

Гоша нежно погладил маму по волосам и стал вправлять ее изломанные части тела на место. Это была ужасная процедура, к которой было невозможно привыкнуть.

– Спасибо, сынок. Неужели я снова вижу тебя? А ты совсем не изменился. Что случилось? Почему вы с Верой умерли? А где Илюшенька?

– Мам, мы попали в автокатастрофу. Про Илюшку мы ничего не знаем.

– А ты совсем не изменился, – повторила Галина Романовна. – Словно мы только вчера с тобой виделись. Помнишь, ты принес мне в постель чашку чая, споткнулся и вылил мне на пододеяльник. А потом я помню себя уже здесь, значит, я умерла на твоих глазах. Да?

– Да. Мне тогда казалось, что это произошло совсем не так, как должно было произойти. Мы не попрощались, не сказали что-то друг другу теплое и запоминающееся. Мы не подвели черты.

– И хорошо, что не попрощались, потому что мы ведь снова вместе. И будем вместе всегда.

– Рано радуетесь, Галина Романовна. Вместе мы можем и не быть. Кому-то дорога – в Рай, а кому-то – в Ад. А куда каждый из нас попадет, пока что остается загадкой, – Вера решила вмешаться в разговор, чтобы перевести тему из прошлого в настоящее.

– Вот уж не думала, что это действительно окажется правдой. Я все же в этом усматриваю некую несправедливость. Почему Бог заранее не сказал нам, что будет после нашей смерти. Он явился на Землю две тысячи лет назад и предоставил людям возможность самим убедиться в Его существовании. А мы что, хуже других?

– Мам. Я бы на твоём месте лучше думал о том, что говорить на Суде, чтобы нам действительно остаться вместе. А что касается справедливости, то посуди сама: ну, представь, что все люди знают, что есть Рай и Ад. Обладая такими знаниями, мы никогда бы не познали свою истинную сущность, какие мы есть на самом деле. Многие люди бы играли, а не жили, только чтобы попасть в Рай. И потом что получилось бы? Рай снова превратился бы в место скопища как праведников, так и притворяющихся праведников. В Рай бы попали лжецы, убийцы, распутники, подхалимы. Думаю, это заслуженно и справедливо, если люди, живущие на земле с добрым сердцем и чистой совестью, после смерти попадут в место, где будет только мир, радость, покой и доброта.

– В общем, что посеешь, как говорится, то и пожнешь, Галина Романовна, – подвела итог Вера. – Давайте закроем эту тему. Знаете, о чем я подумала? Здесь могут оказаться и мои родители, бабушка, дедушка, твой отец, Гоша. Тут ведь большинство наших родственников.

– Мам, а ты отца не искала здесь? – поинтересовался Гоша.

– Я нашла его, но не советую тебе искать. Даже попав сюда, он не покаялся во всех своих грехах и, вместо того чтобы остаться со мной, завоевать ниши и готовиться к Суду, он до сих пор проклинает Бога за то, что он обязан сейчас находиться в этих унижительных условиях. Я, честно говоря, не могу даже представить, к какой из ниш он вообще мог бы подойти, чтобы попробовать попасть в нее. Знаешь, он отказывался меня слушать, только и делал, что кричал: «Горите вы все в Аду!» и «Шли бы вы все к чертям!».

– Я все-таки попробую с ним поговорить, мам. А, может, он уже смирился?

Вера поднялась на колени и взяла Гошу за руку.

– Гоша. А ты подумал обо мне? Я ведь тоже хочу найти своих родителей. И что же получится? Мы все разбредемся? Предлагаю сначала пристроить Галину Романовну. Потом устроиться самим

и готовиться к Суду. Я думаю, это будет более мудро. У нас будет возможность увидеть родных, и, может быть, на Суде нам позволят защищать их. И потом, на самом деле, уже мало что изменится, ведь судить нас будут по земной жизни.

Галина Романовна при жизни больше всего ценила в Вере именно эти качества: способность не паниковать в критических ситуациях, не принимать сиюминутных необдуманных решений, умение объективно смотреть на вещи и, несмотря ни на что, оставаться рассудительной и мудрой.

Третий день Диана искала работу, но все было не по душе, то место ее не устраивало, то люди интуитивно не нравились, то еще какая-нибудь причина возникала. До обеда она не прекращала поиски, но опять ничего не выходило. Проголодавшись, Диана зашла в кафе перекусить. Заказав бизнес-ланч, она, задумавшись, смотрела в окно. Розовые скатерти довольно уютного кафе, тихая музыка и доброжелательные официанты позволили Диане расслабиться. Когда она подняла голову, то увидела, что рядом с ней стояла пожилая женщина. Она что-то спросила у Дианы, но та не расслышала из-за мыслей, вот уже три дня не дававших ей покоя.

– Извините, что вы сказали?

– Можно присесть к вам?

– Конечно, садитесь, – Диане пришлось отвлечься от своих проблем, так как по лицу этой милой старушки было видно, что она хотела пообщаться. Диана знала, что такое одиночество и с удовольствием стала слушать рассказ Светланы Петровны.

– Вам приходилось когда-нибудь покидать свой дом, уезжать, не зная, что ждет вас впереди?

– Можно сказать, приходилось.

– Это тяжело? Извините меня, пожалуйста, я, наверное, мешаю вам. Вы кого-то ждете?

– Нет, что вы. А вам нужно куда-то уезжать?

– Я вот не знаю, правильно ли поступаю? Остаться здесь, где прожила всю жизнь, одной или переехать к детям и внукам? Они хотят, чтобы я жила с ними.

– Обязательно поезжайте. Поверьте, я знаю, что такое одиночество. Вы будете очень счастливы там.

– Спасибо, как вас зовут?

– Диана.

– А меня – Светлана Петровна. Так что вас беспокоит, милая? Смотрю, вы не находите себе места.

– Вот уже третий день я пытаюсь найти работу, но ничего подходящего нет. Я устала бездельничать, устала бегать по объявлениям, я вообще уже не знаю, чего хочу на самом деле.

– Скажите, Диана, вы любите детей?

– Очень люблю. После школы поступила в педагогический техникум, а после немного работала в детском саду: готовила старшеньких ребят к школе.

– Знаете, скоро наступит новый учебный год, а у моего класса нет учительницы. Я думаю, вы бы смогли ею стать. Уверена, дети полюбят вас, да и вам самой понравится.

– Да, но...

– Никаких «но», – перебила Светлана Петровна, – к сожалению, я не смогу пойти с вами, но покажу, где расположена школа, по пути расскажу об учителях, ребятах. Когда вы войдете, то сами не захотите выходить оттуда. Вот посмотрите. Когда придете, не говорите, что видели меня, но обязательно скажите, что Светлана Петровна попросила вас занять ее место. И скажите, что я очень просила принять вас.

– Все так неожиданно, я даже не знаю.

– Сейчас пообедаем, а пока слушайте...

Они остановились недалеко от школы. Диана волновалась, она сама не понимала, почему ее тянуло в это место, почему она доверилась этой женщине, с которой была знакома всего несколько минут. Но она все-таки пошла. Ее окликнула Светлана Петровна.

– Если вас спросят, почему я выбрала именно вас, скажите что, наверное, потому, что очень любите детей.

Диана помахала на прощанье и пошла навстречу судьбе.

Улыбающаяся Светлана Петровна незаметно для окружающих приняла облик Артура. Довольный собой, он торопился рассказать брату о том, что начало положено и можно действовать дальше.

Наступил момент прощания Гоши с мамой. Они пробыли рядом очень мало, да еще в атмосфере полнейшего хаоса. Им выпал второй шанс или навсегда попрощаться, или на время разлучиться, чтобы потом уже никогда не расставаться. Теперь возможность подвести черту, сказать что-то важное – была, но подвести черту под всей земной жизнью, под этими глубочайшими и не поддающимися описанию отношениями между матерью и ребенком было просто невозможно. Что можно сказать матери, которая всю свою жизнь посвятила тебе, а ты не смог этого оценить в полной мере, так как, во-первых, ты – мужчина; во-вторых, чувство материнского инстинкта тебе незнакомо; а в-третьих, потому что в силу человеческого эгоизма ты желал больше получать и меньше отдавать? Что можно сказать сыну, который был смыслом жизни матери? Десятки лет Галина Романовна жертвовала собой ради блага Гоши, вкладывалась в человека, который в результате не ответил ей взаимностью в той мере, в которой жаждало ее материнское сердце. В такие минуты лучшим вариантом прощания было молчание.

Гоша обнял маму, затем слегка отстранился, чтобы увидеть ее глаза. Ни в каком взгляде, даже любящей супруги, вы никогда не увидите столько преданности, бесконечной теплоты и безусловного всепрощения, как во взгляде мамы. Сколько бы вам ни было лет, вы навсегда останетесь для нее ребенком, которого она будет желать оберегать, защищать и поддерживать, как когда-то очень давно держала вас за руку, когда вы цеплялись за нее, пытаясь делать первые шаги.

– Я тебя люблю, мамочка, – Гоше эта фраза далась с большим трудом, так как он не привык говорить о любви, а старался показывать ее в своих поступках. Но в данный момент он понимал, что он должен это сказать, чтобы мама услышала, ведь женщина «любит ушами».

В глазах Галины Романовны блеснули слезы: этой простой фразы было достаточно, чтобы оправдать всё то время, которое она отдала сыну. Расставаться было тяжело, поэтому Вера снова решила вмешаться в разговор.

– Я тоже вас люблю, Галина Романовна, – Вера прижалась к ним обоим на несколько секунд, а затем опустила руки, сделав шаг назад, тем самым давая понять, что пора расставаться.

Если бы они только знали, чем для Галины Романовны обернется эта жертвенная любовь к сыну: по ее ладони бежала строка: «Не сотвори себе кумира».

Галину Романовну пристроить на прежнюю нишу оказалось довольно просто. Дело в том, что некоторые ниши Чистилища практически пустовали, так как указанные на них людские пороки были присущи практически каждому землянину, только в разных формах, порой практически безвредных для окружающих. Одна из пустующих ниш носила название «Не завидуй». Иногда люди завидуют безобидно, не ощущая зла и желания обладать тем, чего у них нет. Даже богатые и обеспеченные, у которых, казалось бы, нет повода завидовать другим, могут в глубине души завидовать счастью своих подчиненных, которые не имеют такой повышенной ответственности за результаты бизнеса, располагают стандартным графиком работы, заслуженными выходными и праздниками. Если зависть могла и не приносить вреда на Земле, то здесь, в Чистилище, пытающиеся атаковать эту нишу не только видели ситуации, в которых они завидовали кому-нибудь и не раскаялись в этом, но и четко слышали в своей голове голос, который нашептывал их совести: «Где зависть и сварливость, там неустройство и всё худое».

Галина Романовна всегда довольствовалась тем, что имела. Она никогда не жила в роскоши и никогда не стремилась ощутить чувство полного достатка. Эта великодушная женщина имела по жизни верных друзей, которые всегда были готовы восполнить ее нужду, прежде всего, своим искренним вниманием и заботой. Галина Романовна относилась к той категории людей, которые жили для других.

Попав в нишу «Не завидуй», Галина Романовна, также без особого труда, перебралась на следующую нишу «Благотворящий бедному», а затем на нишу еще более высокого уровня «Друг любит во всякое время».

Помахав маме рукой, Гоша и Вера сели обдумывать план их дальнейшего существования в Чистилище. Им следовало решить,

какие из ниш стоит штурмовать, а какие нет. Гоша и Вера решились на откровенный разговор, который позволил бы им рассортировать ниши по степени вероятности попадания в них. Наступил час говорить друг другу правду, так как нужно было решать как можно скорее, какие из ниш они смогут занять вместе. «Тайное всегда становится явным». Большинство людей считают это изречение пословицей, однако это слова самого Господа, обращенные к нам: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу». Если на Земле мы можем сохранить что-то в тайне, то в Чистилище именно эти тайны становятся для многих «камнем преткновения». А если и в Чистилище тайны так и не будут раскрыты, то на Последнем Суде не останется ничего потаенного, и выйдет оно наружу перед всеми родственниками и знакомыми и всеми, втянутыми в эту тайну.

Гоша и Вера решились на откровенную исповедь друг перед другом. Тишину прервал Гоша.

– Я никогда тебе не изменял, Вера, – с облегчением вздохнул Гоша. – А ты мне?

– Я тоже, – улыбнулась Вера и прижалась к мужу.

Они не знали, что еще сказать друг другу, какие тайны открыть. Им казалось, что самое страшное, что они могли услышать друг от друга, они не слышали, а остальное – не так уж и значительно.

– Знаешь, мне не приходит на ум ни одна тайна, которую я бы скрывал от тебя. И, поверь, это действительно так, – сказал Гоша, погладив жену по волосам.

– Тогда давай пойдем к нише «Не прелюбодействуй», там редко бывает много народу. А когда заберемся туда, то осмотрим соседние ниши. Может, что-то и всплывет в нашей памяти, – предложила Вера.

– Отлично. Ну, тогда вперед, – Гоша взял Веру за руку, и они направились к нише «Не прелюбодействуй».

Гоша и Вера стали потихоньку привыкать к обстановке, которая их окружала. Безумные толпы людей, борющиеся за место в нишах; новички, которые в полном недоумении сидели на земле и пытались понять, где они находятся, одновременно вправляя на место переломанные части своего тела; толпы демонстрантов,

протестовавших против суда над ними и до сих пор не признавших власть Создателя над их жизнями; старики и старушки, молодые девушки и парни, семейные пары и одиночки.

Особенно тяжело было видеть в этом отвратительном месте детей. Они тоже были разными: совсем крохи, школьники, подростки. Все несформировавшиеся личности попадали под категорию детей. Дикостью оказался тот факт, что они одиноко скитались по яме и редко кого интересовали. Инстинкт самосохранения настолько обострялся, что всякое человеческое сострадание утрачивало свою силу, уступая место эгоизму.

Гоша и Вера внимательно всматривались в лица детей, думая о том, что среди них может оказаться и их Илюша. Им становилось омерзительно противно от осознания, что они готовы поступать так же, как поступает большинство людей по отношению к оказавшимся здесь детям.

Первый день в школе прошел очень удачно. Диана поистине была рада, что эта работа прямо-таки свалилась ей на голову. Именно здесь она почувствовала, что нужна кому-то. Учить детей – о большем она и не мечтала. В школе все отнеслись к Диане радушно, видя, что она действительно рада работе, которую получила. Дети в ее классе оказались на редкость сообразительными и дружными. Они тоже с радостью приняли новую учительницу.

Выйдя после уроков из школы, Диана увидела, что в полном одиночестве на лавочке сидит Ванюша, нервно покачивая ногой и наблюдая за своим ботинком. Этот мальчик почему-то понравился ей больше остальных ребят. Что-то в нем было особенное, что невозможно описать словами. Он сидел и, по-видимому, кого-то ждал. Диана подошла к своему ученику и села рядом. Ваня повернул голову в сторону учительницы и снова отвернулся, продолжив наблюдать за траекторией перемещения своего ботинка. Ему не хотелось говорить, так как он был снова расстроен из-за обещания отца забрать его во время и отвезти на тренировку по баскетболу. Время шло, а долгожданная тренировка опять сры-

валась. Видя, что мальчик не настроен на взаимную беседу, Диана все-таки попыталась завязать разговор.

– Иван, ты кого-то ждешь?

– Я не люблю разговаривать с чужими людьми о себе и моем папе, Диана Викторовна, – с неохотой ответил Ваня.

– Так, значит, ты ждешь папу? – продолжала настаивать Диана, не обращая внимания на недружелюбность Вани.

– Извините, но Вас это не касается, – холодно произнес Ваня. Но он был еще слишком мал, чтобы скрывать свои истинные чувства: ему было очень обидно из-за папиного опоздания, и он вот-вот был готов заплакать.

Диана попыталась обнять мальчика, но он отодвинулся и стал внимательно прислушиваться. Потом он вскочил со скамейки, и, не сказав ни слова, побежал к дороге. Из-за поворота появился автомобиль и остановился рядом с Ваней. Кирилл торопливо вышел из машины, и, виновато улыбаясь, обнял сына. Ваня стал что-то рассказывать папе, усиленно размахивая руками и показывая на часы. Они уже почти садились в машину, как вдруг Ваня показал в сторону Дианы, которая, вместо того чтобы встать и пойти домой, осталась сидеть и наблюдать за всем происходящим.

Диана не относилась к категории одиноких девушек, «приме-ряющих» попадавших в поле зрения мужчин, соответствующих их вкусам и запросам, на роль потенциального мужа. Увидев Кирилла, она остановила на нем свой взгляд также не по причине его внешних данных и безупречного вида. Ее тронуло что-то в его поведении и отношениях с сыном. Она отметила, как Кириллотреагировал на своё опоздание. В его мимике и жестах читалась любовь, забота и ответственность по отношению к сыну.

Когда Ваня указал на Диану пальцем, ее глаза встретились с глазами Кирилла. Чувство реальности покинуло девушку, а чувства зарождающейся глубокой привязанности и нежности обострились. Кирилл застыл на месте, хотя Ваня тянул его в машину, дергая отца за край рукава. Это продолжалось еще какое-то мгновение, а потом мир принял свой прежний вид, все стало обычным и реальным. Ваня все-таки усадил отца за руль, и машина скрылась за поворотом. Диана сидела на лавочке и глупо улыбалась, сама не зная кому или чему. В груди стало тепло и спокойно. Она

медленно встала и отправилась домой, забыв обо всем на свете. Поэтому, когда она пришла домой, сама не помня как, на вопрос Марины «Ну, как прошел день?» Диана ответила: «Он совсем не похож на всех остальных, он какой-то особенный, но почему, я еще не могу понять». Мама тоже еще не могла понять, о чем говорит ее дочь, но к вечеру все стало ясно: в дом пришла любовь и, по-видимому, собиралась остаться надолго.

Бытует мнение о том, что дети, неспособные различить добро и зло во всём его глубоком понимании, неспособные рассуждать полноценно о логической взаимосвязи текущей жизни, смерти, их поведения и восприятия окружающего мира, умирая, непременно попадают в Рай. Безусловно, такая версия – огромная поддержка для безутешных родителей, лишившихся своих кровиночек. В своей горе они цепляются за надежду, что их дети сейчас находятся в лучшем месте, и им хорошо. Тогда встает вопрос: что же эти самые дети делают в Чистилище, и кто виноват?

Сколько дебатов мы слышим на эту тему, сколько дискуссий разворачивается. Эти противоречивые и неоднозначные вопросы и ответы на них в своё время волновали и Гошу с Верой.

Направляясь к нише «Не прелюбодействуй», они заметили сидящего на коленях мальчика. Супруги невольно вздрогнули, так как его облик, движения и мимика напомнили им Илюшу. Чтобы хоть как-то заглушить голос совести, постоянно напоминающий о брошенных здесь детях, они решили остановиться и заговорить с ним.

– Привет, как тебя зовут? – Гоша присел рядом с мальчиком на корточки.

– Егор, – ответил тот, не поднимая головы.

– Как себя чувствуешь? – Вера тоже присела, погладив мальчика по слипшимся волосам.

– Хочу убить своего отца – тогда буду чувствовать себя хорошо.

Такое заявление шокировало Гошу и Веру. Егор выглядел достаточно спокойно и уравновешенно, но его слова ввели их в ступор. Решив разобраться с причиной такой яркой скрытой озлобленности, Гоша продолжил разговор:

– Как ты сюда попал?

Супруги старались задавать короткие вопросы, боясь окончательно подорвать эмоциональное состояние Егора.

– Я утонул.

– Случайно?

– Родители отправили меня в детский лагерь. Мы поехали на экскурсию на катере на островок среди моря. Погода была жаркая, и мы с ребятами полезли купаться. Потом я почувствовал, как меня стало уносить течение. Пока у меня были силы, я смотрел на берег, я верил, что всё обойдется, так как наши воспитатели и даже ребята бросились в воду к нам на помощь. Потом я устал бороться с силой течения, испугался, что умру, и ослаб. Рядом увидел нашего физрука, который плыл ко мне. Потом лишь помню, как ушел под воду, и всё. Очнулся уже тут.

– Ну, значит, твои родители не виноваты, что ты оказался здесь? – спросила Вера.

– Не виноваты? – ухмыльнулся Егор. – Мама много работала, уставала. Нас было у нее трое мальчишек, а с папой – четверо. Всё хозяйство держалось на ней, да и вообще только мама и думала, как строить наше будущее, а все просто жили, ни о чем не думали, ничего не планировали, да и маму не ценили за то, что она про себя забывала ради нас.

Она была хорошей очень, перед сном приходила укладывать меня спать. Она молилась за меня вслух. Постепенно я стал понимать, что она несчастлива, но старалась делать все правильно. Я ее спросил об этом однажды, зачем она так старается, ведь папа не ценит ничего. Тогда она ответила: «Я стараюсь ради тебя, Егорushка. Если я угождаю Богу, то ты находишься под Его охраной, защитой и безусловной любовью до тех пор, пока не сделал своего личного осознанного выбора: жить по Божьим правилам или по собственному усмотрению». Я тогда понял, что мама терпела несправедливость ради того, чтобы не расстроить Бога. Ведь если бы она Его расстроила и делала бы всё по-своему, то Он бы отвернулся от нее, а значит, и от меня, и даже от отца. В таком случае мамины неправильные отношения с Богом распространялись бы и на нас. Мама словно была нашим ангелом-хранителем.

– А что папа?

– Папа стал пить. Дом, работа, телевизор. Ему ничего от жизни было не нужно. Он перестал на маму смотреть, как раньше. А мама что могла? Она так уставала, что выглядеть королевой не хватало сил, да и стимула не было. Папа не обращал на нее никакого внимания. Я хоть и не взрослый, но со временем понял, что папа стал ей изменять. Ненавижу его. Он сам ничего не делал в доме, не помогал ей, практически ничего не зарабатывал, сел маме на шею. А она ради него старалась. Поначалу закрывала глаза на то, что он делал, а потом тоже стала пить.

– Понимаю, почему, ты так к нему относишься.

– Не понимаете. Мама не выдержала, она сломалась. Она не смогла из-за этого уroda и дальше радовать своею жизнью Бога. Поэтому я сейчас здесь! Это всё из-за него! Он ведь, может, и маму сюда затащит, и братьев.

Мумирон и Гнилус наблюдали из отверстий в Чистилище за разговором троицы.

– Моя, моя заслуга, – гордо, растягивая слова, радовался Мумирон, глядя на Егора, рассказывающего об отце-пьянице, напроць лишенном смысла жизни.

– Нет, это всё я, – Гнилус перебил Мумирона. – Плотские удовольствия на фоне атрофированной совести, забитой в угол человеческой душонки.

Мумирон не стал спорить, он подхватил Гнилуса за туловище, посадил на плечо и стал весело отбивать неуклюжими ногами чечетку.

– Ну и лох! – подпрыгивая на плече у Мумирона, выкрикивал Гнилус.

– Кто?

– Ленивый Одураченный Хмырь!

Веселью, казалось, не было конца.

К Гоше и Вере одновременно пришло четкое понимание, как на самом деле определялась судьба умерших детей. Какая же ответственность ложилась на плечи родителей!

– Егор, думаю, ты понял уже, по каким принципам мы здесь живем, – начал Гоша. – Твоя позиция ясна. К сожалению или к радости, убить здесь мы никого не можем. Если только морально. Но это место нам дано не для того, чтобы самих себя лишить вся-

кой надежды. Мы должны научиться здесь прощать, ведь в каждую секунду может всё закончиться, и начнется Суд. По крайней мере, очень хочется верить, что после этого места мы будем уже судимы, а не будем опять куда-то переселены в еще более отвратительное место.

– Да, я понимаю всё разумом, но чувствам не прикажешь. Ненавижу!

– Здесь у тебя есть только одна надежда – надежда на того, кому принадлежит весь этот план – надежда на Творца. Вспомни свою маму, которая, не видя Его, с Ним разговаривала. А ты так близок к Богу. Попробуй просить Его дать тебе сил простить отца и, если можно, прислать всей твоей семье весточку о том, как небезобидны их поступки на земле.

– Я попробую, – Егор наконец поднял голову и посмотрел на Гошу. Ему так не хватало настоящих мужским разговоров по душам.

– Где ты обычно сидишь? – спросила Вера. – Мы могли бы навещать тебя.

– Видите ту небольшую возвышенность среди ровного участка? Смотрите правее. На ней еще дети катаются, как с горки?

– Да.

– Я там. Вы же еще придете? – Егор посмотрел Гоше прямо в глаза.

– Обязательно.

Обняв мальчика на прощанье, Гоша и Вера взяли за руки и медленно двинулись дальше. Они долгое время молчали, каждый размышляя над тем, где сейчас может находиться Илюша, если он тоже вместе с ними погиб в автокатастрофе.

Диана внимательно наблюдала за Ваней, но он вел себя, как обычно. Чего ждала Диана, она сама не понимала. Внезапно ей пришла в голову шокирующая мысль: а что, если Кирилл женат, ведь у него есть Ваня, и она поникла духом. Через несколько секунд Диана услышала свое имя – тишину нарушил Ваня. Как оказалась, это открытие ей пришлось в голову как раз во время

объяснения нового материала, а потом она вдруг замолчала и уставилась в пол. Чувствуя себя неловко, Диана что-то пробубнила и продолжила урок. Слова ее были в классе, а мысли продолжали летать над классом, иногда над Ваней, в общем, день не просто прошел, а пролетел. Когда урок закончился, и все дети выбежали из класса, мысли Дианы остановились. Она спросила сама себя: «А почему это я вдруг решила, что он почувствовал то же, что и я?» «Почувствовал», – ответил Кирилл. От неожиданности Диана подпрыгнула и выронила тетради детей из рук. Ее сердце стремительно набирало обороты. Кирилл, видя, что сильно напугал Диану, стал извиняться.

– Вы извините, я не думал, что моя фраза произведет на вас такое впечатление. Ваня рассказал мне о своей новой учительнице, и я решил поближе познакомиться с ней.

– А вы что, хорошо знали Светлану Петровну? – слегка заикаясь и краснея, спросила Диана.

– А при чем здесь Светлана Петровна? – улыбаясь, спросил Кирилл, отвечая вопросом на вопрос.

Диана понимала, что задает глупые вопросы, так как сильно волнуется, поэтому, оставив эту тему, переключилась на другую.

– Меня зовут Диана Викторовна, я новая учительница вашего сына, – Диана решила представиться первой.

– О, какая ценная информация. По странной случайности я уже это знаю. А меня зовут Кирилл, и я не женат.

– А при чем здесь это? – обрадовавшись, спросила Диана, получив, наконец, ответ на мучивший ее вопрос.

– При том, что вы получили ответ на мучивший вас вопрос, – ответил Кирилл, сам не понимая, почему он все это говорит. Он видел, что Диана всё еще волнуется, но продолжил: – Мне совершенно не свойственен образ ловеласа, который вы наверняка себе нарисовали, слушая меня. Я также пришел вовсе не потому, что Ванины оценки в ваших руках. Я и сам не понял до конца, что я здесь делаю. Интуиция, наверное. Я могу называть вас по имени?

Диана настолько растерялась, что спросила:

– По имени? По какому имени? Улыбка Кирилла стала шире, и он громко рассмеялся. Диана, недолго думая, воспользовалась его примером и тоже стала смеяться. Когда они успокоились, то уже

чувствовали себя, как близкие знакомые. Им не надо было что-то говорить друг другу, с самого начала между ними установилась особая связь, словно кто-то еще или что-то неведомое и невидимое направляло их мысли, управляло ими, постоянно контролировало. «Неужели можно так понимать друг друга – одним взглядом, одним словом?» – думали оба и счастливо улыбались, благодаря Бога за то, что возможно нашли ту самую родственную душу.

В отличие от Дениса, Артур с удовольствием принял эту благодарность. На душе было спокойно оттого, что пока все шло хорошо и видимых препятствий для срыва последнего соединения любящих сердец не наблюдалось. Артур радовался, как ребенок, ему так нравилось нести людям счастье, что порой ему было грустно от того, что после окончания своей миссии он уже не сможет так явно помогать им.

– Знаешь, Денис, в последний раз мы соединим не два сердца, а три, – сказал Артур и снова задумался, не ожидая ответа.

Ларчи, ангел-хранитель Дианы, который отвечал за ответы на молитвенные просьбы, исходящие от самой девушки и других землян в ее адрес, расположился в изумрудной комнате. Она так называлась, потому что абсолютно всё ее убранство было выполнено из этого драгоценного камня. С улицей и прочими помещениями ее разделяли резные, словно воздушные арки с узорами неземных животных, птиц и цветов. Потолок просторной комнаты был увешан миниатюрными колокольчиками, которые нежно звенели каждый раз, когда ангелы взмахивали крыльями, улетали из комнаты и возвращались обратно.

Ларчи старательно продолжал сортировать молитвенные нужды своей подопечной по изумрудным ящичкам и готовил к передаче Создателю наиболее важные и срочные для исполнения в назначенное время или отказа. Ларчи очень повезло в работе, которую он выполнял на Небесах, так как многие ангелы-хранители скукающе сидели в изумрудной комнате без дела с чувством сожаления, что без поступающих молитв, они никак не могут принять активное участие в жизни своих подопечных.

«А вот и свеженькая», – Ларчи рассуждал вслух, беря в руки только что полученную молитвенную просьбу в адрес Дианы. – «От Клавдии Федоровны... Какая же она молодец... Посмотрим...» Ларчи стал внимательно читать молитву, в которой Клавдия Федоровна просила, чтобы Создатель в этом дне защитил Диану от зла, и в случае, если она задумает грешное дело, обязательно вмешался, чтобы помочь Диане осознать свои ошибки и изменить свои мысли, поступки и желания сердца.

Так как в Раю времени не было, а существовало лишь понятие «вечности», то для того, чтобы узнать, чем занималась Диана в тот или иной земной момент, Ларчи было достаточно закрыть глаза и произнести вслух новое имя, которое будет дано его подопечной в случае попадания в Рай после жизни. Ангел увидел суету в доме, где жила Диана. Казалось, в семье шли приготовления к встрече желанного гостя.

«Дело срочное. Надо спешить к Творцу», – заторопился ангел, прочитав мысли своей подопечной. Он встал из-за стола, взмахнул гигантскими крыльями и, миновав арку, полетел по направлению к Престолу.

Кирилл и Диана встречались в основном у школы. Марина и Виктор уже знали об их встречах и решили пригласить Кирилла на ужин. Диана долго противилась, она не хотела, чтобы он узнал о ее прошлой жизни. Спустя несколько дней, Марине все-таки удалось уговорить дочь принять Кирилла в их доме, условившись, что они все трое будут об этом молчать. Предполагалось Виктора представить как настоящего отца Дианы, и что вот уже двадцать с лишним лет они живут вместе одной дружной семьей.

Первое, чему учила Клавдия Федоровна Диану, – никогда не врать, какая бы горькая ни была правда. Она убеждала девочку, что все тайное когда-нибудь становится явным, а ложь приведет только к беде и несчастью. Диана вовсе не забыла об этой простой и важной истине, а лишь хотела оставить разговор о ее прошлом на потом, так как очень желала побыстрее построить своё счастье, чтобы ничто и никто не смог помешать этому. В тот момент Диана

просто не задумалась о последствиях, к которым эта ложь могла привести.

Денис все так и планировал. Втайне от Артура он давно решил сорвать это последнее путешествие в прошлое. Денис был уверен, что бредовые идеи деда не принесут никакой пользы. Если любовь вымерла, то, значит, так и должен развиваться мир. Не следовало ломать жизнь и внедрять в нее инородное тело. Денис верил в могущественное будущее всего мира, что наступит настоящая жизнь, которой совсем не нужна опора, старая и давно всеми забытая. Он по-своему боялся за свое будущее и будущее всех людей, он боялся навредить миру, поэтому так долго продумывал свой план действий. Главное – найти слабое место Дианы, и Денис его нашел: ненависть, спящая ненависть, которую он решил растормошить в душе Дианы, а помощники, вернее, союзники всегда были готовы помочь, стоило Денису только подумать о том, что ему нужно для реализации своего плана.

– Ну, вот ты и положила всему конец, ты решилась на ложь, – спокойно рассуждал Денис, даже не подозревая, что его мысли были открыты не только всему Царству Тьмы, но и самому Богу.

А тем временем для ужина все было готово, и все ждали прихода Кирилла. Диана не находила себе места от внезапно нахлынувшего волнения, она боялась, что правда выйдет наружу, и уж тогда он наверняка не захочет даже видеть ее, узнав, что она была деревенской простушкой, привыкшей в основном трудиться, мало знакомой с новыми веяниями моды и современными тенденциями светской жизни. Как часто мы заблуждаемся и принимаем многие ответственные решения за других, не давая им самим решать, что делать.

Когда Кирилл прошел в гостиную и сел за праздничный стол рядом с улыбающейся Дианой, в комнату вошли Марина с подносом свежих фруктов в руках и Виктор. Они расположились напротив Дианы и Кирилла, и уже было приступили к реализации заранее продуманного сценария знакомства молодого человека с семьей Дианы, как в дверь позвонили. Марина пошла открывать.

Внезапно раздался глухой звук, доносящийся из соседней квартиры. Диана ощутила резкий толчок в спину. Уши заложило настолько, что тишину сопровождал протяжный и неприятный гул.

Тело в мгновение стало ватным, а к горлу подступил сладковатый холодок. Диане даже показалось, что не только посуда на столе задрожала, но и всю квартиру словно подбросило. Она прижала указательные пальцы к вискам и сильно зажмурилась. Сделав глубокий вдох и выдох, Диана открыла глаза и огляделась. Ничего необычного она не заметила. «Наверное, это хлопнула входная дверь», – подумала Диана и перевела взгляд со стола в сторону коридора.

В проеме комнаты стояла Антонина, соседка, постоянно сующая свой нос, куда не следует. Она была очень энергичной женщиной, то и дело занимающейся выведыванием различных интересных фактов из жизни людей, окружающих ее. Антонина настолько интересовалась жизнью других, что у нее даже не оставалось времени на свою личную. По странной случайности, она заходила исключительно в особые моменты – когда в ее присутствии нуждались меньше всего. Такого случая она не упустила, так как увидела в дверной глазок, что, кроме появившейся не так давно молодой особы, в квартиру зашел интересный молодой человек. Антонина долго пыталась расставить все на свои места, но логического объяснения всему происходящему она так и не нашла, поэтому и пришлось прийти и выяснить все на месте.

– О, Антонина, что-то случилось? – Марину, загородившую проход в комнату, передернуло. В доме появилась бомба, которая могла взорваться в любую минуту.

Широко улыбаясь, Антонина вежливо отодвинула Марину и прошла в комнату.

– Давайте знакомиться! – воскликнула она, протягивая руки ко всем сразу. – Привет, Виктор. Ну-ка, расскажи, кто эта прелестная девочка и очаровательный молодой человек? Не дожидаясь ответа, Антонина обратилась к Диане и Кириллу: – Я соседка Марины, мы с ней очень дружны, поэтому я и решила зайти и познакомиться с вами.

Кирилл непонимающим взглядом молча смотрел то на Антонину, то на Марину, то на Диану. Марина решила первой спасти ситуацию. Она встала за спиной у Антонины и стала жестами объяснять Кириллу, что та немного сумасшедшая. Марина глупо улыбалась, высовывала язык, надувала щеки, а потом усердно тыкала

указательным пальцем в спину Антонины, пытаясь объяснить, что все это относится не к ней, а к Антонине. Кирилл быстро сообразил, что к чему, Виктор и Диана тоже поняли, в каком направлении нужно врать. И тогда начался спектакль.

– Познакомься, это Диана – моя дочь, а это ее молодой человек Кирилл, – уверенно сказала Марина.

– Извини меня, дорогая, но откуда у тебя взялась дочка? – Антонина настолько удивилась, что действительно смахивала на сумасшедшую.

Марина стала кивать головой, давая понять Кириллу, что такие вопросы задаются постоянно и ничего не остается делать, как снова и снова отвечать на них. Затем Марина ласково ответила: «Видишь ли, я ее родила больше двадцати лет назад».

Антонина открыла рот и попыталась что-то спросить. Тут заговорила Диана:

– Антонина, у нас сегодня гости, я, конечно, очень рада, что ты зашла, но, может, заглянешь к нам завтра?

Виктор встал из-за стола и за спиной Кирилла тоже стал, усиленно махая руками, изображать ненормального, показывая пальцем на Марину, давая понять Антонине, что Марина чувствует себя неважно. Его лицо было похоже на деформированную гнилую и сморщенную сливу. Поначалу Антонина подумала, что Виктору нужна помощь. Она уставилась на него, пытаясь найти какое-то решение, так как, кроме нее, на эту выходку никто не обратил внимания.

– Вы видели его? – Антонина обратилась ко всем.

– Кого? – в один голос спросили все присутствующие.

– Виктор, у тебя все в порядке? Марина, ты видела? – испуганно спросила Антонина.

– О чем ты, дорогая? – вежливо поинтересовалась Марина.

Виктор хотел показать Антонине, что Марина не в своем уме и несет бред. Вышло же наоборот. Антонина подумала, что не в своем уме Виктор. Посмотрев на него, Кирилл убедился, что с ним все в порядке, и решил, что ему тоже следует включиться в игру.

– Антонина, я очень рад нашей встрече и надеюсь, что мы скоро снова увидимся, – Кирилл подошел к ничего не понимаю-

щей женщине и дал понять, что ей пора уходить. Та, не сопротивляясь, встала и молча вышла из комнаты, осмысливая случившееся. Когда дверь за ней закрылась, Кирилл вошел в комнату и засмеялся, так как приход Антонины его позабавил. Все присутствующие, кроме Кирилла, почувствовали облегчение оттого, что все прошло довольно гладко. Диана, широко улыбаясь, постаралась перевести тему разговора в другое русло.

Учитывая количество людей, обитающих в Чистилище, у ниши «Не прелюбодействуй» находилось не так уж и много народу. В основном это были женщины среднего возраста и молодые девушки, по всей видимости, незамужние. Гоша, оценивая обстановку, улыбнулся.

– Знаешь, что мне это напоминает? – спросил Гоша.

– Не знаю, что тебе, а мне рынок, на котором черную икру бесплатно раздают, – ответила Вера.

– Ты абсолютно права. Что за варварство? Посмотри, тут есть интеллигентные на вид люди, но куда девалась их уважительность?

– Ты знаешь, мне совсем не хочется подключаться к этому зверинцу и становиться одной из этих обезьяноподобных. Гоша, помнишь, когда мы были в Крыму, ты выступал на презентации, посвященной открытию нового детского развлекательного центра?

– Ну, помню.

– А ты помнишь, что у организаторов было на руках всего пятьдесят подарочных сертификатов, тогда как присутствующих там было раз в шесть больше.

– Кажется, я понял, к чему ты клонишь. Никогда не думал, что мне придется снова повторять эту речь, да еще в таком месте. Что ж, рискнем.

Перед тем как приступить к разговору с толпой, Гоша позаботился о том, чтобы соорудить небольшое возвышение из камней, падающих вниз, а также песка и мелкого мусора, чтобы оказаться на возвышении над людьми, которые, как казалось, совсем не

были настроены на душевную беседу. Встав на самодельный подиум, Гоша резко выдохнул и прокричал:

– Эй, у ниши «Не прелюбодействуй» еще остались люди или нет?

– Да пошел ты, – кто-то выкрикнул в толпе.

Гоша был доволен результатом, так как предполагал, что на его голос вообще никто не отреагирует. Он продолжил с невозмутимым спокойствием.

– Эй, у ниши «Не прелюбодействуй» еще остались люди или нет? – повторил свой вопрос Гоша.

Тот же голос выкрикнул из толпы:

– Тебе чего надо, умник? Не мешай, хватит нам проповедей. Толку от них мало. Иди отсюда по-хорошему.

Гоша обратился непосредственно к возмущающемуся:

– Я знаю, как ты сможешь попробовать попасть в эту нишу максимум через час, если судить по земному времени. Как давно ты здесь?

– Отвали, я тоже знаю, как попасть в эту нишу, и, как видишь, все знают, – все-таки продолжил разговор мужчина, которому на вид было около сорока пяти лет.

– Лично у меня больше нет сил тягаться с этим мужланом, – прокричала молоденькая девушка, указывая пальцем на возмущавшегося. – Так что говори!

Девушку поддерживали и другие женщины, пытающиеся достигнуть ниши, преодолевая преграду из обезумевших и настойчивых тел мужского пола, не желающих уступать.

– Да вы вообще можете отойти и не мешать нам, леди, – предложил все тот же мужчина, – без всех вас будет только легче.

В словесную перепалку снова вмешался Гоша:

– Вы можете продолжать штурмовать эту нишу. Но предлагаю одним ухом послушать меня.

– Ну валий, умник, – возмущившийся мужчина одобрил попытку Гоши предложить свой вариант разрешения этого, казалось, вечного конфликта.

– Люди! Я буду называть вас именно людьми, так как это единственное, что объединяет нас здесь сегодня. Мы все с вами люди, пусть из разных исторических эпох и времен. Когда-то на Земле

мы говорили на разных языках, но сейчас все понимаем друг друга, и это тоже немаловажный фактор, который объединяет нас сейчас.

В толпе наступило замешательство и, несмотря на то что каждый из штурмующих не отвлекался от своего занятия, вступительное слово Гоши привело к своим положительным результатам. Толпа поутихла и стала слушать. Гоша продолжал:

– Безусловно, каждый из вас хочет попасть в эту нишу или хотя бы попытаться. Думаю, что каждый из вас был бы не против решить эту проблему цивилизованным способом, тогда к результату вы все пришли бы уже давно. Но очень трудно выбрать такой критерий очередности, который устроил бы каждого. Мужчина в оранжевой рубашке, вы согласны? – Гоша обратился к возмущающемуся, единственному мужчине, который поддерживал с ним беседу, пусть и не в самой уважительной форме.

– Это ты мне, умник? Согласен. Всем не угодишь. Я уже и представить не могу, сколько времени торчу у этой ниши и что, должен уступить ее кому-то новоиспеченному? Ну уж нет! Это несправедливо.

– Согласен. Кстати, вы отметили один из трех самых распространенных критериев очередности попадания в нишу. Думаю, многие, давно пытающиеся попасть туда, без всяких комментариев согласились бы выбрать в качестве критерия очередности время штурма ниши. Но, к сожалению, часы ходить тут перестали, и мы вряд ли сможем отслеживать время нахождения каждого у ниши. Второй неплохой критерий – время нахождения в Чистилище. Если саму продолжительность времени мы определить и не можем, то можем воспользоваться датой смерти, тем самым узнав, кто здесь появился раньше, а кто позже. Но опять неудача. У нас нет возможности записать все даты и отслеживать очередность, кроме того, кто будет этим заниматься? Добровольцы есть? Вряд ли.

– Молодой человек, – прервала Гошу пожилая женщина, – разве не справедливо было бы старших пропустить вперед, проявить хоть капельку уважения?

– Вы правы. Отличный критерий. И довольно справедливый, на первый взгляд. Только что делать молодым, если к нише каждую минуту, а то и секунду подходят все новые и новые пожилые

люди? Так стоять вечно и ждать? Поэтому у меня есть предложение.

Посмотрите на эту ситуацию с другой стороны. Никто не хочет уступать друг другу по самым разным причинам, сейчас я говорю о причинах, а не о справедливом порядке очередности. Кто-то из-за своего упрямства, кто-то из-за неумения и нежелания сдаваться, кто-то из-за своего постоянного чувства лидерства и превосходства над другими людьми и так далее. Мы все, как и раньше на Земле, думаем о своем «Я» и о наших родственниках, конечно. Думая о себе, мы тем самым отвергаем стоящего рядом с собой человека. Отталкивая его, чтобы быть первыми, мы, казалось, относительно безобидным способом можем глубоко ранить человека, который по жизни испытывал чувство отверженности.

Отверженность – это ощущение ненужности. Всю жизнь многие из вас желали, чтобы люди любили вас, вы хотели быть частью общества, но чувствовали себя в нем исключением и наблюдали себя как бы со стороны. Кому из вас знакомо чувство утомления и опустошения, разочарования и ощущения тупика? Вспомните те моменты, когда вы были запуганы, озабочены и полностью раздавлены.

Ответа на риторические вопросы не последовало, но толпа не только поутихла, но и немного успокоилась: люди уже не отшвыривали друг друга, старались добраться до ниши, никого не поранив и не обругав, и никто не смотрел друг другу в глаза, словно каждый из слушающих Гошу на время отрешился от происходящего и обдумывал свою жизнь. Гоша продолжил:

– Знаете, что еще нас объединяет? Мы все когда-то были детьми. Господь устроил нас таким образом, что каждый младенец, рожденный в мир, испытывает огромную потребность в защите. Вы когда-нибудь видели малыша на руках отца? Ручонка сжимает отворот пиджака, а головка прижата к папиной груди. И если даже вокруг неблагоприятная и неудобная обстановка, малыш чувствует себя в безопасности. Его личико выражает абсолютное спокойствие и умиротворенность. Но не у каждого из вас было такое детство, не каждый из вас был любим так, как вы бы того хотели. Люди, давайте, сейчас излечим тех, кто был отвержен в своей жизни, давайте исцелим их своим состраданием и заботливо

пропустим вперед. И не важно, сколько им будет лет, важно, что мы наконец-то сможем показать им, что не надо сдаваться, что даже сейчас, после смерти, можно избавиться от этого чувства отверженности. Поверьте, здесь никто не соврет и не полезет вперед, мы увидим их, мы, которых любили и баловали, которых окружала семья и забота близких, без труда сможем отличить отверженных.

Внезапно тот самый немолодой мужчина в оранжевой рубашке отделился от толпы штурмующих нишу, сел на землю, скрестив ноги, и закрыл лицо грязными, пыльными руками. И, словно по какой-то невидимой команде, вся толпа разделилась. Одни продолжали стоять, а другие, прокручивая в мыслях эпизоды своей земной жизни, начали всхлипывать, а потом, не скрывая чувств, плакать. Это было настолько тяжелое зрелище, что люди стали потихоньку собирать отверженных вместе, помогая подобраться к нише как можно ближе. Стоны и плач отверженных превратились в невыносимый вой, люди обнимались, рыдали друг у друга на плечах, делились своей болью и разочарованием.

Наблюдающие издалека недоумевали, почему у одной из ниш не было беспорядка и почему часть людей помогала другим попробовать добраться до ниши первыми.

Гнилус сидел возле рва и, обкусывая на ногах ногти, мечтал. Он представлял себе день, когда наконец получит полную власть над людьми. Но для этого ему предстояло выслужиться перед Хозяином, чтобы занять достойное привилегированное место по правую руку от Господина, когда тот будет распределять должности в Аду. Гнилус очень надеялся, что будет лучшим из лучших и что именно ему Хозяин доверит «ключи от Ада». Он рисовал в своем воображении картину, как стоит у ворот и наблюдает за тем, как «признанные виновными» люди проходят мимо него. Эти мелкие никчемные людишки, озабоченные своим собственным «Я», теперь будут открыто повиноваться ему – самому Гнилусу. Какую власть он получит? Управлять, управлять и еще раз управлять. Размытые сюжеты сказочного мира, в котором предполагали оказаться люди после своей физической смерти, преобразятся в

реальные изогнутые лабиринты в душном, вечно темном помещении, где будут слышны только плач и скрежет зубов. Гнилус представлял, как будет безудержно хихикать над выражениями лиц землян, когда те осознают, что самое страшное в Аду – это далеко не физические мучения и не жажда, а вечные душевные страдания.

Представьте, что самый дорогой человек в вашей жизни пропал без вести. Нет, он не умер, а именно пропал. С потерей любимых, покидающих этот мир на наших глазах, мы постепенно смиряемся. Мы продолжаем скорбеть и помнить, но понимаем, что нужно жить дальше. Вокруг нас есть другие близкие, которым мы нужны, есть дети, которые безмерно в нас нуждаются. Но совсем другие душевные страдания приносит неизвестность. Когда ты не знаешь, жив ли твой близкий и дорогой человек, может, он в мучениях и на грани отчаянья, может, беспомощен и потерян, может, его останки уже где-то гниют в лесу под опавшей листвой, а может, он просто решил исчезнуть в поисках новой, более интересной и беззаботной жизни. Проходят дни, недели, месяцы, а ты продолжаешь вздрагивать, когда на лестничной площадке слышны чьи-то шаги. Проходят годы, а ты всё ждешь и любишь. Пытаешься жить дальше, а не получается. В Аду именно так и будет страдать душа, разделенная с каждым родным человеком на Земле, – мужем или женой, грудничком, малышом или уже взрослым ребенком, с родителями и близкими друзьями. Каждая душевная связь разорвется навечно и будет отдавать в сердце тупой нескончаемой болью.

Гнилус продолжил беседу сам с собой. «Так, ладно, ладно. Пора подумать о деле. Диана, милая Диана. Кто знает, что ждет тебя впереди?» – рассуждал он вслух. Закончив с ногтями на ногах и переключившись на ногти на руках, бес усмехнулся: «Глупые, глупые люди. Что захочу, то и будет вас ждать завтра. Главное – позвольте мне принимать решения в вашей жизни, не гоните меня, и всё».

Гнилус листал свои записи о поступках, которые совершали люди, когда в них вселялся тот или иной дух, и прикидывал, какого из них нужно вселить в Диану, чтобы та стала игрушкой в его руках, способной на любую мерзость, требующуюся для успеш-

ного выполнения намеченной операции. Суть операции заключалась в том, чтобы помешать Диане и Кириллу обрести любовь и счастье.

«Итак. Думаю, для этого случая подойдут Дух гнева, Дух отверженности и Дух возмездия». Гнилус был профессионалом в своем деле и точно знал, какую комбинацию духов нужно заселить в человека, чтобы добиться стопроцентного результата.

Последнее время Диана стала очень плохо спать. Что-то неведомое стало ее тревожить и мешало жить спокойной жизнью, наслаждаясь тем, что преподнесла ей судьба: обретенной семьей и любимым человеком. Она стала часто просыпаться по ночам не от звуков и шорохов, а словно от невидимого толчка, который заставлял Диану резко открывать глаза и потом долго лежать без сна. В комнате становилось душно, а воздух наполнялся тяжестью. На ухо словно кто-то нашептывал мысли о прошлом.

Сомнения неясного происхождения стали закрадываться в душу: «Должны ли люди платить за свои ошибки? Что общего между любовью и бытовой нуждой? Как развязать клубок лжи о своих родственниках? Если мне себя иногда жалко, должна ли я избавиться от этих чувств за счет обидчика?» Один раз появившись, эти вопросы снова и снова приходили Диане на ум. Они постепенно обрастали всевозможными историями и предположениями, которые стали выливаться в чувство гнева и отверженности. В ней что-то росло, что-то большое и сильное.

Диана с трудом понимала происходящие с ней перемены, резко вырывающиеся наружу. Она пыталась подавить разрастающееся чувство тревоги и сомнений, но напрасно. Складывалось впечатление, что она стала состоять из двух противоположных личностей: одна – новая Диана, неожиданно занявшая лидирующие позиции, другая – Диана из прошлого, научившаяся прощать и быть милосердной по отношению к людям. С каждым днем новая Диана все прочнее укоренялась в теле, практически не давая возможности прежней Диане и рта раскрыть.

Однажды утром Диана встала другой окончательно. Глаза не

видели того, что нужно было замечать: искреннюю любовь и внимание близких; сердце перестало чувствовать, что должно было чувствовать: спокойствие и благодарность судьбе за вновь обретенную семью; мысли спутались. Новая Диана, словно огражденная стеной себялюбия и эгоизма, перестала мудро оценивать то, что находилось за пределами этой стены. Теперь ею владела лишь одна цель: отомстить за свои многолетние стенания души. Однако для нее самой ее мысли и предполагаемые действия не являлись мезью. Диана искренне считала, что избавиться от гложущего душевного дискомфорта она сможет только в том случае, если предаст эти ощущения тому, по чьей вине она их испытывает. Как это сделать, она пока не знала. Но что-то подсказывало ей, что случай представится. Как ни странно, она была уверена в том, что все произойдет само собой, обстоятельства сложатся тоже сами, нужно только ждать. И Диана притаилась.

Очень часто такое поведение свойственно каждому из нас. Вот дорогой супруг дарит вам огромный букет роз, готовит праздничный ужин, засыпает вас комплиментами и два часа играет с детьми без вашего участия. Как же вы его любите и цените. А на следующий день он подводит и предаёт вас, и вы орете на него, извергая из своего рта проклятья, осуждая, унижая и оскорбляя того, кого только вчера холили и лелеяли. Как же мы порой двуличны и эгоистичны, а также не способны иметь твердую и неизменную жизненную позицию.

Гоша держал Веру за руку, когда та, наконец добравшись до ниши «Не прелюбодействуй», другой рукой дотронулась до невидимого экрана. Внезапно пространство, которое на вид казалось беспрепятственным, трансформировалось в абсолютно реальную цветную сцену из жизни Веры. Она увидела себя, сидящую дома за кухонным столом и читающую женский любовный роман. На первый взгляд, в ее движениях и поведении не было ничего странного: она периодически вставала с кресла и отвлекалась на разнообразные домашние дела. Но если взглянуть в ее глаза, то можно было заметить, что Вера была настолько поглощена чтением, что

ощущала себя героиней, лежавшей на берегу теплого моря, представляла себя беззаботной и умиротворенной. Внезапно картинка исчезла, и Вера почувствовала легкий толчок, от которого она чуть не свалилась вниз. Она боялась поднять глаза на Гошу, так как вывод был очевиден: по мнению Творца, она прелюбодействовала. Но Гоша схватил ее за талию и вместе с ней спрыгнул вниз на землю.

– Почему ты не попробовал попасть в нишу? Почему ты упустил такой шанс?

– Не бойся смотреть мне в глаза, кажется, я понял, в чем тут дело. По всей видимости, ты представила себя подружкой красавца из книги и не смогла удержать мысли от фантазий вашего совместного времяпровождения. Не думай об этом, есть дела поважнее. И запомни – без тебя я и пытаться не буду попадать в ниши.

Размышления двух влюбленных о своей первой неудачной попытке были прерваны внезапным толчком в спину Гоши. Мимо пронесся обезумевший мужчина, бормочущий себе что-то под нос, периодически выкрикивавший: «Где я?», «Кто вы?», «Зачем?».

Гоша усадил Веру себе на колени и обратился к Создателю Мира:

– Господь, Ты и на Земле был Властелином наших судеб, но отчетливо и безоговорочно мы принимаем это только сейчас. Я прошу Тебя: дай нам мудрости найти ту нишу, в которую мы сможем попасть. Позволь нам не бегать и не искать «вслепую». Дай нам возможность увидеть те наши поступки, которые в жизни были угодны Тебе.

Какое-то время ничего не происходило, и когда супруги собирались встать, то они снова наткнулись на невидимую преграду. Вера осторожно провела по ней руками и, ощупав, поняла, что они находились под невидимым куполом, который позволял им находиться в безопасности.

Вера и Гоша сели друг напротив друга, скрестив ноги и взявшись за руки, и стали ждать. Через какое-то время они почувствовали легкое дуновение ветра, словно сидели на сквозняке. Оглянувшись, супруги ничего не заметили, как внезапно между

ними стал появляться небольшой сундучок. Он был размером сантиметров десять на десять и был выполнен из чистого хрусталя. Они бережно открыли крышку и увидели в нем бесцветные прозрачные пластины одинакового размера, сложенные в две стопки. Около одной было написано: «Жена», а около другой – «Муж». Переглянувшись, каждый потянулся за своей стопкой, однако они опять наткнулись на невидимую преграду. Снова переглянувшись, Гоша протянул руку к стопке «Жена», а Вера – к стопке «Муж». Супруги беспрепятственно взяли пластины в руки и стали их рассматривать. В них не было ничего особенного, они были все одинакового размера и не содержали никаких надписей. Казалось, что они сделаны из небыющего стекла, однако на самом деле были очень легкими и тонкими.

Не зная, что делать дальше, Гоша и Вера снова взялись за руки и стали ждать. Голос, который разговаривал с ними и раньше, произнес: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. Исповедуйтесь друг перед другом». Вера и Гоша слышали этот голос одновременно в своем сознании и не находили ничего, что могли бы сказать друг другу.

– Господь, подскажи нам, так как мы не можем вспомнить ничего такого, что мы утаили бы друг перед другом, – снова обратился к Творцу Гоша.

«Аминь, – прозвучало у обоих в голове. – Возьмите по одной пластине в руки».

Гоша и Вера одновременно прикоснулись к пластинам и верхние из них поднесли к лицу. Как и экраны возле ниш, пластины «ожили». Они превратились в мониторы, которые показывали их жизнь на Земле.

Гоша с интересом наблюдал за тем, как Вера вышла из спальни и направилась к нему в кабинет. Потом она залезла к нему в портфель и стала там рыться. Найдя записную книжку с телефонами и адресами, она что-то выписала на листочек, «замела следы» и вернулась в спальню. По всей видимости, сам Гоша спал в это время, потому что определить, что это была за ночь, он не смог.

В то время, когда Гоша наблюдал за тем, как жена копается в его вещах, Вера наблюдала за не менее неприятной сценой. Она видела мужа, сидящего в компании своих друзей в баре. По коли-

честву присутствующих и разговорам она поняла, что коллеги отмечали удачно заключенную сделку с партнерами по бизнесу. Ничего странного Вера не заметила: Гоша беседовал с друзьями, шутил. Потом к столику подошла молоденькая официантка, чтобы забрать грязную посуду. Когда она наклонилась, то взгляды всех мужчин устремились на ее декольте. Однако, как показалось Вере, на Гошу эта сцена не произвела никакого впечатления.

– Уф, какие формы, – мечтательно произнес Алексей.

Игорь подхватил тему:

– Ну, у моей тоже отличные формы. Да, друг, – он с печальным видом похлопал Гошу по плечу и продолжил: – вот с чем тебе не повезло, так не повезло.

Вера была уверена, что Гоша вступится за нее, но он ответил:

– Зато как моя готовит – пальчики оближешь. Сами ее сладости уплетаете за обе щеки.

Вера не стала слушать дальнейший разговор и бросила пластину на землю. Ее переполняло чувство обиды. Обиды за то, что Гоша не заступился за нее. Он ведь всегда любил ее фигуру, и она это чувствовала и поэтому не могла понять, почему Гоша ответил именно так, а не иначе.

Она подняла глаза на мужа, желая обличить его в несправедливости и неуважении к ней. Она хотела объяснить ему, что чувствует себя униженной оттого, что он обсуждал ее тело со своими коллегами, с которыми ей не раз приходилось общаться. Вместо сосредоточенного выражения лица, которое готово было ее выслушать, она увидела недоуменный и строгий взгляд мужа. Гоша, в свою очередь, не задумываясь о том, что Вера видела тоже что-то не очень приятное из его жизни, решил прямо спросить жену, почему она без спросу рылась в его портфеле и как часто она устраивала подобные ревизии.

– И часто ты унижал меня? – спросила Вера, жалея саму себя.

– Ответь-ка лучше, зачем ты рылась в моем портфеле?

– Гоша, не увиливай от ответа. Отвечай прямо, когда тебя спрашивают. Тебе не нравится моя фигура?

– Мне нравится твоя фигура. Довольна? Тема исчерпана. Скажи теперь, почему ты, без моего ведома, лазила в мой портфель?

– Нет, ты издеваешься, да? И что еще ты обсуждал со своими друзьями? Может, чем мы занимаемся в постели? Ты, может, всем напоказ выставлял наши отношения? Ты – половой гигант! Да? А я – кто? Да, я никто! Я готовлю хорошо. Правда ведь?

– Ты что за бред несешь? Ты вообще слышишь меня? Ты что взъелась? Или не хочешь отвечать? Ну, так тогда и скажи, что тебе стыдно.

– Это мне стыдно? Да это тебе должно быть стыдно! – Вера не выдержала, вскочила и хотела убежать, но невидимый купол не позволил ей этого сделать. Она снова села напротив мужа и заплакала.

– Вера, твои слезы сейчас неуместны. Или ты отвечаешь на вопрос или... – Гоша задумался.

– Или что? – всхлипывая, спросила Вера.

– Ладно. Давай по порядку. Что ты видела? Рассказывай.

Вера, поначалу на эмоциях и на повышенных тонах, стала рассказывать Гоше о той сцене, за которой она наблюдала. Гоша в ответ собирался сказать ей о том, что это случайно сорвалось с его уст и не имеет никакого значения для него, но голос проговорил в его разуме: «Исповедуйтесь друг перед другом». Целиком и полностью доверившись этому голосу, который периодически взывал к нему, Гоша резко выдохнул и произнес:

– Я не хотел выглядеть дураком перед друзьями. Я – мужчина и вдруг защищаю свою женщину. Мне было стыдно сказать им, что люблю тебя такой, какая ты есть. Они бы подумали, что я распускаю нюни. Разве с тобой такого ни разу не было?

Вера, приготовившаяся обвинять Гошу несмотря на то, что он скажет, внезапно почувствовала, что ее гнев постепенно утихает от такого прямого и честного ответа Гоши. Она сразу же вспомнила один случай в бассейне, который хоть и не относился к Гоше, но явным образом свидетельствовал о том, что она сама не раз попадалась на этот крючок.

– А ты знаешь, я ведь и сама не лучше. Помнишь, как-то пару лет назад мы с девчонками активно в бассейн ходили? В раздевалке Ира посмотрела на свои бедра и сказала, что антицеллюлитный крем, которым она пользуется, не дает того эффекта, которого она ожидала. Оксана посоветовала ей свой, а когда они спросили

меня, каким кремом пользуюсь я, то я сказала, что никогда не обращала на это внимания, так как это забота моей массажистки. Гош, а у меня ни массажистки не было, ни антицеллюлитного крема. Я ведь, как и ты, не хотела выглядеть глупо перед девчонками, ну и соврала им. Вот дурочка, тянулась за ними, подражать хотела во всем.

Попастся на крючок лжи очень легко, всего лишь с помощью одной «безобидной» фразы. Но ведь каждому известно, что с крючка рыбка попадает в ведро и уже не возвращается туда, где она обитала до этого. За фразой последует очередное лживое объяснение, а за ним – вымышленная история, и вот мы уже опутаны сетями неправды с головы до ног.

Вера положила голову на колени мужа и продолжила:

– Знаешь, я заметила, что когда тебе звонил какой-то Олег или ты ему звонил, то у вас все время были деловые встречи. Мало того, ты встречался с ним приблизительно в одно и то же время и практически в одни и те же дни недели. Тебе бы это не показалось странным?

Гоша промолчал в ответ.

– Я решила сверить номер сотового телефона этого таинственного Олега с твоими записями и проверить, какой у него голос: мужской или женский. Самое интересное, что, когда я позвонила по этому номеру в первый раз, трубку взяла женщина. Я сказала, что наткнулась на ее телефонный номер в своей записной книжке и не могу вспомнить, кто она такая. Она спросила меня, по какому номеру я звоню. Когда же я ей его продиктовала, она ответила, что это не сотовый номер, а квартира, и я ошиблась. Странно, да?

– Ну, продолжай, следовательно. Продолжай, – Гоша снова оставил вопрос Веры без ответа.

– Когда я в следующие разы звонила по этому номеру, трубку брал мужчина. Вот, собственно, и вся история. Какие будут слова оправдания?

– Ох, родная моя. Согласись, что сейчас врать уже нет смысла.

– Согласна.

– Так вот, это действительно Олег. Я тоже понимаю тебя, чужая душа – потемки. Я тоже иногда проверял тебя. Думаю, ты еще увидишь эти сюжеты на пластинках. Готова смотреть дальше?

– А стоит ли смотреть? Может, просто попросить прощение сразу за все? Давай лучше посмотрим, у кого из нас больше пластин?

– Ну, давай, если тебе так хочется.

Вера и Гоша принялись пересчитывать пластины. Они отсчитывали по десять штук и откладывали их на землю в сторону. Через некоторое время они заподозрили что-то странное.

– Знаешь, Вера, визуально этих пластин было не более пятидесяти в каждой стопке, а я уже насчитал почти сто десятков. А у тебя сколько?

– Ну, вот. Сбилась со счета. У меня такое ощущение, что их бесконечное множество.

– Неужели за нашу жизнь мы столько совершили ошибок, что их невозможно сосчитать? Фантастика!

– Не фантастика, а реальность. Ладно. Гош, давай-ка возьмем самые нижние пластины и посмотрим, что мы на них делаем. На этом и закончим исповедоваться, а то что-то мои нервы уже на пределе. Тяжкая это работа.

– Согласен. Достаем последнюю на счет три. Раз, два, три..., – сосчитал Гоша.

Несколько секунд оба сидели в безмолвии, полностью сосредоточившись на сюжетах их жизни. Внезапно Вера вскочила и с криками начала барабанить по невидимой преграде. Гоша попытался выяснить, что случилось, но Вера отпихивала его и вырывалась. Она стала кричать: «Бог! Выпусти меня немедленно. Я не хочу тут сидеть. Ты слышишь меня?» Гоша слегка испугался и попытался снова приблизиться к жене. Рыдая, она толкнула его ногой, а потом набросилась и стала царапать руками:

– Отойди от меня! Бог, выпусти меня! Это мое право! Я так хочу! Слышишь?

Вера снова бросилась к невидимой преграде, но внезапно рухнула на землю, так как преграды не оказалось. Вскочив на ноги, Вера понеслась вперед, сметая всех на своем пути. Гоша, опешив и буквально пребывая в шоке, несколько секунд наблюдал за тем, как Вера удаляется от него. Он окликнул жену, пытаясь понять, что произошло. Однако времени для размышлений не было, нужно было вернуть Веру и всё разузнать. Гоша бросился вдогонку, но из-за промедления потерял ее из вида.

Тогда он опустился на колени и взмолился:

– Господь, скажи мне, что произошло? Что такого обидного она увидела? Как мне найти ее? Помоги мне, умоляю Тебя!

Ответа не последовало. На этот раз, как Гоша ни прислушивался, услышать голос ему не удалось, в его голове была тишина. Страх за Веру окутывал его с головы до ног, заставляя снова и снова взывать к Господу. Он просил, даже требовал, затем извинялся и снова просил, но всё безрезультатно.

– Хорошо. Я повинуюсь Тебе, Господь. Только выполни мою небольшую просьбу. Пусть с этого момента у меня начнет расти борода по земному времени. Мне тяжело не ощущать его. Я готов искать свою жену сто, двести, тысячу лет, вечность!

– Аминь! – произнес тихий голос, и снова наступила тишина. Поняв, что ответа о местонахождении Веры не последует, Гоша лег на землю от эмоциональной усталости и истощения.

Гнилус с презрением наблюдал за Дианой, не понимающей всего происходящего с ней. Его лицо не выражало особой радости по поводу положительного результата и выполненного задания, так как ему приходилось это делать не в первый и даже не в тысячный раз. Гнилуса утомлял и раздражал тот факт, что люди не давали ему возможности насладиться каким-то приключением, связанным с сопротивлением или бунтом против перемен, которые происходили с ними. Практически каждый, попадающий под прицел Гнилуса, сдавался очень быстро, не желая противостоять душевным трудностям и предпочитая освободиться от мучившего чувства путями, которые были самыми легкими, простыми и, главное, быстрыми. То же самое произошло и с Дианой.

Однажды, когда Диана спала, Гнилус посетил ее. Он любил работать не спеша, поэтому сначала просто сел в кресло и вместе с ней стал просматривать сны, словно кинофильм. Через пару часов сон, который снился Диане, стал надоедать Гнилусу. Девушка находилась на берегу небольшого озера. Было трудно оторвать взгляд от его кристальной чистоты, позволяющей наблюдать за удивительным и завораживающим подводным миром. Она сде-

лала несколько шагов вперед, и теплые воды омыли ее ноги. Вдруг на другом берегу Диана увидела всех тех, кого она любила. Когда она обернулась назад, то внезапно почувствовала страх от происходящего: к ней стремительно приближалась стая кричащих черных птиц в виде гигантских рук, стремящихся схватить ее. Это живое облако буквально разрезало воздух, желая побыстрее добраться до девушки и разодрать ее острыми клювами. Снова устремив свой взгляд вперед к противоположному берегу, она почувствовала спокойствие и умиротворенность. Диана уже была готова окунуться в эти теплые голубые воды с головой и плыть вперед, как вдруг она проснулась. Гнилусу не понравился этот сон и поэтому он резко пнул Диану в бок ногой. Именно в этот момент Диана ощутила, что в ее душевное состояние, в ее внутренний мир произошло какое-то чужеродное вторжение. Вся ее жизнь была наполнена только положительными эмоциями, а обстоятельства складывались как нельзя лучше, но внутренний голос тихо-тихо прошептал: «Ты открыла дверь злу». Диана лежала в полной темноте и вспоминала последние события из своей жизни. Она не сделала никому ничего плохого. Не найдя ответа на свое тревожное состояние, девушка решила, что всего лишь испугалась кошмарного сна.

«Какая глупая, — ухмыляясь, произнес Гнилус, накручивая прядь Дианиных волос себе на палец. — Ты солгала Кириллу о своем прошлом. Думаешь, твои благородные мысли оправдывают твой поступок? Знаешь, дорога куда вымощена благими намерениями? Думаю, знаешь. Я так благодарен тебе, что ты позволила мне познакомиться с тобой поближе», — поцеловав Диану в лоб слюнявыми дряблыми губами, Гнилус удалился.

Каждую ночь он посещал ее. Сначала один, потом стал приводить других духов, которые служили Хозяину и находились в подчинении у Гнилуса. Они оставались с Дианой, охраняли ее и наставляли. Гнилус навещал Диану до тех пор, пока она окончательно не привыкла к своему новому окружению и стала выполнять его команды беспрекословно.

Такие сцены для многих могут показаться фантастическими зарисовками. Но давайте вспомним нашу земную жизнь: все ли события так уж логичны и всегда поддаются объяснениям

физических законов? Может быть, и с вами случалась такая ситуация, когда вы ведете машину, как обычно, стараясь не нарушать особо правила дорожного движения и быть достаточно вежливым водителем. И вот на светофоре рядом с вами оказывается другая, ничем не примечательная машина. Вы смотрите на водителя соседнего авто, и вдруг в вас просыпается Шумахер и изголодавшееся чувство соперничества. Вас словно что-то заставляет втопить педаль газа в пол, появляется дикое желание — пересечь линию следующего перекрестка первым. Впереди отрезок без светофоров и пешеходных переходов, и «засады» там никогда не было — вы это знаете, так как ездите по этой дороге по несколько раз на день. И именно в этот день, в эту секунду, когда вы поддаетесь сиюминутным чувствам, возникшим из ниоткуда, перед вашим взором, откуда ни возьмись, предстает полосатая палочка, направленная в сторону вашей машины. А может, вы просто едете по обычным делам, в сотый раз по одному и тому же маршруту, но вдруг вас что-то заставляет проверить какую-то манипуляцию: резко выехать из ряда, поехать по другой дороге, совершить необдуманный обгон. И именно в эти моменты нелогичного импульсивно принятого решения вы вдруг слышите звук удара по своему любимому автомобилю. Что это за ситуации такие, что за череда нелепых совпадений? А когда вы едете в аэропорт, тщательно собрав до этого сумки в дорогу, и ваши мысли уже практически полностью погружены в предстоящий отдых, вдруг другая, ясная и четкая, появляется в вашей голове: «Паспорт не забыл?» Откуда в голове появляются такие мысли? Кому, в результате, сказать «Спасибо» за напоминание о документах и не сорвавшемся отдыхе?

Ирина Леонидовна, директор школы, в которой преподавала Диана и в которой учился Ванюша, была еще молода и полна сил. В последнее время она все чаще стала впадать в депрессию, потому что ее жизнь вскоре должна была коренным образом измениться. Ее единственная дочь Ольга собиралась выйти замуж и покинуть родной дом, где она провела все свое детство и юность.

Ирина Леонидовна очень любила свою дочку, но чувствовала, что, отпустив ее в «свободное плавание» по волнам семейной жизни с Андреем, не сможет оставаться одна, и ее сердце будет требовать нового объекта любви и заботы. Это совсем не означало, что она меньше станет любить Ольгу, скорее, говорило о том, что она способна подарить свою нежность и ласку еще кому-то, нуждающемуся в этом.

Заводить второго ребенка Ирина Леонидовна не хотела по той причине, что уже очень долгое время у нее было желание усыновить мальчика из приюта.

– Паша, есть разговор. Пойдем на кухню, чайку попьем, – обратилась Ирина Леонидовна к мужу.

– Так срочно? Что-то с Ольгой?

– Нет. Всё нормально. Ну, пойдем. Пойдем, не ленись. Поднимайся.

– Ну, ладно. Через двадцать минут буду на кухне, прибегу намного раньше, если запахнет блинчиками, – Паша с улыбкой посмотрел на жену.

– После ужина еще и блинчики? А влезет?

– Влезет, влезет. В крайнем случае, втолкнем.

Ирина Леонидовна кивнула головой и направилась на кухню...

– Паша, – начала Ирина Леонидовна, когда муж пришел на кухню, и замолчала.

– Почему ты так волнуешься? Последний раз я тебя видел в таком состоянии, когда Ольга сказала, что собирается замуж.

– Да, действительно. Понимаешь, она уйдет от нас, и что мы будем делать? Как жить дальше? Я ведь не представляю себе жизни, в которой не надо больше заботиться о детях. Я просто потеряю смысл жизни, если только..., – Ирина Леонидовна снова замолчала.

– Так, так, Ириша. Ну выкладывай, что ты там придумала.

Но Ирина Леонидовна продолжала молчать, боясь, что муж откажет ей. Павел подошел к жене, взял за руку и потянул к себе.

– Неужто ты хочешь, чтобы мы завели еще одного ребенка? Ну, придумала.

Внезапно Ирина Леонидовна заплакала, и Павел понял, что попал в самую точку.

– Ну перестань, Ира. Ну, ты как маленькая девочка. Мы дочь замуж отдаем, а ты о малыше мечтаешь. Сколько труда мы приложили, чтобы Оленьку поднять, сколько стрессов, переживаний, и чтобы опять, заново все это проходить? Ну, ты сама подумай.

– Я подумала, – всхлипывая, тихо проговорила Ирина Леонидовна.

– Послушай, годик, другой, и у нас уже внуки появятся. Вот хлопот-то начнется, не будешь успевать отдыхать.

– Паша, что ты говоришь, ты же прекрасно знаешь, что они собираются в Москву жить перебраться.

– Ну знаю, но это ведь еще только в планах, да еще и в очень далеких.

– Паша, – Ирина Леонидовна снова посадила мужа за стол и присела сама. – Прошу тебя, выслушай меня, не перебивая. Хорошо?

– Хорошо.

– Не думай, что эта идея пришла мне в голову спонтанно. Я не говорила тебе об этом, но давно хотела иметь приемного ребенка.

– Что?

– Я просила, не перебивай.

– Молчу.

– Именно приемного. У меня сердце разрывается, когда я смотрю на бездомных брошенных детишек. Я чувствую, что должна помочь хотя бы одному малышу обрести семью. Я бы хотела мальчика.

– Ириша, это какой-то бред. Выкинь эти идеи из головы. Хватит.

– Нет, дослушай меня до конца. Я знала, что ты не согласишься, но хочу попросить тебя о маленьком одолжении. Когда Ольга выйдет замуж, позволь мне брать из детского дома на выходные дни мальчика. Это не накладывает на нас никаких обязательств.

– Ирина, ты думаешь, это пойдет мальчику на пользу? Ты думаешь, он не будет надеяться на то, что когда-нибудь мы оставим его у нас навсегда?

– Паша. Позволь мне это сделать, иначе я даже не знаю, ради чего мне жить дальше. Может, я и сама пойму, что это не для меня и прислушаюсь к твоему мнению.

– Ирина, так быстро дела не делаются. Давай вернемся к этому разговору после свадьбы Оленьки. И так проблем сейчас хватает, а ты еще хочешь усложнить всё. Хорошо?

– Хорошо. Подождем. Закрыли тему.

– Ты не обижайся, Ира.

– А я и не обижаюсь. Время все расставит на свои места.

Мумирон сидел во рву и обдумывал приказ Господина. Подогнув под себя колени таким образом, что они практически касались его ушей, Мумирон открыл свою излюбленную книгу Человеческих Болезней и, ведя указательным пальцем по содержанию, остановился на разделе «Смертельно опасные».

«Раз Кирилл должен погрязнуть в самосожалении и забыть про сына, то другого выхода я не вижу. Итак, посмотрим, – Мумирон, смачивая палец во рту и перелистывая страницы, сосредоточился: – Болезнь Крейцфельда-Якоба. Ботулизм. Геморрагическая лихорадка. Корь. Легионеллез. Отравление грибами. Рак. Сибирская язва. Системная красная волчанка. СПИД. Cholera».

– Смотри, какое смешное название, – Мумирон услышал за своей спиной знакомый голос Гнилуса.

– Тебе чего? Заняться, что ли, нечем? Тоже мне, советчик нашелся. Лучше не лезь не в свое дело, а то как влеплю подзатыльник, будешь лететь очень далеко.

– Это ты кому сейчас говоришь, а? Да, ты! Да, ты! Как ты смеешь со мной разговаривать в таком тоне? Сейчас возьму и заплюю тебя так, что отмываться вечно будешь от вони. Понял?

– Ну, ладно, Гнилус. Временное перемирие. Так что ты тут смешного нашел?

– Легионеллез. По-моему, очень даже не плохо, а, главное, не забито. А то все рак да СПИД. Как будто других болезней нет.

– Ну сколько раз тебе повторять? Не лезь, если не знаешь. Болезнь неплохая, но для одного человека не годится. Что мне, из-за одного Кирилла целую эпидемию разводить? Не забывай, что мы можем убивать не всех людей. Легионеллез же, чтоб ты впредь знал, вызывается бактерией, которую я незаметно помещаю в воду,

циркулирующую в закрытых системах, например в системах кондиционирования воздуха. А потом всё дело за бактерией: она уже без моего вмешательства вызывает тяжелое поражение легких. Кроме того, эта болезнь наиболее опасна для пожилых и тех, чей организм ослаблен и с трудом противостоит инфекции. А Кирилл к этой категории не подходит.

– И что ты придумал? Неужели опять рак?

– Какой догадливый. Именно рак. Это единственная болезнь, которая вообще не вызывает никаких подозрений. Даже когда у людей возникает опухоль внезапно, мало кому интересна причина случившегося. У людей начинается паника, слезы. Они только и думают, как выжить. Мы ежегодно по земному времени пополняем ряды Хозяина шестью миллионами не покаявшихся грешников, умерших именно от рака. По-моему – просто и без всяких подозрений на наше участие. А самое главное – какие высокие показатели!

– Уж это да. У меня чуть живот не лопається от хохота, когда я наблюдаю, как они от рака спасаются на сеансах магов и чародеев. Пьют яд, а в качестве противоядия тот же яд хлеблют. Вот глупые.

– Ну, хватит философствовать. Раз пришел, то сходи-ка в хранилище и принеси Родословную Кирилла. Нужно определить, в какой орган поместить опухоль.

Гнилус молча вскочил на свои скрюченные ножки и побежал за книгой. Он с таким мастерством и ловкостью выполнял свою работу, что у него всегда хватало времени, чтобы помочь и другим, тем самым выслуживаясь перед Хозяином с особым рвением.

Приближался день рождения Марины. Подарок, придуманный Дианой, превзошел все самые подлые ожидания. Ответ пришел из ниоткуда, хотя, на самом деле, Гнилусу пришлось немало поработать над реализацией этого плана. «Виктор. Вот подарок, который заслуживает моя мамочка», – размышляла Диана, с нетерпением ожидая дня, когда она сможет поиграть человеческими судьбами.

Несмотря на подлость, которую она собиралась совершить, Диана очень любила Кирилла и Ванюшу. Даже Марину она любила, просто наступили времена трудностей, когда требовалось,

стиснув зубы, стоять на своем и отважно защищать разум и мысли от нападков и атак духовного невидимого мира. Но Диана, ослабев и упав, собиралась отомстить матери и планировала уехать из города навсегда вместе с любимыми и дорогими ей людьми. Часть ее разума была словно ослеплена, так как Диана, будто поглупев, не задумывалась о противоречивости своих поступков и о неминуемых последствиях: как все это она объяснит Кириллу, на что она планировала жить и обустроиваться в незнакомом городе, почему Кирилл и Ванюша должны согласиться переезжать в другое место и т.д. Казалось, что мысли возникали не в ее собственной голове, а кто-то передавал их Диане, требуя полного повиновения. Поэтому она была так уверена в правильности своих действий и доверяла своей интуиции. План был достаточно прост.

Может, кому-то покажется очень странным тот факт, что милая, добросердечная и умеющая прощать на уровне сердца девушка способна думать о мести, уступая место пробужденному и растущему чувству обиды и несправедливости. На самом деле, именно так и случается порой с каждым из нас. Люцифер, называемый в духовном мире «богом» века сего, способен ослеплять наши умы. Ослеплять – значит не видеть того, что находится перед нашим взором, следовательно, ослепленный ум на какое-то время атрофируется и напрочь забывает о том, что есть добро и зло. Дьявол способен вкладывать в наши сердца определенные желания. Думаю, каждому из нас знакомы фразы, обращенные к самим себе: «Как я вообще мог такое сделать?», «В меня словно бес вселился!», «Я представления не имею, как такое могло произойти!»

В последнее время Кирилл стал себя плохо чувствовать. Он практически никогда не обращался к врачам. Почему-то был уверен, что с ним не может ничего случиться. Но, заподозрив что-то серьезное, Кирилл все-таки прошел обследование в клинике. Ваня тоже стал замечать, что с папой происходят странные вещи. Особенно сильно в глаза бросалось его резкое похудение. Если раньше Кирилл одной рукой мог поднять сына, посадив его на ладонь, то теперь он едва мог катать его на плечах длительное время.

– Пап, ты что, плохо спишь? Мне всё время кажется, что ты ночью стал вставать и ходить по комнате. Это на тебя так любовь действует? Тебе разонравились наши игры? А наши любимые битвы подушками? Почему ты стал от них уставать? Твои силы словно кто-то забрал. Это всё из-за Дианы, и ты стал меня меньше любить? – Ваня вспоминал обо всех сделанных в последнее время выводах о поведении отца и без остановки спрашивал его обо всем, что казалось непривычным и необычным.

– Как тебя могли посетить такие мысли? Ты – самое дорогое, что у меня есть в жизни. Что бы ни происходило, я никогда не стану любить тебя меньше. Скажу тебе по секрету, я, наоборот, с каждым днем всё больше и больше люблю тебя и горжусь тем, что у меня есть такой сын, как ты, – Кирилл старался улыбаться, показывая сыну, что вся его любовь постоянно будет изливаться на детское сердце Вани. – Я всё тот же, только действительно голова иногда кругом идет от любви к Диане, да и работы много. Бросаю тебе вызов на бой подушками. Встречаемся завтра вечером в твоей кровати ровно в восемь. Согласен?

– Ура!!! – Ваня кинулся на шею отцу, поверив, что все ему только кажется. Он был еще слишком мал, чтобы почувствовать, что голос отца слегка дрожал.

Голова Кирилла звенела, шум нарастал. «Рак желудка!!! Рак желудка!!! Рак желудка!!!» – только эти слова о своем диагнозе доносились до сознания Кирилла.

Он не собирался рассказывать о случившемся никому и твердо решил держать это страшное известие в тайне ото всех. Единственной целью для него теперь стала выстроившаяся в голове цепочка последовательных действий. Он любил Диану и хотел снова создать семью, только Ваня очень этому противился. Мальчик не хотел, чтобы место его мамы заняла другая. Ваня часто сердился на отца и даже обижался, давая понять, что не хочет их видеть вместе. Кирилл знал, что Диана относится к Ване, как к родному ребенку. Она всячески пыталась расположить мальчика к себе, уделяя с терпением ему массу времени. Она не обижалась, когда Ваня открыто высказывался о том, что он не нуждается в ее внимании и что он совсем не хочет, чтобы в его жизни появился новый человек.

Первое, что намеревался предпринять Кирилл, – это сделать все возможное, чтобы Ваня привязался к Диане и полюбил ее. Если внимательнее присмотреться, несомненно можно заметить, что мальчику не хватает материнской ласки и тепла, и, как бы он ни пытался отвергать Диану, он где-то в глубине его маленькой и еще не во всем разбирающейся души уже бессознательно тянулся к ней. Теперь Кирилл думал только о том, чтобы у Вани была настоящая мама, в случае если папы не станет.

Кирилл всячески пытался отгонять от себя мысли о смерти; как и любой человек, он боялся умереть. А когда ты знаешь, что умрешь скоро, то страх становится еще сильнее и навязчивее, так как ты уже не тешишь себя иллюзиями, что покинешь этот мир в старости, в здравом уме, да еще и внуков успеешь помянуть. Перед Кириллом предстала реальность – жизнь должна была оборваться тогда, когда этого меньше всего хотелось. Это был самый неподходящий момент, чтобы покинуть мир: подрастающий сын и обретенная любовь. Каким же это казалось жестоким и несправедливым.

Шансы выжить у Кирилла были, но, как сказал доктор, либо должно произойти чудо, либо надо очень этого захотеть и, не поддаваясь эмоциям, с верой бороться до последнего. Кирилл решил бороться, так как бороться было за что: за своего сына и за свое счастье, которое, наконец, снова улыбнулось ему. Все эти мысли о приближающейся смерти круговоротом носились в его голове, словно заезженная пластинка.

Вместо того чтобы утром как обычно отправиться на работу, Кирилл бесцельно ездил по улицам города. Наблюдая за плотным потоком машин, ничего не выражающими, сонными лицами водителей, он ощущал себя одиночкой. В порыве эмоций ему захотелось разрушить это унылую, еле движущуюся вереницу автомобилей, чтобы заставить окружающих проснуться. Вялость и апатия, царившие на дороге, стали настолько раздражать Кирилла, что он резко повернул руль влево, наглым образом прорываясь в соседний ряд. Он рванул из этой унылой и однообразной серости на окраину города: так хотелось остаться одному, чтобы снять маску жизнерадостности и выплеснуть накопившиеся эмоции, запертые под замком.

Остановив автомобиль в безлюдном месте, Кирилл открыл дверцу и буквально сполз на землю. Убедившись, что теперь его никто не увидит и не услышит, он дрожащими пальцами впился в рыхлую землю, стиснул зубы и зарычал, словно раненый дикий зверь. Кирилл сгребал землю руками и, стоя на коленях, судорожно месил ее, словно податливую глину. В порыве озлобленности он что есть силы швырнул вдаль попавшийся в руку камень и, освободившись таким образом от негативных эмоций, лег спиной на сырую землю. Облака больше не образовывали необычных рисунков, а лишь напоминали о том, что жизнь подобна какой-то дымке, иллюзии и кем-то умело поставленному фокусу: вот ты есть, а вот тебя уже нет. Спустя несколько минут Кирилл встал, глубоко вздохнул и направился туда, где ему теперь не было покоя. Жизнь стала угасать, краски тускнели.

Ирина Леонидовна руководила школьным детским кукольным театром. Старшеклассники сами шили куклы, делали декорации, ставили спектакли. Основными зрителями таких представлений была начальная школа. По большим праздникам, таким как Новый Год, 8 марта, День Победы, кукольный театр во главе с Ириной Леонидовной выезжал в детский дом, чтобы порадовать детишек-сирот своими представлениями, а также пообщаться, даря тепло своих объятий и ободряющие улыбки.

Перед очередной поездкой в детский дом все очень волновалось. Ребятам хотелось, чтобы представление там прошло «на ура» и детишки остались довольны. Но больше всех волновалась Ирина Леонидовна. На этот раз она хотела поближе познакомиться с сиротами. Чем ближе они подъезжали к детскому дому, тем ее сердце билось чаще. Она мысленно обращалась к Богу, чтобы Тот дал ей какой-то знак о мальчике, который смог бы стать ее приемным сыном.

Дети расселись в музыкальной комнате. Лица одних выражали неопишуемый восторг, других – восхищение, третьи не могли сидеть спокойно и постоянно вскакивали со стульчиков и хлопали в ладоши от радости. Ирина Леонидовна внимательно наблюдала за

происходящим. Она останавливала взгляд на каждом ребенке и вглядывалась в их лица. Ее волновала не внешняя привлекательность детишек, а их глаза, говорившие о многом. Даже смеясь и радуясь такому празднику, дети продолжали чувствовать себя одинокими. Глаза – зеркало души, и практически во всех глазах Ирина Леонидовна читала одиночество и тоску.

Внезапно ее взгляд остановился на мальчике лет четырех. В отличие от других, он молча, без эмоций, смотрел на сцену, полностью погрузившись в свои мысли. Когда она обратила внимание на этого малыша, то сердце буквально сжалось внутри от боли. «Это он», – сказала про себя Ирина Леонидовна. Илюша, словно услышав ее, повернулся и посмотрел на незнакомую женщину. «Мама, папа, не важно, где вы сейчас, но я хочу к вам», – произнес про себя Илюша и отвернулся.

Вера чувствовала себя абсолютно одинокой в этом жутком и отвратительном месте, несмотря на то что люди кишели вокруг нее, как змеи. Они не просто задевали ее своими руками, локтями и ногами, а часто сбивали с ног с такой силой, что Вера падала на землю. Оказавшись без Гоши, Вера запаниковала. Она поняла, что поступила необдуманно, но, когда потеряла Гошу из виду, было уже поздно. Поначалу Вера двигалась, не торопясь, в том направлении, откуда она бежала; она внимательно всматривалась в лица людей в надежде узнать кого-то из знакомых. По прошествии какого-то времени Вера поняла, что Гошу она уже вряд ли сможет найти в такой толпе. Она впала в глубокое отчаянье.

Вера поддалась порыву эмоций, обида и чувство глубокого предательства поглотили ее целиком, именно поэтому она так необдуманно бросилась убежать от мужа. Когда Вера успокоилась, то поняла, что ей стало еще хуже оттого, что, возможно, еще очень и очень долго ей придется ощущать это полнейшее одиночество. Она тосковала по мужу, который был где-то рядом, но в то же время недосыпала, и она тосковала по сыну, о судьбе которого ничего не знала.

Вера глубоко вздохнула и закричала:

– Гоша, Гоша, Гоша! Услышь меня! – но шум вокруг нее был настолько громким, что ее слова растворялись в гаме, криках и воплях.

Мумирон, высунув голову сверху из дыры в Чистилище, внимательно наблюдал за тем, как себя ведут люди. Вера привлекла его внимание настолько, что он практически всем телом вылез из дыры, а своими громадными ступнями зацепился за ее края. Мумирон слышал, как Вера кричала, надеясь на чудо. От ее криков Мумирону становилось смешно, он надувал щеки и отрывисто посмеивался, настолько это зрелище ему казалось забавным.

Чтобы навеселиться от души, Мумирон решил подыграть Вере. Когда та в очередной раз прокричала имя мужа, Мумирон симитировал Гошу.

– Гоша! – кричала истошным голосом Вера.

– Вера! – отвечал Мумирон голосом Гоши.

Внезапно Вера услышала знакомый голос. Он звучал не очень громко, и, казалось, доносился откуда-то свысока. Волна надежды захлестнула ее и заставила сильно волноваться. Она слышала этот родной голос и думала о том, что все бы отдала только за то, чтобы снова увидеть мужа и почувствовать себя защищенной.

Вера лихорадочно металась из стороны в сторону, но безуспешно. Чтобы привести себя в чувства, она вспоминала о той последней пластине, которую увидела. Вера поднималась с колен и шагала дальше, поддерживаемая растормошенным чувством гнева из-за предательства Гоши.

В день рождения матери Диана отпросилась с работы, но встала пораньше. Ей нужно было пройтись по магазинам, выбрать Марине подарок от себя и от Виктора. На праздничный ужин были приглашены Кирилл с Ваней.

– Доброе утро, – произнесла Диана. Марина стояла к дочке спиной и ответила кивком. Она готовила завтрак и не могла отвлечься. Диана подлетела к Марине, выключила плиту и, взяв маму за обе руки, стала кружить. Потом она крепко прижалась к ее теплой щеке и стала целовать быстро-быстро. Что может быть приятнее

для матери, чем внимание и любовь? От радости Марина расплакалась, но, вытирая слезы, она уже улыбалась, а потом снова плакала.

– Я так тебя люблю, мамочка! Как хорошо здесь, как чудесно все вокруг! – кричала Диана, прыгая по кухне, как маленький ребенок. – Знаешь, пожалуй, это все, что мне нужно. Дом, где мне хорошо. С днем рожденья тебя, мама, – снова обняв Марину, Диана повторяла одно и то же уже в десятый раз: – Как хорошо, как прекрасно, как чудесно!

Марина ничего не отвечала, все чувства были написаны на ее лице.

– Я скоро пойду по магазинам, где список продуктов? – спросила Диана.

– Ах, да, чуть не забыла. Он на столике в прихожей. Я отпущу на пару часов, чтобы хоть немного тебе помочь. Не могу же я всё взвалить на тебя! Да я и не привыкла к такому.

– Мам, иди на работу и не беспокойся, я все сделаю сама.

– Нет, милая, ты сама ничего не успеешь, давай-ка я всё-таки отпущу, и мы вместе приготовим отличный ужин, такой, что мужчины будут в восторге от наших кулинарных способностей.

– Ну хорошо, мам, – согласилась Диана. – Но ты должна прийти ровно в четыре часа, и ни минутой раньше, иначе сюрприза, который мы для тебя приготовили, не получится.

Марина не стала спорить и с удовольствием согласилась на милую просьбу любимой дочки. Затем они позавтракали, и Марина уехала на работу.

Перед тем как отправиться по магазинам, Диана взяла трубку и набрала рабочий телефонный номер Виктора:

– Алло, Витя? Это я. Ты не мог бы освободиться сегодня пораньше?

– Что-то случилось?

– Ну нет. Что ты. Просто мама придет сегодня поздно, прямо к ужину, а я одна не успею все приготовить. Ты же знаешь, этот день рождения для нее и всех нас особенный, и я не хочу, чтобы что-нибудь вышло не так. Так ты сможешь помочь мне?

– Хорошо, я приду. Правда, не знаю, чем смогу пригодиться, ведь ты сама знаешь, что на кухне я не силен.

– Ну, приходи, ну, пожалуйста. Ты мне действительно нужен, – Диана произнесла эти слова с особенными нотками в голосе, более ласково и протяжно. Она давно уже поняла, что Марина для него – это часть его обычной жизни, привычка. И изменить своим привычкам для Виктора не составит труда. Сам он никогда об этом не подумает, но если представится случай, то он вряд ли устоит. Расчет был точен, и Виктор пообещал в три часа дня быть дома.

Довольная собой, Диана снова набрала номер телефона. На том конце провода она услышала родное и любимое «Да, я слушаю».

– Привет, это я. Ну-ка, признавайся, как ты по мне скучал.

– О, я так скучал, что не спал всю ночь, а только и думал о твоих неотразимых карих глазках, – довольно весело ответил Кирилл, стараясь говорить прежним оптимистическим голосом.

– Я хочу сделать маме сюрприз. Для этого вы с Ваней будете сидеть дома. Ужин в семь вечера, я подъеду к вам в половине седьмого, и мы вместе поедим на праздник. Договорились?

– Конечно. Будем ждать с нетерпением.

– Тогда целую, до вечера, да, и поцелуй за меня Ванюшу.

– Хорошо, целую.

«Основные приготовления были сделаны. Теперь можно сходить в магазин и ждать», – рассуждала вслух Диана.

Парадокс заключался в том, что Диана искренне любила мать и была рада тому, что происходило в ее жизни. Эти чувства всегда присутствовали в Диане, когда она находилась дома. Обстановка, родные – всё это влияло на ее внутренний настрой, изменяя настроение ее сердца. Однако, оставаясь наедине с собою, она испытывала другие чувства, более сильные, заглушавшие любовь. Где-то между ребрами, глубоко внутри, что-то начинало ныть, что-то мешало ей дышать свободно. Диана пыталась противиться этим чувствам, и у нее получалось. Только выход оказывался тупиковым – чувства заглушались, казалось, безвинными планами восстановить справедливость.

«Один источник не может изливать соленую и сладкую воду», – иногда эта фраза всплывала в памяти Дианы, но она гнала эти мысли прочь, потому что выбирала легкий и более короткий путь к своему душевному спокойствию.

Виктор пришел, как и обещал, ровно в три часа дня. Дверь открыла мило улыбающаяся Диана.

– Вот и помощник пришел, а то я ничего не успеваю, – обрадовалась Диана.

– Что я должен делать?

– Ну, прямо-таки сразу делать. Сядь, ты же только вошел. Выпьешь?

– С удовольствием.

– Знаешь, Виктор, практически все готово. Ты мне нужен, чтобы накрыть на стол и ничего не забыть.

– Кстати, ты купила Марине подарок от меня?

– Купила, но тебе придется подождать. Я тебе его не покажу, потому что это сюрприз, – Диана настолько была уверена в том, что ее план сработает, что не соизволила купить подарки ни от Виктора, ни от себя. Она приобрела в магазине лишь одну вещь: потрясающий шелковый пеньюар персикового цвета с великолепной отделкой из тончайших кружев.

Диана выглядела сексуально и соблазнительно, несмотря на то что почти целый день простояла на кухне. Усталое выражение лица придавало ей особую привлекательность.

Время шло, и пора было завершить весь этот спектакль.

– Витя, еще половина четвертого, а мы с тобой уже все приготовили. Марина придет к шести, а Кирилл я пригласила к семи. Так что у нас еще много времени.

– И чем ты предлагаешь заняться? – спросил Виктор, потому что действительно не знал, что делать. Они с Дианой, как ни странно, никогда раньше не оставались одни так долго. Когда Виктор приходил с работы, Марина обычно была уже дома.

– Так и быть. Я покажу тебе подарок, который купила от тебя, чтобы ты хоть знал, как это выглядит.

– Неси, посмотрим.

– Для большей наглядности мы поступим следующим образом, – подойдя к Виктору вплотную, ответила Диана. Она взяла его за обе руки и притянула к себе. Диана делала невинное лицо, а Виктор, увы, не чувствовал в ней свою дочь, она влекла его.

– Чего же ты хочешь?

– Сейчас узнаешь. Но сначала тебе нужно пойти в спальню и не подглядывать. Договорились?

Виктор в ответ кивнул головой и, не спрашивая ни о чем, вышел.

Диана тем временем потихоньку открыла входную дверь, чтобы Марина вошла неслышно и ничего не испортила. Затем она надела тот самый пеньюар, причесалась и надушилась. Сев на диван, она снова задумалась над тем, что собиралась сделать. Глядя со стороны, можно было бы предположить, что она слегка обезумела. Тело было ее, но внутри сидело что-то страшное, заставляющее девушку разыгрывать мерзкие и отвратительные сцены, придуманные режиссером-невидимкой. Взгляд Дианы ничего не выражал, а на лице, отдельно от всего образа, блуждала злая чужая улыбка, словно кто-то, растягивая ее губы, смеялся вместо нее. Ничего толком не осознавая, Диана встала и направилась в спальню под недоступную ее слуху победоносную песню Гнилуся.

Гоша пребывал в полном смятении. Он понимал, что если будет бесцельно ходить среди толпы, то никогда не найдет Веру. Он принял решение: добраться хотя бы до ниши первого уровня и осмотреть толпу сверху. В таком случае шансы найти Веру многократно увеличивались.

Гоша добрался до ближайшей стены, которую непрерывно штурмовали люди, и начал изучать названия ниш. Слова мелькали перед его уставшими глазами. Казалось, нет ничего подходящего. Внезапно Гоша остановил свой взгляд на нише «Не поручайся за долги».

Гоша был из тех бизнесменов, которые всегда надеялись только на себя и не доверяли в бизнесе никому, даже самому близкому сослуживцу. Когда дело касалось дружбы, то Гоша всегда был душой компании, но, как только речь заходила о деньгах и сделках, Гоша становился непоколебимым и не хотел разделять ответственность с кем-то или поручаться за кого-то.

Около ниши «Не поручайся за долги» толпилось много женщин среднего возраста.

«И как объяснить этим милым дамам, что мне тоже надо наверх?» – размышлял Гоша.

Волнение снова охватило его, и Гоша решил все хорошо обдумать, прежде чем вступить в диалог с представительницами слабого пола. Он сел на холодную и пыльную землю, обхватив колени руками. Гул, гам и крики продолжали непрерывно раздаваться в этом ужасном месте, и, казалось, сил трезво размышлять о своих дальнейших шагах уже не осталось. В этом жутком месте никогда не было тишины. Даже на секунду было невозможно оказаться в полном безмолвии и услышать звук пустоты и безмятежности.

Гоше никак не удавалось сосредоточиться на своих проблемах, так как, помимо невыносимой обстановки, он отчетливо слышал рыдание. Где-то совсем рядом плакал молодой человек.

Гоша придвинулся поближе и протянул незнакомцу руку.

– Георгий, – произнес Гоша.

Молодой человек лет двадцати пяти, стоявший на коленях, поднял голову и посмотрел на Гошу.

– Евгений, – ответил он.

– Наверное, тебя уже замучили вопросом: «А как ты сюда попал?»

– Ты – первый, с кем я заговорил здесь. Ушел в себя. Пытаюсь понять, почему я здесь. Вспоминаю свою жизнь и понимаю, насколько она была бесполезной.

– Да все мы такие, ты не переживай особо, – Гоша дружески хлопнул по плечу Женю и попытался улыбнуться.

– Я не должен быть здесь.

– А я, думаешь, должен? Всем хотелось бы после смерти попасть в более приятное место. Но клеймо на ладони стереть не удастся. Сказал бы мне кто-нибудь на земле, что со мной такое случится, ох, долго бы я смеялся. А теперь вот, не до шуток.

– Клеймо? Это ты о чем? – поинтересовался Женя.

– Как же? Перед тем как упасть в эту отвратительную яму, все грешки земные на ладони высветились. Вот смотри, – Гоша протянул свою ладонь Жене.

– У меня нет такого. Это какая-то ошибка, раз мои ладони чистые. Я должен быть записан в Книге Жизни.

Услышав о какой-то Книге Жизни, Гоша сначала усмехнулся, но потом, дернув судорожно плечами, словно стряхнув с себя налет земных, человеческих мыслей, снова вспомнил, что невозможное, оказывается, возможно.

А Книги Жизни действительно существовали. Одна была общая для всего человечества, куда Господь записывал имена раскаявшихся грешников. Другая – личная Книга Жизни, где отражались праведные и грешные поступки человека в течение всего земного существования. Эта Книга была «живой», так как, когда человек раскаивался в своих грехах, грешные поступки из нее стирались навечно и не вспоминались.

У человека есть так много возможностей, начиная с момента своего рождения, быть записанным на Земле в различных документах, упоминаться на страницах газет, журналов, в Интернете, однако все это уходит на второй план перед другой, самой важной записью – в Книге Жизни Творца Вселенной, так как сказано в пророчестве: «...кто не был записан в Книге Жизни, тот был брошен в озеро огненное».

Следует сказать, что не все люди, которые умирали, попадали в Чистилище на дно этого жуткого бесформенного особняка. В этом месте обитали две категории людей: те, кто, прожив земную жизнь, был вычеркнут из общей Книги Жизней, и те, кто в ней присутствовал, но кого Господь по каким-то Своим личным соображениям, отправлял сюда размышлять и ожидать. Женя как раз и был таким человеком.

Это вовсе не значит, что записанные в общую Книгу Жизни избегнут Последнего Суда. Они также будут пребывать в состоянии ожидания, только в другом месте; они также придут на Суд, когда придет время, только на другой, где будет определяться их положение в новом вечном мире.

– Я не должен находиться здесь. Мое место – там, – Женя снова встал на колени и поднял обе руки вверх.

– Где там?

– Рядом с Богом, – ответил Женя, и его глаза снова наполнились слезами.

– О Боге раньше надо было думать, на Земле. Теперь ничего не остается, как карабкаться по этим стенам, пробираться через эту озверевшую толпу.

Ничего не ответив, Женя стал петь. Сначала тихо. Постепенно его голос креп и, казалось, стал заглушать толпу.

Гоша терпеливо слушал, но когда понял, что молодой человек снова ушел в себя, не стал ему мешать снимать стресс таким образом. «Пусть поет, раз ему легче так», – подумал Гоша и стал дальше размышлять о том, как забраться наверх.

Денис подошел к телефону и поднял трубку. Еще раз все взвесив, он набрал номер Кирилла и приготовился к очередному действию в своем жутком спектакле.

– Я слушаю, – услышал Денис на том конце провода голос Кирилла.

– Милый, это опять я. Я тебе не надоела еще? – спросил Денис, без особого труда подделав голос Дианы.

– Перестань говорить ерунду. Ты так по мне соскучилась, что решила позвонить?

– Да, соскучилась, но звоню, чтобы попросить тебя кое о чем.

– И что же хочет моя принцесса? Чтобы мы приехали к тебе на карете?

– Нет, все намного проще. Я не успеваю, а Марина скоро должна прийти. Ты не мог бы приехать ко мне прямо сейчас? А то я все испорчу, и никакого сюрприза не получится.

– Ну хорошо, хорошо, уговорила. Я скоро буду. Приготовь для меня самый лучший фартук в доме, хотя я и не умею готовить.

– Все будет сделано, как пожелаешь.

– Тогда жди, я буду где-то к четырем. Целую.

– Да, приезжайте сразу вдвоем, чтобы не возвращаться за Ваней. Думаю, и для него работа найдется.

– Хорошо, еще раз целую. Жди.

Повесив трубку, Денис посмотрел на часы и заторопился. Через двадцать минут ему надо было быть уже на другом конце города.

Ваня долго противился своим чувствам. Он не помнил лица своей настоящей мамы, но мысль о том, что никто ее не сможет заменить, прочно застряла в его голове.

Артур упорно трудился и над этой проблемой, которую он считал не менее важной. Из дня в день он наполнял этот маленький мозг чувством любви к Диане, используя для этого разные ситуации, вплоть до развлекательных поездок или пикников. Мальчик сам не заметил, как стал относиться к Диане совсем по-другому, не так, как раньше. Это было связано с тем, что отец много работал и мало бывал с ним, а Диана постоянно находилась рядом, в школе, да и после школы они стали чаще бывать вместе.

Артур радовался проведенной работе и с чувством глубокого удовлетворения наблюдал, как его попытки, сначала и вовсе безуспешные, стали приносить плоды.

Артуру с детства хотелось стать поэтом, воспевающим красоту былого мира, но он прекрасно понимал, что сочинять стихи – это не его призвание. А тут вдруг подвернулся такой случай – сочинить стихотворение за маленького мальчика. Он нашел лист бумаги, удобно устроился за школьной партой и погрузился в раздумья. Минут через пятнадцать было готово четверостишие.

Ване тем временем надоело слоняться без дела на большой перемене. Ему вдруг захотелось нарисовать что-то особенное для Дианы. Он достал из рюкзака фломастеры и альбом. Сначала мальчик решил изобразить Диану, папу и себя вместе возле школы, но, взяв фломастер в руку, передумал. Внезапно Ваня почувствовал особую трепетность и теплоту по отношению к Диане. Он стал вспоминать наиболее интересные моменты, связанные с ней и отцом. Вот они собирают гербарий из осенних пестрых листьев, давая деревьям новые причудливые названия. А вот они играют дома в «Морской бой», попутно поедая свежеприготовленный попкорн с карамелью. Возникшие обрывки воспоминаний Ваня умело срифмовал в строчки. Получилось неплохое стихотворение.

Так очень часто и развлекались Артур с Ваней. Порой Артуру очень хотелось появиться и по-настоящему познакомиться с мальчиком, но он понимал, что это невозможно.

Вера отчаялась найти мужа. Она всегда была сдержанной и рассудительной и никак не могла понять, как смогла выйти из себя и совершить такой глупый поступок. Наконец-то она осознала, что бежать от Гоши было бессмысленно. Это уже не жизнь была и не время для выяснения отношений. Они закончились в тот момент, когда их искореженные тела извлекли из машины после аварии. Они закончились в тот момент, когда их глаза перестали видеть Землю, когда исчезли все родные и близкие люди. В этой жуткой вонючей яме отношения тоже закончились, и наступил период подведения итогов.

Вера осуждала себя за минутную слабость. Она искренне раскаивалась в том, что сбежала. Но если там, на Земле, сбежав и обидевшись, всегда можно было вернуться назад, всегда можно было позвонить и извиниться за свои поступки, то тут, потеряв лишь на секунду из виду дорогого человека, можно больше никогда не увидеть его вновь.

Чувства гнева и ненависти к мужу со временем утихли, хотя давление на грудную клетку давало знать о нанесенной Вере душевной травме.

Диана вошла в спальню, и Виктор остолбенел. Девушка не выглядела пошло и вульгарно. Она была нежна, мила и привлекательна. Диана стала неторопливо кружиться возле Виктора, поднимая руки вверх и плавно покачивая бедрами. Шелк струился по ее стройной фигуре, заставляя Виктора рассматривать Диану, ублажая свой взор. Девушка улыбнулась и с нотками наивности в голосе спросила: «Ну как? Тебе нравится? Попробуй, какая нежная ткань. Правда, красиво?» Она подошла поближе. Виктор, как замороженный, протянул слегка дрожащие от волнения руки вперед и обнял Диану за талию. Девушка, не теряя времени, обхватила его за шею и стала танцевать, напевая какую-то протяжную мелодию. Диана плавно двигалась в такт с импровизированной музыкой, а Виктор, потеряв дар речи, не-

уклюже переставлял ноги, боясь спугнуть девушку. Диана расправила плечи, и тоненькая лялочка соскользнула вниз. Сладостная волна возбуждения пробежала по всему телу Виктора, когда он глядел на белоснежное плечо Дианы. Девушка чувствовала, как участилось дыхание Виктора, и решила закончить дразнить «зверя», изголодавшегося по свежей манящей плоти. Подгадав момент, Диана упала на кровать.

– О, Виктор, стакан воды, пожалуйста. Как кружится голова.

Виктор беспрекословно побежал на кухню, а Диана посмотрела на часы. Было без десяти минут четыре. Пора действовать. Она закрыла глаза и расслабилась. Все, чего хотела Диана на самом деле, это заманить Виктора на кровать, чтобы создалось впечатление их совместного сладкого времяпровождения. Она не собиралась изменять Кириллу, потому что любила его, но она совсем не понимала, что уже даже своими мыслями о подобной ловушке для Марины изменила любимому человеку.

Вошел Виктор и тихо сел на край кровати. Диана приоткрыла глаза.

– Кирилл, как ты сюда попал? – еле слышно проговорила Диана и снова закрыла глаза.

Виктор настороженно обернулся, но никого не увидел. «Вероятно, она думает, что это не я», – подумал Виктор. Внезапно Диана привстала и притянула его к себе.

– Марина придет через два часа, а Виктор на работе. Я так хочу тебя, – она стала торопливо расстегивать Виктору рубашку, а потом вдруг ее руки бессильно упали на кровать. – Видно, я немного устала. Раздевайся быстрее.

Виктор безоговорочно подчинился ее словам, как загипнотизированный. В эти минуты он забыл обо всем на свете. Реальность ушла из-под его ног, уступив место инстинкту «самца». Он увидел вдруг в этой очаровательной и милой девушке привлекательную и сексуальную женщину, которую ему безумно хотелось. Спротивляться не было сил, да и желания тоже.

Как же легко заманить в ловушку мужчину, ослепленного красотой женской грации и сексуальности, чувством новизны и желанием разнообразия!

Марина уже выходила из офиса, когда к ней подошел молодой человек и, не давая проходу, заговорил быстро и уверенно:

– Извините меня, вас зовут Марина, не так ли?

Марина удивленно взглянула на молодого человека, но, не торопясь уходить, ответила:

– Верно.

Молодой человек улыбнулся.

– Мы знакомы? – поинтересовалась Марина.

– Я с вами – да, а вы со мной – еще нет. Меня зовут Сергей. Ну вот, теперь мы знакомы.

– Вы что-то хотели?

– Прошу вас, уделите мне несколько минут.

– Извините, но я тороплюсь. Да и о чем нам разговаривать? Я вас не знаю.

– Зато я вас уже давно знаю. Я сейчас вам все объясню.

Несмотря на то что Марина торопилась домой, она стояла как вкопанная. Перед ней стоял человек, о котором она мечтала всю свою жизнь, словно воплощение ее желаний сошло с небес, как Божий дар в день ее рождения. Он был намного моложе ее, красив, аккуретен, он заворачивал. «Кто он?» – думала Марина.

– Я увидел вас около трех месяцев назад, с тех пор я не сплю. Я боялся с вами заговорить раньше, потому что был уверен, что это бесполезно. У вас наверняка есть муж, дети. Но я не сдавался, я узнал, кто вы, с кем живете, узнал все, что было в моих силах. Как оказалось, вы не замужем, и я решил подойти к вам.

Марине так хотелось поверить в эту сказку. Что еще надо женщине, которой за сорок? Но она не верила. Пересилив желание схватить Сергея за руку и никогда больше не отпускать, безразличным тоном она сказала:

– Я что-то не понимаю вас. Чего вы хотите? Скажите прямо, а то я очень тороплюсь.

Марина попыталась обойти Сергея, но он снова преградил ей дорогу:

– Вы мне не верите? Марина, можно я вас так буду называть?

– Пожалуйста.

– Я знаю, у вас сегодня день рождения, – Сергей обернулся и подозвал стоящего недалеко мальчика с громадным букетом голубых роз. Взяв цветы, он протянул их Марине.

«Не может быть, мои любимые голубые розы, как будто он знает про меня все, даже то, о чем я думаю», – размышляла Марина, не замечая, что уже улыбается. Доказательств больше не требовалось. Как змея подчиняется звукам дудки, так и Марина целиком и полностью подчинилась голосу Сергея. Он пригласил ее в ресторан. Марина согласилась, решив лишь немного опоздать к семейному торжеству. От желания просто пообщаться с милым интеллигентным мужчиной совесть ее не мучила.

Денис был доволен тем, что Марина ничего не заподозрила. Он умело разыграл влюбленного, хотя ему самому это чувство было абсолютно незнакомо и чуждо. Игра началась, и Марина была очередной ее пешкой. Денис рассчитывал на стопроцентный успех манипуляции поведением женщины, что в результате сможет окончательно разрушить планы его брата, которого он стал не просто избегать, а тихо ненавидеть за неистовое рвение воплотить в жизнь бредовую, вымершую и изжившую себя мечту покойного деда.

Женя продолжал, стоя на коленях, петь. Это были особенные песни. Женя прославлял Иисуса Христа, Сына Божьего. Несмотря на то, что практически каждый находившийся в этой яме смахивал на сумасшедшего, Женя среди всех мечущихся людей разных возрастов, национальностей и эпох казался особенно странным. Его не волновало ничто из того, что происходило вокруг. Складывалось впечатление, что он был погружен в «свой» мир. Женя, опустив глаза и не замечая того, что его постоянно задевали, толкали, а и иногда сбивали с ног, в перерывах между пением что-то тихонько бормотал. Женя общался с Богом. Как и на Земле, он по-прежнему не видел Бога, но был уверен, что даже здесь Он его слышит.

Женя был не единственным истинно верующим в Бога человеком, оказавшимся в этом месте. Величавый отслеживал каждого

такого землянина, попадавшего в яму. Несмотря на то что Величавый находился высоко-высоко, он прекрасно слышал каждую строчку песни и каждое слово, которое говорил Женя. Величавого передергивало от слов, которые произносили эти верующие, ему было противно слушать эти мольбы и задаваемые Богу вопросы, но он внимательно слушал, чтобы выбрать подходящий момент и сломить окончательно каждого, кто был не на стороне его Хозяина. Величавому не было дела до тех, кому предстояло навечно поселиться в Царстве Люцифера, но он тщательно продумывал тактику общения с каждым, кто еще имел шанс попасть на Небеса. Безусловно, Величавый знал, что судить таких людей будут по их земным поступкам, но у него были большие возможности настраивать верующих против Бога уже здесь, чтобы во время суда такие люди, озлобившись на Бога, даже не вспомнили о таком понятии, как «смирение». Величавый разжигал в верующих огонь обиды и злости на Господа, заставлял их вспоминать всю жертвенность, с которой они служили своему Богу на Земле. Он старался внушить им мысли о том, что Бог оказался довольно несправедливым по отношению к ним. Некоторые верующие под натиском продуманных фраз Величавого ломались. Ломались их души, которые с такой надеждой стремились к Свету, а оказались во Тьме и неизвестности. Величавый внушал им, что обратной дороги нет, атакуя верующих психологически, он заставлял их мыслить в другом направлении: не смиряться и просить прощения перед Богом, а оправдываться, доказывать свою правоту, тем самым ставя свое «знание» выше мудрости Творца. Даже если этим верующим и суждено было, в конечном счете, оказаться в Раю, то их позиция сопротивления и неповиновения отдаляла их от вечного Божьего присутствия.

– Остановись, дружище, перестань петь и молиться. Послушай-ка меня.

Женя посмотрел на сидящего рядом мужчину, черты лица которого, казалось, излучали свет и безмятежность.

– Вы кто? – поинтересовался Женя у человека, внушающего полное доверие и располагающего к себе.

– Я не человек. Не бойся. Меня послал сам Господь к тебе. Поговорить. Обсудить твои проблемы.

Глаза Жени загорелись. Он так отчаянно искал Бога и взывал к Его милости в последнее время, что, не задумываясь, поверил тому, кто находился с ним рядом. Незнакомец располагал к разговору, и Женя интуитивно был готов открыться ему.

Кирилл быстро собрался и поспешил за Ваней. Когда он припарковался напротив входа в школу, то увидел сына, держащего в руках какой-то листок бумаги.

– Что это? – спросил Кирилл.

– Папа, я сочинил стихотворение. Тебе и Диане оно должно понравиться, – Ваня сунул листок в руки отца.

Будем жить теперь мы вместе:

Я, мой папа и Диана.

И у папы есть теперь невеста,

А у меня же будет мама.

Кирилл был счастлив. Он так давно мечтал о том, чтобы Ваня принял Диану по-настоящему, чтобы искренне полюбил ее. И вот наконец свершилось маленькое чудо. Навязчивая мысль снова пришла в голову. Смерть. Она ждет его. А ведь именно сейчас он обрел свое долгожданное счастье, именно сейчас жизнь стала налаживаться. Но, несмотря ни на что, Кирилл теперь был уверен, что Ваня не останется один и Диана позаботится о нем. Он протянул листок сыну обратно и одобрительно кивнул.

– Сейчас мы едем к Диане, будем ей помогать накрывать на стол. У нас сегодня будет настоящий праздник. Я тебе это обещаю.

– Папа, давай перепишем стихотворение красиво. Я сделаю рамку из цветной бумаги, ты нарисуешь сердце и раскрасишь его, и мы подарим Диане нашу открытку.

– Потрясающая идея, только давай побыстрее, нам надо успеть к четырем.

Без десяти минут четыре Ваня и Кирилл уже садились в машину. У Вани в руках была только что сделанная ими открытка – подарок для Дианы.

Артур тоже собирался прийти на ужин. Он решил отыскать брата, который в последнее время как-то отдалился от него и от их плана. Они редко стали видаться, но Денис не вызывал никаких подозрений, так как всегда соглашался с решением брата и не препятствовал ему.

Когда Кирилл и Ваня садились в машину, Артур увидел нечто ужасное. Машина скрылась за поворотом, а на ее месте появился Кирилл, держа на руках безжизненное тело сына. Он повернулся лицом к Артуру и собирался что-то сказать, но в этот момент все исчезло, пропало, испарилось.

«Ну и привидится же!» – подумал Артур, но это странное видение не покидало его мысли.

Резкая боль пронзила его насквозь. Артур понял, что это могло значить.

«Только бы не опоздать! Только бы не опоздать!»

В тот момент Артур не задумался о том, кто послал ему помощь в деле его жизни, которое он обещал довести до конца покойному деду. Если Денису помогал темный мир, то Артуру незримо помогали посланники Создателя Мира, видя состояние его сердца и мотивы поведения. Им не нужно было вступать с Артуром в диалог, чтобы понять, что его намерения чисты. Они поддерживали его морально, вдохновляли не сдаваться и не отступать в реализации намеченных действий, давали видения и подсказки, способные помочь Артуру в завершении своей миссии в этом последнем путешествии в прошлое.

Кирилл открыл дверцу машины. Ваня побежал вперед, ему не терпелось вручить Диане открытку.

– Ваня, не беги, не торопись, говорю.

– Пап, я аккуратно, пожалуйста.

– Хорошо, сейчас возьму подарок для Марины и уже поднимаюсь.

Ваня добежал до квартиры и заметил, что дверь не заперта. По-

думав секунду, он решил войти незаметно и удивить Диану своим появлением. Тихонько пройдя в коридор, Ваня заглянул на кухню, но Дианы там не оказалось. Тогда он на цыпочках подкрался к спальне. Дверь была слегка приоткрыта. На кровати сидела Диана и пила воду, а рядом с ней лежал раздетый мужчина. Онемев от непонимания, Ваня также тихо вышел из квартиры. Мальчик был уверен, что увиденное очень расстроит папу. Поэтому он стал быстро спускаться по лестнице, а затем побежал, чтобы как можно быстрее увидеть отца и увести его отсюда.

Марина и Денис, выдававший себя за некоего Сергея, сидели в тихом ресторанчике. Они оживленно беседовали и пили шампанское.

– За тебя, Марина.

– Спасибо, Сережа. Да, и за то, что я встретила тебя.

– Нет, за то, что это я встретил тебя, – возразил ей Сергей, поднимая наполненный бокал.

Марина, воспользовавшись свободной минуткой, решила все-таки позвонить домой и предупредить всех, что она задержится.

– Я оставляю тебя на пару минут.

– Что-то не так?

– Нет, нет. Все в порядке. Просто мне надо позвонить домой и предупредить своих.

– Хорошо, жду тебя.

Марина набрала номер.

Гнилус вяло махал головой и напевал какую-то протяжную песенку. Ему безумно надоела эта предсказуемость Марины и неумение сопротивляться своим желаниям. «Да...», – размышлял про себя Гнилус. – Что-то людишки стали мельчать. Скукотища-то какая. Малейший стресс, незначительные эмоции – и они уже невиняемые. Списывают свои нелепые и противоречивые поступки на «я не могу», «мне трудно», «я не виновата», «ты всё не так понял». Фу, мерзость какая. Виноваты, дорогие мои, виноваты. Ха-ха». Гнилус настолько проникся неподдельным отвращением к людям, что, осуждая и критикуя их, совсем отвлекся от цели, ко-

торая была на сегодня намечена: Марина должна быть целиком и полностью неадекватна.

Марина снова набрала телефонный номер. Никто не брал трубку. Набрав еще раз, Марина оставила сообщение на автоответчике и теперь абсолютно спокойная вернулась к столу.

Диана слышала телефонный звонок, но ей не было до этого дела. Более важные дела и события поглотили ее мысли, а, следовательно, и влияли на поступки.

Когда Марина вернулась, то заметила, что Сергей чем-то озабочен.

– Что-то случилось?

– Ты меня извинишь, если мы расстанемся всего лишь на полчаса? У меня сейчас важная встреча, а вечер я хотел бы провести с тобой.

Марина сникла.

– И какие мысли пришли в эту очаровательную головку? Слушай внимательно: во-первых, я тебе сейчас даю ключ от своей квартиры, сажаю тебя в такси, и ты ждешь меня у меня дома, во-вторых, я заказываю сейчас нам ужин, который доставят тебе, опять же, пока меня не будет, в-третьих, ты опять еще чуточку ждешь меня, я очень скоро появляюсь на пороге дома, где меня, как я надеюсь, встретит очаровательная женщина. Ну, так ты согласна?

– Извини, но мне, правда, уже пора.

– Нет, нет, даже не думай сбегать, как золушка. Я ведь знаю, где ты живешь, и очень легко найду тебя, чтобы примерить потерявшуюся туфельку. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя?

– Но мне, правда, пора. Меня ждут дома. Я же сегодня именинница.

– Марина, сколько подобных дней рождения у тебя за спиной? И что поменялось? Что дало тебе ежегодное сидение за праздничным столом, поедание вкусных блюд и выслушивание уже поднадоевших от однообразия тостов? Ты стала счастливее?

Марина молчала. Она понимала, что Сергей прав. Ей всегда хотелось, чтобы в ее день рождения что-то случилось особенное, не традиционное и привычное. Она действительно жаждала стать счастливее в этот день, почувствовать, что ее любят. Сергей продолжил:

– Возможно, после встречи меня ждут неутешительные новости, а мне так бы хотелось, чтобы, когда я пришел, меня кто-нибудь ждал. Чтобы, придя домой, где всегда так пусто и одиноко, я нашел бы человека, который выслушает меня, – Сергей осторожно подбирался к сердцу Марины, чтобы не спугнуть ее.

Видя сомнение в глазах Марины, он взял ее за руку и поцеловал нежно в ладонь. Марина продолжала молчать, так как внутри нее шла борьба разума и чувств. Разум говорил, что пора уже идти домой к родным, а чувства желали наконец-то почувствовать себя женщиной и дать возможность мужчине излить на нее эти необычайно приятные чувства нежности, трогательности, заботы и легкого флирта.

– Извини, может, ты и права. Пойдем, я закажу тебе такси, – спокойным и слегка расстроенным голосом сказал Сергей.

Они молча вышли. Сергей поймал такси, посадил Марину и, наклонившись, обратился к водителю:

– Улица...

Марина поддалась эмоциям и перебила Сергея:

– По-моему, ты забыл дать мне ключ? Или ты хочешь, чтобы я ждала тебя у порога?

Когда такси скрылось из виду, Денис принял свой естественный образ и, взглянув на часы, незаметно исчез, растворившись в толпе.

Если мужчина слаб перед женскими прелестями и тупеет при виде коротеньких юбочек и обтягивающих фигуру кофточек, то, увы, женщина тоже способна «потерять голову». Однако, чтобы заставить женщину играть по своим правилам, мужчине нужно приложить немного больше усилий: попытка манипулировать с помощью красивой внешности и накачанного тела, скорее всего, обречена на провал. На место духов разврата и похоти приходит дух, затрагивающий струнки женской души. Мужчины скупы на ласку, на слова, на комплименты. Последние, как правило, заканчиваются в момент завоевания женщины. Марина, как и большинство женщин, нуждалась в теплоте и романтике. Слабое место ясно: женщина тоже может совершать глупые поступки, встретив мужчину, способного смотреть ей в глаза не отрываясь, мило улыбаться и говорить о том, как она красива сегодня.

– Я знаю, что тебя беспокоит. Я ведь знаю все твои мысли, – спокойно произнес незнакомец, сидевший рядом с Женей.

– Я так рад, что Господь услышал меня. Почему я здесь? У меня ведь нет никакого клейма на ладони. Я же говорил, что это ошибка, – быстро заговорил Женя, пребывая в сильном волнении.

– Нет, дружище. Я пришел тебе сказать, что это не ошибка. Твое место именно здесь.

– Как здесь? Нет. Нет. Это несправедливо. Я всю жизнь свою посвятил только тому, чтобы служить Богу и воплощать Его цели на Земле. Да кто ты такой, чтобы так уверенно говорить мне о таких вещах? Шел бы ты отсюда, – Женя попытался встать.

Но незнакомец, положив руку ему на плечо, продолжил:

– Кто я такой? Я тот, кто может читать все твои мысли. Слушай и сейчас поймешь, что ты делаешь в этой отвратительной яме.

Мышцы на лице Жени напряглись. Незнакомец понял, что Женя попался на его крючок. Ради простого любопытства Женя будет слушать. Не просто слушать, а «глотать» каждое сказанное им слово.

– Ты из-за идола сюда попал, – возражений не последовало, что свидетельствовало о том, что Женя внимал каждому слову.

Он только спросил:

– Может вы все-таки представитесь?

– Моё имя тебе ни о чем не скажет. Но я тебе обещаю – мы обязательно с тобой встретимся. И, надеюсь, уже никогда не расстанемся. Итак. Ты веришь мне теперь? Я знаю многое. У тебя есть выбор: я могу продолжить, а могу уйти. Но если я уйду, ты так и не узнаешь, почему попал сюда.

Женя отчаянно пытался понять: что случилось на самом деле – не в реальном мире, а в духовном, – где он оступился? Но ответов не находил. Он молча кивнул головой, и незнакомец продолжил свой рассказ:

– Мы так часто создаем себе жизненных идолов. Вместо того чтобы двигаться за чистым и непорочным Агнцем, – незнакомца слегка передернуло внутри, – наша плоть и всё наше существо, как под гипнозом, покоряется работе, деньгам, положению в об-

ществе. Мы каемся, стоя на коленях, плачем, наши сердца сокрушаются, и что дальше? А дальше снова череда земных событий закручивается в клубок, цепляясь за явления, происшествия, случайности, перекручиваясь, стираясь, разрываясь и затягиваясь в «узлы». Ты понимаешь, о чем я?

– Да что тут не понять? Но и ты пойми: я – мужчина. Есть что-то внутри меня или было,двигающее к достижению целей Божьих. Но как их было достигать, не выкладываясь полностью? Куда без денег и положения? Как продвигать Божьи замыслы? Довольствоваться мелочью? Это не для меня. Глобальные вещи для Бога хотел сделать, горы свернуть ради Него, чтоб угодно было Создателю. Стоя на полусогнутых ногах, неокрепшим и в долгах можно ли что-то совершить? Идолы, идолы! О чем ты? Моя работа никогда не становилась идолом для меня. Неужели ты думаешь, что способен переубедить меня? Глупец! Есть что-то загадочное в твоих глазах, это заставляет испытывать некоторый холодок в груди. Но я не боюсь тебя, посланник. Один Бог будет судить меня. Убирайся прочь! – Женя включился в «психологическую игру» с незнакомцем, несмотря на то, что страх внутри давал о себе знать, хотя он и не выдавал себя.

Но незнакомца трудно было сбить с толку. Он видел больше, чем человека перед собой. Он видел всё его душевное и духовное состояние. И, что бы ни говорил Женя, незнакомец видел правду, которая состояла в том, что семя сомнения было посеяно.

– Да кто говорит о работе? Ты исправно трудился, ты исправно служил Богу. Спора быть не может. Ведь имя твоего идола: суета и многословие, граничащее с пустословием. Разве не знаешь, что каждое слово, произнесенное тобой, на слуху и на счету у Бога? Разве не знаешь, что каждое слово твое взвешивается на весах праведности и истины? Тебе ли не знать, что за каждым обещанием должно было стоять дело?

– Довольно нотаций! Не лезь мне в душу, там чисто и убрано и Словом Божьим всё устлано, – Женя попытался встать, но незнакомец снова не позволил. Опершись на Женино плечо, он поднялся сам. Глядя на это земное существо, вызывавшее полное презрение и отвращение, незнакомец улыбнулся и мягко произнес:

– Бог тебе судья. Я пришел с миром к тебе! Мне пора покинуть тебя, оставить поразмышлять. И последний совет: поищи и продумай аргументы в своё оправдание, когда предстанешь на Суд. Они помогут тебе спастись.

Незнакомец развернулся и, ускорив шаг, растворился в толпе. Женя запутался. У него не хватало сил, чтобы остановиться. Остановиться не в прямом смысле, а в своих мыслях, мчащихся по инерции в неопределенность. Он пребывал в состоянии физической усталости, душевного хаоса и духовной растерянности. Всё состояние Жени говорило о том, что в этом диалоге Величавый с успехом выполнил свою миссию, посеяв в нем зерно сомнения.

Илюша, сжавшись в комочек, тихо плакал в подушку, чтобы не разбудить других ребят. Он проснулся ночью от кошмарного сна. Илюше снилось, что он идет с мамой и папой по огромной поляне. Они босыми ногами ступали по траве, которая была невероятно мягкой, теплой и, казалось, даже пушистой. У поляны не было конца и края, вся семья беззаботно смеялась и радовалась красоте, которая их окружала. Внезапно вдалеке они увидели черное облако, которое стремительно приближалось к ним. Подул неприятный ветер, и прямо на глазах природа стала меняться. Трава исчезла и под ногами оказалась сухая грубая и растрескавшаяся земля, небо стало серым, а все вокруг казалось мертвым.

Илюше стало очень страшно, и он взял родителей за руки. Когда черное облако добралось до них и окутало своей темнотой, они побежали. Папа схватил Илюшу на руки и, не оглядываясь, неся вперед. Никто не мог сказать, сколько это все продолжалось, так как окружающий их ландшафт оставался прежним. Неожиданно все стихло, и черная туча перестала их преследовать. Илюша, папа и мама остановились, чтобы отдышаться. Измученные, они сели на землю, и, сами того не замечая, погрузились в сон.

Илюша открыл глаза от резкого толчка. Вскочив, он увидел, что земля вокруг него в считанные секунды потрескалась по периметру ровного круга, и платформа, на которой он очутился, стала погружаться вниз. Все, что он успел увидеть, это лица мамы и

папы, которые через несколько секунд исчезли из виду.

Илюша не чувствовал страха, казалось, он едет на подземном лифте и может видеть то, что происходит вокруг. Он видел нашу Землю как бы в разрезе. С одной стороны, Илюше было интересно наблюдать за пластами земной коры, похожими на большой торт, ведь в этих пластах были захоронены останки животных и растений, населявших в прошлом земной шар. С течением времени они превратились в окаменелости, которые позволяют ученым от пласта к пласту восстанавливать историю развития жизни на Земле. С другой стороны, зрелище было довольно неприятным: Илюша замечал, что норы подземных жителей не пустовали; он видел червей, змей и прочих существ, которые ползали по этим норам, корням, остаткам костей вымерших животных в поисках пищи.

Наконец движение прекратилось. Илюша четко осознавал, что происходит что-то сверхъестественное, потому что его не засыпало землей, он мог спокойно дышать и видеть в темноте. Через несколько секунд на том месте, где он находился, появилась длинная веревка, которая вела куда-то вниз. Мальчику ничего не оставалось, как продолжить это странное путешествие. Он стал медленно спускаться по веревке вниз. Трудно сказать, сколько времени это заняло, так как Илюша спускался в полной тишине и темноте. Когда его нога наконец-то коснулась твердой поверхности, все окружающее его пространство залило ярким светом. Илюша оказался посреди огромной толпы людей, которая хаотично передвигалась. Некоторые толпились у каких-то странных ниш и пытались туда забраться. Илюша попробовал заговорить с окружающими, но складывалось впечатление, что его никто не видит. Оглядевшись вокруг внимательней, не так далеко от себя он увидел маму, которая выглядела совсем не так, как несколько минут назад. Ее одежда превратилась в лохмотья, глаза опухли от бесконечных слез, а поцарапанные руки тряслись. Она сидела прямо на земле и, казалось, смотрела прямо на него.

– Мама! – закричал Илюша, но Вера никак не отреагировала. – Мама, мамочка, ты слышишь? – еще громче закричал Илюша и побежал к ней навстречу.

Внезапно все исчезло, Илюша увидел ту же картинку, что и в начале сна. Он, мама и папа шли рядом и беззаботно радовались

жизни, солнцу и просто тому, что они рядом. Вдалеке они увидели женщину, которая махала им рукой. «Где-то я ее видел», – подумал Илюша и проснулся.

Ваня бежал по ступенькам, не замечая ничего впереди себя. Он еще не совсем понимал, что случилось, но его сердце чувствовало, что произошло что-то ужасное и непоправимое. Краем глаза он увидел, что на ступеньках, сгорбившись и кутаясь в лохмотья, сидит человек. Мужчина решил встать как раз в то время, когда мимо пробежал Ваня. Будучи слепым и не видя мальчика, он стал размахивать руками. Нищий схватил Ваню за щиколотку, пытаясь опереться о перила. Ваня потерял равновесие и от резкого толчка упал, стукнувшись правым виском о ребро ступени.

Кирилл уже вызвал лифт, но, услышав шум на лестнице, решил подняться пешком. Преодолев два пролета, он увидел перед собой неподвижное обмякшее тело сына. Кирилл, толком не осознавая, что произошло, сел на колени рядом с Ваней.

– Что случилось? Ванька, ты слышишь меня? Ты можешь говорить? – голос Кирилла сорвался.

Ваня приоткрыл глаза, наполнившиеся от боли слезами, и попытался что-то сказать, но у него ничего не получилось.

– Сынок, не молчи, – Кирилл сидел на грязных ступеньках, не в силах сдвинуться с места. Он прижал сына к груди и стал его качать как грудного ребенка.

– Папа, – еле слышно произнес Ваня.

Кирилл встрепенулся.

– Папа, не ходи туда, – прошептал Ваня, ласково смотря отцу прямо в глаза.

Взгляд мальчика замер, тело полностью ослабло, а голова откинулась назад. Кирилл, все еще не понимая трагичности ситуации и необходимости принимать срочные действия, чтобы спасти сына, продолжил разговаривать с Ваней.

– Что это? – в руке сына Кирилл увидел открытку, которую он собирался подарить Диане. – Ты несешь Диане открытку? Ты будешь называть Диану мамой, когда мы поженимся? А? Что ты молчишь?

Ваня продолжал неподвижно лежать на руках Кирилла. Понимая, что пора приходить в себя, смотреть действительности в глаза, здраво рассуждать и действовать, Кирилл поднялся на ноги. Он стал осторожно подниматься по ступенькам вверх. Дойдя до двери квартиры Дианы, он увидел, что та открыта. Услышав голос любимой, доносившийся из спальни, Кирилл напрямик отправился туда, не отрывая взгляда от сына. Войдя, он увидел то, что убило его.

– Я не отниму у вас много времени, – Кирилл подошел к кровати и аккуратно положил Ванюшу. Он протянул открытку Диане. – Это тебе, Ваня сочинил для тебя, и мы вместе немного разукрасили ее.

Снова взяв мальчика на руки, Кирилл вышел, не говоря ни слова. Медлить было нельзя, нужно было срочно ехать в ближайшую больницу.

Виктор, опустив голову, встал и пошел собирать свои вещи.

Диана все это время молчала, находясь в оцепенении. Ее коварные мысли остановились и в одну секунду потеряли всякий смысл. Тело обдало жаром, а душу переполнило чувство непомерного отчаянья. Предприняв попытку сиюминутно всё исправить, она нагнала Кирилла на лестничной клетке. Упав на колени, Диана прошептала: «Кирилл, прости...» Она не нашла больше слов. Двери лифта закрылись.

Артур опоздал. Взяв по ступенькам наверх, он буквально влетел в квартиру и увидел, что Кирилл держит на руках безжизненное тело сына. В комнате также находились Диана и Виктор. Не вытерпев такого зрелища, Артур в ярости выбежал на улицу и стал искать брата. В эти минуты Артур думал о том, как сильно он привязался к мальчику и как тяжело осознавать, что его больше нет. И еще одна мысль теперь не давала покоя: как выиграть войну с братом, что предпринять, как помешать ему? Как же он раньше не раскусил его сущность? Как раньше не почуял подвоха и предательства? Вопросов было много, нужно было искать ответы, а времени осталось не так уж много.

Ради такого случая квартиру посетили еще трое: Величавый, Гнилус и Мумирон. Если можно было бы всем присутствующим видеть друг друга одновременно, вряд ли кто-нибудь остался в здравом уме. Три человека, в полнейшем ужасе и отчаянии, молчали под впечатлением ужасного зрелища. Малыш был мертв, а еще трое присутствовавших в комнате хохотали. Гнилус повис на Мумироне и брызгался слюной.

– Эй, аккуратней, – Мумирон смахнул Гнилуса с плеча, и тот упал на пол. Гнилус тыкал пальцем в Кириллу и не мог удержаться от смеха.

– Ай-ай-ай. Внимательней надо быть, Кириллушка. Следить за ребеночком получше. Какое горе-то, – Гнилус подошел к Ване и дернул его за палец. – Ой, а мальчонка-то не дышит. Какие вы, люди, нежные. Один удар – и нет вас.

– Угомонись, – сквозь зубы процедил Величавый. – Дело сделано. Хозяин будет доволен.

– Нет, да я ничего. Мумирон, скажи.

Мумирон тоже был не прочь повеселиться, но присутствие Величавого его смущало. Он молча наблюдал за этой трагичной сценой, однако глаза его улыбались.

– Смотрите, как этот чудик бегаёт туда-сюда, – Гнилус указал на Артура.

– Так, нам пора. Пошли отсюда, – Величавый бросил беглый взгляд на присутствующих и вышел.

Мумирон и Гнилус поспешили за Величавым. Слишком много дел ждало их впереди: кого-то навестить в Чистилище; кому-то помочь умереть на Земле; подружиться с новым человеком, ненавязчиво предложив ему очередную порцию земных удовольствий, чтобы постепенно довести его до состояния моральной и физической деградации. Всех дел было не перечесть.

Гоша старался найти выход из сложившегося положения. Он помнил, что безвыходных, тупиковых ситуаций быть не может, надо лишь понять, вычислить, где та лазейка, тот узкий, невидимый для чужого глаза, проход, который приведет к желаемому ре-

зультату. Ниша, куда стремился попасть Гоша, кишела людьми. Даже если бы Гоша и сумел добраться до нее, возможности там расположиться, оглядеться ему бы просто не представилось. Разъяренная, обезумевшая толпа не позволяла долго находиться в нижних нишах. Попав туда, нужно было сразу двигаться вверх в поисках новой.

«Не буду торопиться. Это понятие в вечности не существует, – рассуждал Гоша. – У меня растёт борода. Интересно, сколько потребуется земных лет, чтобы свить из нее веревку метров так в пять?»

Гоша занялся расчетами.

– У нас тринадцать лет в запасе, чтобы растоптать Веру окончательно, – Гнилус сидел на плече у Величавого и ковырялся у него в волосах в надежде найти что-нибудь съедобное.

– Хватит уже. Иди лучше делом займись. Думай, что с Верой делать будем, – Величавый смахнул Гнилуса с плеча и встал. Ударившись о камень, Гнилус попытался возмутиться, но Величавый наступил ему на горло ногой. – Я на Землю, проверю, как там Диана. Да и пару советов надо Денису дать, – Величавый, не обращая внимания на задыхающегося Гнилуса, направился в сторону выхода.

Сергей вернулся очень быстро, как и обещал. Марина, потеряв счет времени и голову, накрыла на стол, зажгла свечи и выключила свет.

– Это ты?

– Ты удивлена? Теперь мы одни, я готов тысячу раз повторить тебе, что ты для меня то, что я искал всю жизнь и наконец нашел.

– Приятно это слышать. Мне не часто делают комплименты, – она все же отстранилась, когда он собирался ее обнять. – Может, поужинаем?

– Ну, давай для начала поужинаем.

– Для начала чего?

– Я не такой, чтобы выкладывать сразу все карты на стол.

– Хорошо.

– Я хотел бы, чтобы ты пожила у меня. Как ты на это смотришь?

– В качестве кого?

– В качестве друга. Обещай, что подумаешь.

– Хорошо, я подумаю над твоим предложением, хотя, возможно, я отвечу «Нет». Зачем я нужна тебе? Да и у меня семья. Поговорим об этом в другой раз.

– Договорились, – ответил Сергей и улыбнулся.

Гнилус смело ковырялся в ужине, который предстояло съесть Марине и Сергею. Он сидел прямо посередине стола и облизывал свои липкие пальцы. Внимательно контролируя разговор и реакцию Марины, Гнилус копался в салате и доставал оттуда свое любимое земное лакомство: зеленый горошек.

Диана сидела дома и ничего не предпринимала, потому что знала – любой ее поступок бессмыслен. Кирилл ненавидит ее, Виктор ушел, мама неизвестно где, да лучше бы она и не появлялась.

«Что я ей скажу? Мама, я не хотела спать с Виктором, я не хотела изменять Кириллу, я не виновата в том, что произошло с Ванюшей?» – Диана беззвучно плакала. Плакала молча с того момента, как ушел Кирилл. Спустя три часа она всё еще сидела у накрытого стола в темноте. Слезы, не останавливаясь, текли из ее опухших глаз.

В очередной раз зазвонил телефон, и Диана вздрогнула. Сначала она не решалась подходить, но потом всё-таки взяла трубку, чтобы поговорить с матерью.

– Алло, я слушаю.

– Милая, ну, пожалуйста, только не ругай меня. Я знаю, что очень перед всеми вами виновата.

– Ничего, мама, – Диана сделала паузу, одновременно придумывая оправдание своим поступкам.

– Я звоню, чтобы сказать, что не приду сегодня. Ты удивлена?

Натянуто улыбаясь и выдавливая возглас удивления, Диана ответила:

– Где ты, ну-ка рассказывай.

– Виктор рядом?

– Мама, я знаю, что тебе будет очень больно это услышать, но Виктор ушел, ушел навсегда. Он расстроился, что ты не пришла, оставил тебе подарок. Прекрасный пеньюар. Мама, вы, наверное, слишком часто ссорились, раз это так произошло. Насколько я успела узнать Виктора, он не из смелых и решительных мужчин. Он, скорее, будет закрывать на все глаза, чем порвет сам.

Марина просто подпрыгнула от радости:

– Диана, я рада, что это произошло именно сегодня. А то я и не знала бы, как все ему объяснить. Я нашла того, которого ждала всю жизнь.

– Мама, о чем ты говоришь? За один вечер? Кто бы он ни был, ты ему поверила? Ты сошла с ума, ведешь себя как наивная пятнадцатилетняя девчонка!

– Я проверяла его несколько раз, я действительно нужна ему. Он пригласил меня пожить у него, и я не собираюсь упускать такой шанс.

– Эх, мама. Только смотри, не ошибись. Будь осторожна.

– Конечно. Да, я завтра зайду после работы, заберу некоторые вещи.

– Хорошо, буду ждать.

– Передавай привет Кириллу и Ванечке и еще раз извинись перед ними. Хотя я думаю, что вам не мешает мое отсутствие. До завтра, дорогая.

– Только не торопи события. Целую, мама. Удачи тебе.

Положив трубку, Диана села за праздничный стол. Она неторопливо налила себе вина и, посмотрев на противоположный стул, предложила: «Ваня, накладывай себе, что захочешь. Мамы сегодня не будет, так что мы остались вдвоем». Она подошла к стулу, отодвинула его и, глядя в никуда, стала накладывать салат на соседнюю тарелку. «Ну, ничего не хочешь делать сам! А ты, Кирилл?» – она посмотрела уже на другой стул. «Ну что ты все смеешься?!» Схватив скатерть за концы, Диана резко швырнула все на пол. Свернувшись калачиком, она легла среди битой посуды, держа в руке открытку Ванюши.

Диана находилась в глубоком отчаянье. Она даже не обратила

особого внимания на абсурдность ситуации, о которой рассказывала ей мать. Не прошло и дня, как Марина решила повернуть течение своей жизни на сто восемьдесят градусов, даже не удосужившись прийти и объяснить причины своего легкомысленного поступка. Она была похожа на ветреную и доверчивую молодую девушку, впервые ощутившую на себе внимание противоположного пола. В какой-то степени поведение Марины выглядело даже глупым и вызывающим разочарование. Но в сложившихся обстоятельствах такое безрассудство и неуважение Марины по отношению к Виктору были Диане на руку. Она была рада, что мать не находится рядом, не задает лишних вопросов, требуя немедленных ответов, не возмущается и не осуждает дочку за омерзительный поступок. Диана настолько запуталась, не понимая, что нужно делать дальше и как продолжать жить с таким грузом вины на сердце, что одиночество стало для нее спасением. У нее было время, чтобы прийти в себя, разобраться в своих чувствах и подумать о том, как возродить отношения с Кириллом.

Гоша сидел возле человека, у которого за плечами был огромный рюкзак, заполненный всевозможными мелкими предметами, и два мешка, набитые вещами и обувью, которые падали сверху вместе с летящими вниз людьми. Его называли «менялой», так как он обменивал имеющиеся у людей вещи и предметы на те, которые они бы хотели иметь. Кто-то взамен рубашки просил зажигалку, чтобы поиграть огоньком; кто-то за обручальное кольцо — пару еще не подранных кроссовок; встречались и такие, которые готовы были отдать что угодно за перочинный ножик в надежде все-таки искалечить себя до беспометства и забытья. Меняла это делал без всякой выгоды, ради развлечения.

Гоша занимался плетением веревки. Меняла не спрашивал его о том, зачем ему нужна эта веревка, это и без слов было ясно.

— Я смотрю на тебя и вижу в тебе не только сильного, но и рассудительного человека, — обратился меняла к Гоше.

— Жизнь многому научила, штурмовать стены — дело бесполез-

ное. Даже здесь нужно быть на голову выше остальных, чтобы хоть на первый уровень забраться.

— Зачем тебе это? Комфорт? Привилегии?

— Да плевать я на это всё хотел! Жена пропала у меня здесь.

— Теперь понятна причина твоего рвения, — меняла стал копаться в рюкзаке. — Вот этот ключ я нашел здесь, — меняла протянул Гоше ключ размером с ладонь, сделанный, как казалось, из драгоценных камней. — Я не знаю, как он сюда попал и к какой двери он подходит. Но уверен я в одном, что ключ этот не принадлежит ни одному человеку, который здесь находится. Когда я его нашел, то странный голос мне тихо так шепнул: «В нем нет пользы для тебя, отдай его тому, кто в нем нуждается».

— А я-то тут причем? Мы с тобой не знакомы даже.

— Ты прав. Я и сам не понимал, кому мне подарить этот ключ. Я пытался отдать его людям, которые мне нравились здесь, но они не принимали этого подарка, а бежали сломя голову, едва увидев этот ключ у меня в руке, думая, что в этом есть какой-то подвох.

— А мне-то он зачем? Жена моя здесь где-то, драгоценные камни вряд ли ее успокоят, если я ее найду.

— Прими подарок. Сердце моё говорит: ты тот самый.

Гоша молча протянул руку меняле. Ключ был неописуемо красив. Сжав его в кулаке, Гоша двинулся дальше. Веревка была готова.

Кирилл аккуратно положил Ваню на заднее сиденье и сел за руль. Сил куда-то ехать не было, мысли текли вяло и бессвязно. Кириллом обурежала неимоверная усталость, словно он не спал несколько суток подряд. Он вел машину осторожно и плавно, чтобы не навредить сыну, однако такой стиль вождения не позволял ехать быстро, как того требовалось. Противоречивость действий вызывали у Кирилла раздражение, а силы продолжали покидать, погружая в сон. Порой Кириллу казалось, что реальность кусками вырывалась из происходящих событий, уступая место крошечной темноте и тишине.

Только в больнице, когда Кирилл сидел в приемном покое и ждал новостей о Ванечке, пришло осознание происшедшего. Чем

подробнее Кирилл воссоздавал в своем воображении сцены увиденного в квартире Дианы, тем бессмысленнее ему казалось его земное существование, особенно когда жизнь Вани висела на волоске. Мысли о Диане постоянно приходили ему в голову, но он их гнал и не хотел думать об их отношениях.

Пошел второй час, но новостей о сыне не было. Мимо проходили санитарки, посетители, навещающие больных, но Кирилл ничего не замечал вокруг. Он устало закинул голову назад и закрыл глаза, пребывая в состоянии томительного ожидания.

Диана решила, что оставаться на прежней работе бессмысленно. Утром она встала и вместо того, чтобы поехать на работу, отправилась к Кириллу. Она шла с огромной надеждой в душе: поговорить, объяснить всё и помириться. Она шла и надеялась, что хотя бы положит начало этому тяжелому возрождению их отношений. Что нужно говорить, как вести себя, Диана не представляла, так как не знала, в каком состоянии находился Ваня и уделит ли Кирилл в такой ситуации ей хотя бы пару минут.

Диана стояла напротив двери и не решалась постучать. Ее ноги были буквально ватными, а в коленках была такая слабость, что она едва стояла. Внезапно она почувствовала, что за ее спиной кто-то находится и дышит ей в шею. Она даже почувствовала какой-то неприятный запах. Оглянувшись, Диана никого не увидела. Гнилус расплылся в улыбке и плюнул на ручку двери, к которой потянулась Диана. Кирилл не открыл ей. Так он не открыл ей ни через день, ни через два, ни через три...

Марина так и не появилась. Она позвонила вечером домой и сказала Диане, что уже купила себе все необходимое. Так захотел Сергей. Казалось, она была счастлива. Трудно себе представить, что немолодая женщина способна в один миг изменить свою жизнь, пустившись в авантюрное плаванье по волнам бурных эмоций и переживаний с незнакомцем. Но такое, безусловно, случается, особенно, когда кто-то или что-то невидимое из духовного мира знает твои слабости.

Артур бывал у Дианы каждый день. Он садился в углу комнаты

и наблюдал за ней, а иногда уходил в спальню и думал о том, как помочь Кириллу простить Диану.

После похорон Ванечки, который умер в больнице, так и не придя в сознание, Кириллу стало спокойнее. Теперь уже было не нужно ломать голову над тем, что будет с сыном, когда он сам умрет. Его смерть никому теперь не доставит никаких хлопот. Кирилл изменился, поник духом и перестал бороться. У него не осталось ни единой мысли, за которую можно было зацепиться, ни одного человека, ради которого стоило бы жить. Он перестал ходить на работу, перестал посещать врача, перестал делать буквально все. Высыхая на глазах, Кирилл с трудом вставал с постели, потому что сильно ослаб. Он не открывал дверь, когда кто-то приходил, и не отвечал на непрерывные телефонные звонки.

Когда мысли Кирилла возвращались к Диане, он пытался понять ее и оправдать в своих глазах. Он осознавал, что всё равно не смог бы быть с ней рядом из-за приближающейся смерти. Порой Кирилл думал, что такой трагический финал в их истории любви будет для Дианы лучшей точкой в их отношениях. Расставаться навсегда было бы намного мучительней, если бы они и дальше продолжали быть вместе, привязываясь друг к другу.

Артур с момента трагедии не видел брата, но он понял, что тот будет действовать, пока не добьется стопроцентного результата. Снова и снова Артур задавался вопросом: «Как за несколько недель сделать всего двух людей счастливыми?»

Вскоре состоялся разговор Артура и Дениса. Трудно было сказать, что они родные братья, когда-то во всем понимавшие друг друга. Разные цели сделали их врагами. Разные взгляды сделали их соперниками.

– Ты убил маленького, ни в чем не повинного мальчика. Ты в здравом уме? Раскрой глаза, очнись, что ты делаешь?

– Не тебе меня учить, брат. Я всегда был таким. Я не хочу ви-

деть, как люди непонятно из-за чего страдают. Я хочу создать мир, где люди будут жить в свое удовольствие. Жалость! Глупое и никому не нужное чувство, оно только усложняет жизнь. Привязанность! Да зачем она нужна! Люди должны быть свободны, и тогда они будут думать только о себе и не утруждать себя лишними заботами. Ты только представь, Артур. Мы создадим мир удовольствий. Вдумайся в то, что я говорю. Я уверенно иду к намеченной цели и не собираюсь никому уступать, а особенно – тебе.

– Ну, хватит. Довольно! У тебя еще есть время одуматься. Вспомни, что перед смертью нам говорил дед: «Последующие поколения будут рождаться с сердцем и душой, никогда не ощущавшей прелесть цветущих лугов и равнин. Землю окутывает серость и холодная мгла. Но! Вы сможете найти в себе силы противостоять этому миру. Вы! Только вы!» Неужели ты все забыл? – Артура не покидала надежда, что брат все-таки передумает.

– Извини, но я и не хотел этого помнить. У меня другие планы.

– Брось эту затею.

– Увидимся дома. Извини, что не желаю тебе удачи, – Денис развернулся и вышел из комнаты.

Не злость и раздражение, а чувство печали наполнили сердце Артура. Это же был его родной брат. Как отчетливо понимал в этот момент Артур важность поддержания отношений с родными на каждом этапе жизни. Где-то их крепкая братская дружба дала течь, в какой-то момент они упустили что-то важное, они отдалились. Артур вспоминал, как, будучи маленькими, они вместе играли, а, став постарше, дрались друг с другом. Но, несмотря на эти особенные, порой нелогичные и враждебные отношения между родными братьями, в глубине души они были преданы друг другу. Что же произошло? Как так случилось, что они стали чужими по духу, отдалились настолько, что практически стали врагами? Артур не осуждал Дениса, он лишь сожалел, что не смог сохранить до сегодняшнего момента эти настоящие братские чувства. Но менять что-либо было уже поздно. Несмотря на то что они были кровными братьями, из-за нежелания прикладывать должных усилий, из-за отсутствия жертвенной братской любви их отношения были разрушены. Они остались братьями по крови, но не по духу.

Гоша продолжал идти вперед. Каждый шаг давался ему всё труднее и труднее. Он всегда был сильным и сдержанным на эмоции, мыслил фактами, хотя умел любить. Однако сердце ныло, потеряв ниточку, связывающую Гошу с сердцем любимой, чьи цели уже давно стали его целями. Гоша шел вперед, но, присмотревшись к его глазам, можно было легко заметить слёзы. Внешне он оставался непоколебимым и мужественным, но на самом деле Гоша только сейчас осознавал, насколько дорога была ему женщина, которая всю жизнь была рядом с ним. Только сейчас он понимал, что не ценил Веру так, как она того заслуживала. Он забыл про пластины, это было настолько малозначительным. Одна лишь мысль снова и снова крутилась у него в голове – найти ту, которая жила его мечтами и открывала вместе с ним чудесный мир. Мир, который остался в прошлом.

Гоша не знал, что по земному времени он уже тринадцать лет искал свою Веру. За это время он придумал разные варианты поисков, он обошел все встречающиеся ему на пути ниши, он вглядывался в лица незнакомцев, сумевших занять ниши нижних уровней. Самым трудным испытанием в поисках Веры было искать ее в ямах сдавшихся людей.

Многие обитатели Чистилища ломались. Не физически, а духовно. Они впадали в отчаянье, пребывая в душевном одиночестве. У них не хватало веры и сил, чтобы переносить пребывание в этой бесконечной томительной неопределенности.

Мужчины лежали на грязной земле на спине, скрестив руки на груди. Глаза их были закрыты. Они мучились оттого, что их мужская земная сущность была раздавлена прессом осознания своей беспомощности. Прошлая жизнь стала казаться прахом и пустотой, чем-то никчемным и бесполезным. Самые слабые плакали так, как никогда раньше не плакали. Их сердца разрывались от понимания того, что они всю жизнь карабкались не вверх, а падали вниз – туда, где счастье, финансовое благополучие, безопасность и достижения во многом оказались призрачными и бесполезными.

Часть женщин в яме сдавшихся людей сидели на коленях рядом с мужчинами. Они, забывая о себе, утешали отчаявшихся. Они без

слов, прикосновением рук передавали своим мужьям, детям, друзьям чувство спокойствия и душевного мира.

Многие женщины в зрелом возрасте, молодые девушки и даже старушки пребывали в состоянии аффекта. Среди криков и рыданий были слышны женское рычание, нечеловеческие звуки ярости и гнева.

Артур не спал ночами. Он практически потерял всякую надежду, что ему удастся добиться желаемой цели. Он уже не думал о том, что должен спасти мир, помочь людям, которых он не знает и которые еще не родились. Его волновала смерть Вани. Он считал себя единственным виновником этой трагедии. Помочь Кириллу вернуть свое счастье, помочь Диане исправить свои ошибки – вот единственная цель, которая имела смысл.

Дня два назад Артур был у Дианы. Она перебирала свои вещи и нашла старую фотографию. На ней была изображена пожилая женщина с доброй улыбкой.

– Клавдия Федоровна, милая моя, где ты сейчас? – Диана села на пол и снова заплакала. – Я не послушала тебя, я солгала и потеряла все, что мне было так дорого. Все, чему ты учила меня, осталось где-то далеко. Все напрасно. Я же любила Марину. Ведь, несмотря ни на что, она – моя мать. Что произошло? Ну, ответь же? – Диана стала трясти фотографию, а потом прижала ее к груди и легла на пол.

Испугавшись, что она может простудиться, Артур поспешил в прихожую и постучал во входную дверь. Диана услышала звук и пошла проверить, что это было. Как оказалось, ничего. «Наверное, мальчишки в подъезде играют», – подумала Диана.

Ольга, дочь Ирины Леонидовны, и ее молодой человек Андрей, как обычно, выпили утром по чашке кофе и отправились на работу.

Ольга тоже работала в школе. Она пришла сегодня пораньше, чтобы подготовиться к контрольной работе. В коридоре девушка

снова услышала разговоры о Диане. Ольга подружилась с ней и сочувствовала, даже несмотря на то, что до конца не знала всей правды. Она решила поддержать ее. Спустя несколько дней, Ольга решила позвонить подруге.

– Привет, зачем ты звонишь? Чтобы читать мне нотации? Извини, мне сейчас не до этого, – лицо Дианы, казалось, выцвело, стало старым и неинтересным.

– Перестань, я не собираюсь осуждать тебя. Все только и говорят в школе об этом, особенно о Ване, но никто не знает всей правды. Я не верю слухам, и, как бы все это ни случилось, я готова выслушать и поддержать тебя.

– Спасибо, Оля. Боюсь, тебе не стоило мне звонить. Зачем тебе лишние проблемы? Но, все равно, спасибо.

– О чем ты говоришь? Давай сегодня поужинаем вместе? Что скажешь?

– Я боюсь выходить на улицу. Мне кажется, что люди будут показывать на меня пальцами и шептаться. Я не вынесу этого.

– Но не собираешься же ты всю жизнь просидеть здесь взаперти? Это просто глупо.

– Да, но...

– Никаких но. Сегодня в семь вечера в кафе напротив школы. Я буду ждать тебя. Договорились?

Диана вытерла слезы.

– Договорились, – она понимала, что если не расскажет все кому-то, то просто сойдет с ума.

Денис в роли Сергея сидел в гостиной и ждал, когда придет Марина. Он всячески старался избегать своего появления на улице, зная, что Артур ищет его. И ищет не для того, чтобы мило побеседовать. План осуществлялся успешно, без заминок. Роль слепого нищего на ступеньках пришлась Денису по душе. Что ему нравилось из всех этих походов в прошлое, так это умение перевоплощаться в различных людей и устраивать детально продуманные, а иногда и импровизированные спектакли с участием ни о чем не догадывающихся актеров. Оставалось разыграть финаль-

ное действие: не допустить возможности примирения Дианы и Кирилла. А для этого нужно, чтобы кто-то из них покинул город. И тогда победа будет за ним.

На сегодняшний вечер было запланировано очередное происшествие. Начало было положено: как и предполагал Денис, Ольга, не без его участия, пригласила Диану в кафе. Остальное должно было случиться само собой.

Посмотрев на часы, Денис решил, что пора звонить Андрею, жениху Ольги. Это и был тот самый человек, чей облик он изначально принял, представившись Сергеем для влюбившейся в него без памяти Марины.

– Алло, привет это я. Я не сильно оторвала тебя? – мило проговорил Денис голосом Ольги.

– Нет. Что-то случилось?

– Я звоню попросить тебя приехать к семи часам в кафе, которое напротив моей школы.

– Понял, а зачем?

– Я сегодня ужинаю с Дианой. Ей надо с кем-то побыть, и я подумала, может, поужинаем вместе?

– Хорошо, я не против.

– Тогда до встречи.

– Пока.

Денис положил трубку и сел. Было четыре часа пополудни. Скоро должна была прийти Марина. Не успел Денис подумать об этом, как послышался звук открывающегося дверного замка.

– Сережа, ты уже пришел?

– Да, я сегодня пораньше.

– Знаешь, всегда, когда я вхожу сюда, мне кажется, что я больше никогда тебя не увижу. Что это был прекрасный сон, который, увы, как и все сны, закончился.

– Ну, когда ты перестанешь об этом думать? Я знаю, что мы сегодня с тобой сделаем, мы поужинаем вдвоем в одном ресторанчике. Я думаю, ты там не была.

– Да, и по какому же поводу?

– А об этом ты узнаешь позже. Какая же ты нетерпеливая! Да, мне надо сейчас идти, а ты пока собирайся. Я хочу, чтобы сегодня вечером ты была красива, как никогда раньше. Время еще есть,

так что все в твоих руках. Жду тебя в семь. Вот адрес, такси я уже заказал. Целую. Только не опаздывай.

– Хорошо, хорошо, – ответила Марина, размышляя над тем, как ей одеться к ужину.

Денис еле сдержал улыбку. Его миссия в этих отношениях была закончена. Теперь Марина должна была встретиться с настоящим Андреем, который никогда не был с ней знаком.

Вера потеряла всякую надежду найти мужа. Она опустила руки и, как зомби, бесцельно бродила по яме, не обращая внимания на происходящее вокруг. Если на Земле по-прежнему жизнь шла своим чередом: день сменяла ночь, а место солнца занимала на небе луна, то здесь ничего не менялось. Время текло однообразно, серость обстановки не давала возможности заметить какие-либо изменения в жизни. Вернее это уже была не жизнь, а что-то новое и еще мало изведенное, а может, и эта форма существования человечества должна была скоро закончиться. Всё это было известно одному Богу.

Но Веру мало интересовали эти философские темы. Она медленно брела мимо очередной толпы людей, которые то и дело задевали и толкали ее. Пребывая в таком оторванном от реальности состоянии, Вера даже не заметила, как очутилась в довольно безлюдном месте. Здесь практически не было людей, так как земля в этой части Чистилища потрескалась в нескольких местах, образовав небольшие расщелины. Люди настороженно обходили это место, боясь провалиться. Многие были уверены, что ниже мог находиться только Ад. Едва Вера успела поднять голову вверх, как получила сильный удар ногой в живот. Усталая и измученная Вера рухнула на грязную землю, инстинктивно поджав под себя колени. Но боли она не почувствовала, так как физическое тело давно не жило по законам Земли. Она прикрыла глаза руками и разрыдалась. Внезапно Вера почувствовала, как ее тело нагло ощупывают две пары похотливых рук. Создавалось впечатление, что кто-то обыскивал ее в поисках каких-либо предметов и вещей в карманах одежды. Но, с другой стороны, грязные и вонючие ла-

дони незнакомцев нагло лезли под одежду. Такие действия заставили Веру «протрезветь» от состояния пассивности и начать сопротивляться. Но чем сильнее она сопротивлялась, тем ограниченнее становилась свобода ее движений. Оказавшись на спине, Вера открыла глаза.

Диана сидела за столиком и ждала Ольгу. Она очень нервничала и оглядывалась по сторонам, так как впервые с того страшного дня вышла в людное место. Ей все время казалось, что на нее все смотрят и показывают пальцем. Словно все только и делают, что говорят о ее поступке, осуждая ее. Ольга задерживалась, и Диана уже собиралась уходить, когда к ней подошел Андрей, муж Ольги:

– Здравствуй, Диана. Ты узнаешь меня?

– Ну, конечно. Андрей, верно? – она чуть оживилась, видя, что к ней еще могут относиться по-человечески, не осуждая и не обвиняя.

– Верно. Ольга попросила меня, чтобы я тоже пришел. Ее еще нет?

– Наверное, она задерживается. Мало ли, что могло произойти.

– Тогда давай пока что-нибудь закажем.

– Хорошо, не отказалась бы.

Андрей подозвал официанта к столику и заказал вина.

Неловкость Дианы постепенно проходила, ей становилось легче, несмотря на то, что напротив сидел практически незнакомый ей человек, но главное – он не осуждал ее.

– Я рада, что вы меня пригласили. Ты знаешь, что произошло?

– Да, но все от других. Как все было на самом деле, знаете только вы с Кириллом.

– Я не желала Ванечке смерти. Я готова умереть вместо него, если бы только он смог остаться живым. Я убила его. Но я так его любила, – Диана снова расплакалась.

Андрей взял Диану за руку, пытаясь как-то успокоить ее.

В этот самый момент в кафе появилась сияющая Марина, ожидающая сюрприза. Она почему-то была уверена, что Сергей соби-

рался сделать ей предложение. Но тут она заметила, что он сидел не один. Подойдя поближе, она увидела, что Сергей сидел рядом с Дианой, нежно держал ее за руку и пытался успокоить. Марина же понятия не имела, что Сергея просто не существует, что это была очередная ловушка и манипуляция, подготовленная Денисом, чтобы разрушить отношения Дианы и Марины раз и навсегда.

Что-то кольнуло в сердце, но Марина не теряла надежды. Она подошла к столику.

– Мама, что ты тут делаешь? А, у тебя свидание? – загадочно спросила Диана.

– Очень остроумно, дорогая. Так вы уже знакомы? Не знала.

– Что ты имеешь в виду?

Марина обратилась к Андрею.

– Что все это значит, Сергей?

– Извините, но меня зовут Андрей. А вы, кажется, мама Дианы? Очень рад познакомиться, – Андрей встал, отодвигая соседний стул и предлагая Марине присоединиться.

– Это и есть твой сюрприз?

Тут вмешалась Диана.

– Мама, это мой знакомый. У тебя все в порядке? Ты что, поссорилась с Сергеем?

– Все ясно. Теперь мне все ясно. И давно ты знаком с моей дочерью, Сергей? Ах, извини, наверное, следует называть тебя настоящим именем. Так ты Андрей?

Ничего не понимающий Андрей продолжал отвечать на вопросы женщины, по-видимому, находившейся не в своем уме. Что ему оставалось еще делать? Ведь не сказать же: «Не тыкайте мне, сумасшедшая женщина!!!» Да и повышать голос неудобно, все-таки эта женщина – мать Дианы.

– Я знаком с вашей дочерью с тех пор, как она стала работать в школе.

– Так, мы теперь перешли на «вы». Хорошо. А кем для тебя была я? Игрушкой? – Марина стала кричать и, схватив вилку, направила ее на Андрея.

– Еще раз прошу у вас прощения, но, похоже, вы меня с кем-то путаете. Если бы я вас видел раньше, то наверняка бы запомнил ваше лицо.

– Мама, это жених моей подруги Ольги со школы, – снова попыталась объяснить Диана.

Лицо Марины исказилось, когда она услышала, что ее любимый помолвлен, но на мгновение она взяла себя в руки и повернулась к Диане.

– Я всегда ждала, что ты отомстишь мне. Ты сказала, что простила меня, но, увы, так не бывает. Ты вынашивала этот план, ты продумала все до мелочей, ты даже каким-то образом заставила других людей участвовать в твоём спектакле. Bravo! Bravo, дорогая! Ты попала в самую точку.

– Мама, здесь какая-то ошибка. Послушай меня.

– Ошибка? Он, именно он, подарил мне то, чего я так искала в этой однообразной и скучной жизни. Я не жалею, что я познакомилась с ним. Мне было очень хорошо. Я почувствовала себя желанной. Казалось, я была нужна ему.

От такой несправедливости Андрей собирался сказать не менее длинную речь, но не успел открыть рот, Марина перебила его:

– Нет, я не хочу ничего слышать. Молчи. Я хочу запомнить тебя другим, Сережа.

Диана встала, собираясь как-то приласкать и успокоить мать, но та отпрянула и сказала:

– Я не хочу больше встречаться с тобой. Я думаю, ты и сама не захочешь оставаться со мной в одном доме. У тебя есть час, чтобы собрать все вещи. Мне теперь не нужен никто, даже ты. Ты предала меня, ты растоптала меня. Теперь меня нет. Прощай. Я действительно любила тебя.

– Мама, все забудется. Тебя бросил Сергей? Ну скажи!

Не выдержав издевок и унижения, Марина тихо заплакала:

– Убирайся, я не хочу видеть тебя больше в своем доме. Прощай, Сергей.

Марина вышла и стала бесцельно бродить по улицам, ожидая, когда пройдет час, чтобы можно было прийти домой и напиться.

Минуту Диана и Андрей сидели молча. Первым заговорил Андрей:

– Знаешь, я ничего не понял, что здесь произошло, но думаю, что твоя мать совсем не шутила. Давай я позвоню Ольге, и мы пойдем все вместе к тебе домой и соберем твои вещи.

Диана кивнула головой и молча встала из-за столика.

– Бог наказывает меня. Неужели это еще не конец?

– Ты что-то сказала?

– Нет, все в порядке.

– Да, сегодня переночуешь у нас, а завтра найдем что-нибудь подходящее для тебя.

– Что ты, Андрей, вы и так многое для меня сделали. Я не хочу мешать вам.

– Не говори ерунду, лучше пойдем быстрее отсюда.

Денис был в восторге от своей гениальной идеи придать Сергею облик Андрея и окончательно разрушить отношения между Дианой и Мариной.

В жизни Гоши и Веры было много вынужденных расставаний, но только сейчас он понял, кем на самом деле была для него жена. Это была тяжелейшая из разлук, которая сопровождалась тоской, исходившей не просто из того, что он находился вдали от Веры, а из страданий самого сердца, из самых потаённых глубин его души. Только сейчас, после физической смерти, Гоша осознал, что такое быть чьей-то половиной. Не плотское желание увидеть жену овладевало им, появилось какое-то новое чувство внутри, которое требовало воссоединиться с Верой.

Гоша прокручивал в голове кадры из увиденных пластин, вспоминая миллионы бессмысленных минут, часов, а порой и дней, своей жизни. Многие вещи оказались настолько пустыми, праздными и суетными, что хотелось кричать от отчаянья. Но было уже поздно. Находясь в безызначности, состоянии потери, Гоша понимал, какой это был действительно драгоценный «подарок» от Бога – его супруга, как мало времени он успел уделить ей, как низко он ее ценил, даже будучи «идеальным мужем» по мирским понятиям.

Гоша не переставал думать о той пластине, понимая, что это связано именно с ним. Именно он, самый родной, близкий и дорогой, чем-то причинил боль своей возлюбленной. Он понимал, что вряд ли сможет найти ответ на мучивший его вопрос, так как

его видение той или иной ситуации очень часто расходилось с тем, как ту же ситуацию видела Вера. Гоша впервые не испытывал чувства гордости, эгоизма и самовозвышения. Он впервые думал не о себе, а думал о чувствах своей жены, даже если они были раздuty, преувеличены и не имели веских оснований для возникновения.

Никто из находившихся в Чистилище не знал, сколько еще придется пребывать в этом месте, и лишь немногие, читавшие при жизни Библию, имели представление, что ждет их впереди. Поэтому Гоша понимал, что дорог каждый миг, что больше нет времени на обиды, на «уходы в себя», на разбирательства, на выяснения отношений.

Гоша ни на минуту не останавливался в своих поисках. Он даже не думал о том, чтобы покорять ниши ради комфорта. Его главная цель была всё той же – отыскать свою жену, которая так была нужна ему сейчас и которая сильно нуждалась в его крепком плече, несмотря на случившееся. Гоша сидел на грязной земле и размышлял о людях, которые встречались ему на этом нелегком пути. Удивительным оказалось то, что, несмотря на огромные толпы народу вокруг, мало кто говорил друг с другом, мало встречалось сплоченных групп или компаний. Тут каждый был сам за себя. Каждый думал о своей участи, и сочувствие было редкостью в этом месте. Постоянные крики и стоны падающих сверху новичков не давали возможности сосредоточиться и привести мысли в порядок. Хаос настолько утомлял, что, будь это Земля, люди просто вымерли бы от того, что перетоптали друг друга в порыве ярости и раздражения. Но тут всё было иначе. Найти уголок и успокоиться можно было, только попав в нишу.

Взгляд Гоши снова упал на ключ, который он держал в руке, размышляя о своих дальнейших действиях. Он впервые внимательно посмотрел на него, разглядывая мельчайшие детали, узоры и драгоценные камни. Внезапно, среди великолепия и сияния, в глаза бросилась еле заметная надпись, выгравированная на ключе: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божья». Только сейчас Гоша увидел, что ключ очень напоминал формой крест, который, по словам, на нем написанным, имел силу Божью.

Гоша интуитивно понял, что с помощью ключа он сможет найти путь, который приведет его к жене.

– Господь, поговори со мной, – Гоша поднял голову и руки вверх. Он не увидел там голубого и бесконечного земного неба, плывущих, порой напоминающих фигуры, облаков, а лишь темноту, но всё же настойчиво вопрошал: – В чем Твоя сила в этом ключе?

Внезапно всё тот же мягкий приятный голос ответил Гоше в разум: «Сила не в ключе, а в покаянье». Голос молчал, давая понять, что об остальном Гоша должен догадаться сам. Создатель никогда насильно не общается с людьми, Он лишь дает человеку сравнить свою жизнь без Него с теми возможностями, которые открываются, когда Господь каждую секунду жизни человека незримо несет его на руках. В конечном итоге только человек принимает решение: выстраивать эти отношения или нет.

Гоша старался успокоиться, так как был сильно взволнован, оттого что, возможно, нашел способ продвинуться в поисках Веры. Он стал вспоминать все обрывки информации о Боге, вере, вечности и покаянье.

Снова и снова перечитывал он строки на ключе, и в сердце зарождалось какое-то новое трепетное чувство. Складывалось ощущение, что душа наполнилась особой чувствительностью и ранимостью. Сокрушенный, отрешенный от окружающего, Гоша закрыл глаза. Он забыл обо всех текущих проблемах, он перестал думать о прошлом, настоящем и будущем, о поисках Веры. Он остался один на один с голосом, который, как был уверен Гоша, слышит Его.

«Господь, даже здесь я пытался спорить с Тобой и оправдываться. Прости меня. Я грешен и раскаиваюсь во всех не угодных Тебе поступках. Я принимаю Твою Божью силу через крест, на котором Иисус был распят за меня. Я верю, что за мои грехи пролилась Его кровь. Войди в мою жизнь и стань ее полноправным и единственным Хозяином. Аминь!»

Гоша впервые был так искренен с Богом, его молитва не содержала корысти либо желания отыскать Веру. Его душа настолько измучилась от какого-то духовного одиночества, что просто не было больше сил ни думать, ни искать жену, ни помогать кому-то.

Искренность сердца Гоши сразу дала свои результаты помимо какой-то неописуемой внутренней легкости и даже радости, Гоша увидел, что у основания ключа образовался еле различимый луч, указывающий направление.

Гоша вскочил на ноги, до конца не понимая, что бы это всё могло значить. Луч продолжал светить вперед. Гоша продолжал идти. Внезапно он заметил, как луч стал изгибаться, словно показывая дорогу. Сомнений не было: Бог указывал путь покаявшемуся грешнику. Гоша уже не шел, он бежал что есть силы, так как был уверен, что этот путь приведет его к Вере.

– Спасибо, Господи, – неописуемая благодарность, а также ощущение огромной поддержки и опоры переполняло Гошу до краев.

В это самое время, несмотря на сильное желание увидеть мужа, сердце Веры было ожесточено. Ее желание мотивировалось собственной беспомощностью, отсутствием поддержки и одиночеством. Она хотела увидеть мужа ради самой себя, а не ради того, чтобы простить Гошу и продолжать любить его, снисходительно относясь к его греховной сущности, ошибкам и заблуждениям.

На небе появилась серебряная луна, и Кирилл снова почувствовал связь с ней. С тех пор как погиб Ванюша, когда она появлялась на небе, что-то словно выталкивало его на воздух поприветствовать ее. Так было и в эту ночь. Луна робким светом прорастала сквозь крышу, готовая скрасить одиночество своим появлением на беззвездном небе. Тоска своими мощными и цепкими стеблями опутывала раненое сердце, повелевая подчиниться своим законам восприятия окружающего. Измученное сердце, заточенное в неприступной крепости одиночества, кровоточило, отравляя своими горькими слезами разбитую душу и усталое тело. Никогда ранее Кирилл не чувствовал себя настолько одиноким. Одиноким, как извилистая дорога, несущая темноту ночи мимо огней домов; как дерево над своим речным отражением; как осенний лист, первым покинувший ветку.

Рано утром Диана вновь отправилась к Кириллу. Это была ее последняя надежда. Она осталась совсем одна в этом мире. Но не в первый раз она попадала в такую ситуацию. Не первый раз в жизни ей пришлось столкнуться с одиночеством и непониманием. Занятая мыслями о предстоящем разговоре, она сама не заметила, как уже стояла на пороге дома, где когда-то, совсем недавно, ей были рады. Диана колебалась, но, набравшись смелости, позвонила. Никто не ответил. Тогда она повернула ручку двери, и та поддалась. В доме было тихо. Кирилл лежал на кровати и крепко спал. Это была первая ночь после смерти Вани, когда ему удалось уснуть. Шорох в комнате заставил Кирилла открыть глаза. Рядом стояла Диана. Не сказав ни слова, Кирилл снова закрыл глаза и отвернулся. Диана тихонько села на край кровати и осторожно провела рукой по его густым спутанным волосам.

Кириллу было приятно ощущать теплоту ее руки. Но он не только понимал, но и чувствовал, что представляет перед собой прежнюю Диану, ту милую, горячо любимую, с глазами, полными ясного света, который разливался теплом по всему телу, когда они смотрели на него, который пронизывал насквозь, и чувство блаженства и умиротворенности переполняло тогда через край.

Он безумно тосковал по той Диане, которая подарила ему настоящую любовь, и скорбел о том, что, поднявшись на высокую гору, хотел подняться еще выше, на крыльях счастья улететь высоко-высоко, но упал, провалился в глубокую бездну боли и несчастья, из которой уже не выбраться, и переломанные крылья не расправить вновь. Как он ни пытался простить Диану, все было тщетно. Любовь не умерла, нет. Но она стала невыносимо мучительной, что страшнее ненависти. Он продолжал любить, но прошлое, и не мог увидеть будущего.

– Неужели один миг может сделать людей чужими? Любимый, я не могу поверить, что мы стали другими, и обстоятельства смогли разрушить все, что было между нами, – Диана решила начать разговор первой.

Она не ожидала, что получит ответ на свой вопрос, но Кирилл,

повернувшись к ней лицом и убрав ее руку со своей головы, сел рядом с ней и сказал тихим, но уверенным голосом:

– Ваня и ты. Все, что у меня было. Но я потерял вас обоих. Ты права, Диана, чувства не могут исчезнуть в один миг. Говорят, что от любви до ненависти – один шаг, но и эта ненависть строится все на той же любви, но на такой, которая уже не приносит своего плода – дарить друг другу себя всегда и во всем, – а приносит боль от ощущения того, что ты хочешь, но больше не можешь любить. Мне не просто больно, моя душа не просто болит, а рыдает от того, что никакие обстоятельства не смогут вернуть мне тебя такой, какой мое сердце помнит тебя до всего случившегося. Плохое и даже ужасное можно забыть, забыть разумом, но душа моя будет стонать вечно, если ты останешься со мной. У нас нет выбора, дорогая моя Диана, не нужно причинять друг другу боль и дальше нашей с тобою любовью.

Он прижал ее к себе и крепко поцеловал в губы. В этом поцелуе не было страсти. Он был наполнен безысходностью и ставил точку на этой прекрасной, казалось бы, вечной истории любви.

Артур с сожалением наблюдал за происходящим. У него тоже не было больше сил. Он настолько устал бороться, что даже не мог до конца вникнуть в диалог Дианы и Кирилла. В его голове все смешалось. Он не мог верить в то, что видел. Он не мог осознать того, что цель, которая была так близка, больше не имеет смысла. Всё время, которое потребовалось на такое путешествие, было потрачено зря. И, что самое главное, человечество обречено жить без любви. Люди обречены быть неполноценными, «душевыми калеками».

Видя перед собой трагедию двух влюбленных, Артур видел трагедию всего мира. Перед ним вырисовывались картины бесперспективной жизни, лишенной всякого смысла. Серо-тусклые краски разрисовывали будущее без любви.

Все, что оставалось Артуру, это вернуться домой и постараться забыть обо всем, что произошло после смерти деда...

Два года спустя он так и оставался сидеть дома, пытаясь найти

повод, чтобы переступить через порог выстроенного вокруг себя мира, который был так не похож на тот, который располагался за его границами.

С братом Артур больше не виделся, до него лишь иногда доходили слухи, что он организовал собственный бизнес: Центр коррективы своего «Я». Артур даже думать не хотел, какие ценности прилагались к новому характеру каждого желающего исправить свое «Я», тем самым навсегда потеряв себя.

Вера не могла пошевелиться от навалившейся на нее тяжести. Силы ее полностью покинули, а предчувствие чего-то страшного и ужасающего привело к полной апатии и неспособности бороться. Она увидела над собой мужчину, который явно не хотел задумываться над тем, что написано у него на ладони, а желал лишь как-то убить своё время в этом месте. В ее широко открытые кричащие и молящие о помощи глаза смотрели другие: жаждущие, голодные, с безумным отблеском предстоящего наслаждения. Вера была не в состоянии кричать от сухости и спазмов в горле, она лишь тяжело дышала, плотно сжав дрожащие губы. Лицо, расплывшееся в ухмылке, приблизилось еще ближе. Мужчина желал морально унижить Веру, тем самым выплеснув на нее накопившееся чувство одиночества и никчемности. Попытавшись сделать рывок, она осознала, что это похотливое существо, когда-то называвшееся человеком, было не одно. Их было двое. Они не разговаривали между собой, а старались заставить Веру отвечать, выкрикивая в ее адрес унижительные фразы о том, что она, будучи женщиной, родилась только для того, чтобы ублажать мужчин. Изголодавшийся насильник снова навалился на Веру, слегка извиваясь, создавая эффект трения. Каждая клеточка тела Веры наполнилась отчаянием. Он уже не мог сдерживать свои желания. Одной рукой он стал продвигаться к заветной цели. Вера из последних сил попыталась согнуть ноги в коленях, но сильные руки прижали ее щиколотки к сырой земле, слегка раздвинув. Слезы градом покатались из глаз Веры, что, казалось, еще сильнее возбуждало эти ослепленные похотью тела, отказывающиеся слушать

голос разума. Просить помощи было неоткуда, а обратиться к Богу Вере не пришло в голову.

– Где же ты, Гоша? Гоша! Помогите! – из последних сил закричала Вера.

Сквозь пелену приглушенных звуков и нечеловеческих стонов ей почудились нотки знакомого голоса, это был голос Гоши. Она слегка улыбнулась и сильно зажмурила глаза в надежде проснуться от этого кошмара. Голос становился всё четче, он произносил ее имя. Краем глаза Вера увидела мужа. В ее душе не было радости и надежды, так как она с трудом понимала, что есть действительность, а что ей только кажется.

С разбегу сильным ударом ногой по лицу Гоша отшвырнул в сторону насильника, который сидел на корточках возле головы Веры и крепко прижимал ее руки к сырой земле.

Второй, продолжая лежать на Вере, не сразу сообразил, что произошло. Когда он поднял голову, тугая веревка из Гошиной бороды, накинутаая на шею насильника, перекрыла доступ кислорода и заставила его сдаваться. Силы были неравные, и справиться с этим моральным уродом Гоше не составило труда. Он душил это подобие человека, кулаками нанося точные удары по лицу. Понимая, что в Чистилище он не сможет добить этого подонка окончательно, Гоша не останавливался. До Веры доносились звуки сильных тупых ударов, неистово гневный рев мужа и жалостливые протяжные стоны двух мужчин. Находясь в состоянии шока, она с трудом понимала, что происходило вокруг нее. Когда существо замычало, глазами моля о пощаде, а под костяшками пальцев почувствовалась болтающаяся перегородка носа насильника, Гоша, одной рукой схватив его за волосы, а другой – за брюки, швырнул что есть силы в сторону. Насильник упал в том месте, где земля вокруг расщелины была усеяна многочисленными мелкими трещинами. В ту же секунду он с грохотом провалился вниз, в неизвестность, не успев ничего понять и предпринять каких-то действий.

Не до конца еще придя в себя, Вера вдруг ощутила теплоту ладони мужа на своем лице. Гоша прижал к груди свою измученную жену и впервые в жизни зарыдал во весь голос. Он чувствовал свою вину за всё, что произошло, но в то же время испытывал глу-

бокое раскаянье не только за это, а за всю свою бесцельно прожитую жизнь, приведшую его сюда. Какое-то неведомое чувство утешения пребывало с ним: чем глубже было раскаянье, тем острее Гоша ощущал невидимую духовную поддержку Свыше.

Кирилл внезапно проснулся от какого-то непонятного, еле слышного звука. Он непроизвольно сморщил лоб, так как кости неимоверно ныли от того, что ему приходилось практически каждую ночь проводить на больничном стуле возле Дианы. Несмотря на то, что она находилась в коме уже два месяца, надежда Кирилла на ее выздоровление с каждым днем только крепла. Взглянув на любимую девушку, он заметил незначительное подергивание мускулов на ее бледном лице и уловил легкое, практически незаметное шевеление губ.

Разговаривать громко было нельзя, поэтому Кирилл про себя стал буквально кричать с восторгом: «Слава Тебе, Господь! Я верил! Я знал! Спасибо Тебе!». Несмотря на сильное волнение и огромное желание крепко прижать Диану себе, Кирилл медленно и тихонько наклонился над ней. Он приблизился к ее губам. Сомнений не было, она очнулась.

Казалось, с момента, когда Кирилл видел Диану здоровой и веселой, прошла целая вечность. До сих пор у него перед глазами стояла ужасная картина того трагического, несостоявшегося семейного ужина с родителями девушки. Снова мелькали в сознании и не давали покоя обрывки воспоминаний: внезапный хлопок и чудовищный взрыв где-то за стеной, как потом стало ясно – от утечки бытового газа; бесформенные, тяжелые обломки стены, градом летящие на Диану; густой туман из пыли, стремительно проникающий в ноздри; еле различимые крики присутствующих. Это всё, что помнил Кирилл о том вечере. Абсолютно все, кроме Дианы получили лишь незначительные ушибы. Травмы Кирилла, Марины и Виктора были скорее психологическими. Они на протяжении двух месяцев пытались найти ответ на вопрос, почему это случилось. Что это: стечение обстоятельств, воля случая или судьба? Никому даже в голову не пришло, что это был Божий за-

мысел. То, что выглядело трагедией и несчастьем, на самом деле было спасением для Дианы.

Молитва Клавдии Федоровны оказалась своевременной, и по ее просьбе, доставленной через Ларчи, Господь решил вмешаться в земные события того дня, за которым для Дианы могла начаться совсем другая жизнь, которую она и «прожила», находясь в коме. Господь остановил Диану на моменте, когда она вот-вот собиралась солгать Кириллу и разыграть перед ним семейный спектакль.

Гоша молчал, продолжая обнимать жену. Он просто не знал, какие подобрать слова и что предпринять, чтобы хоть как-то помочь Вере. Да и какие слова могут облегчить ее страдания? Прикосновения мужа действовали на Веру, как успокоительное средство. Она постепенно приходила в себя, а дыхание становилось ровнее. Вера открыла опухшие от слез глаза и посмотрела на Гошу.

– Я хочу поговорить, – прошептала Вера.

– О чем, милашка? – так Гоша называл свою жену наедине.

– О той пластине.

– Нет, только не сейчас, – непонимающе запротивился Гоша. – Тебе нужен покой, сейчас не подходящее время для этого разговора.

– Как раз самое подходящее, – Вера перебила мужа. – Я хочу окончательно избавиться от этой душевной ломки, я устала думать об этом. Я не чувствую ни покоя, ни мира, как я могу тогда прийти в себя?

Гоша понял, что логичные рассуждения Веры, как и в большинстве случаев, верны. Лучше раз и навсегда покончить с этим всем и начать залечивать ее душевные раны, пока еще есть время, которое может закончиться в любую секунду. Гоша понимал, что если Вера начнет снова вспоминать увиденное на пластине и пересказывать, это подорвет ее психику, и разговор получится очень тяжелым.

– Хорошо, закрой глаза, дай мне пару минут тишины, чтобы подготовиться к разговору.

Вера молча кивнула головой и закрыла глаза. Гоша лег рядом на спину и снова посмотрел вверх, обращаясь к Создателю: «Господи, умоляю, покажи мне то, что увидела Вера на той пластине. Прошу, открой мне эту часть моей жизни». Гоша тоже закрыл глаза и стал ждать. Господь услышал его: перед Гошей стали возникать сюжеты его земной жизни.

Вот он идет с женою по парку центральной набережной их родного города, а навстречу, взявшись за руки, неуклюже катится на роликах влюбленная парочка. Гошины мысли снова и снова возвращаются к Катюше. Ему не хочется их останавливать, он лелеет воспоминания о том, как они также когда-то катались, взявшись за руки. Он стал вспоминать ее очаровательную улыбку и нежные, когда-то такие сладкие, губы.

А вот Вера готовит ужин: такая родная, в фартуке, слегка уставшая, она стоит у плиты. Пока Гоша ждет, его мысли снова возвращаются к Катюше. Они не ограничиваются воспоминаниями о тех блюдах, которые получались у нее лучше всего, они жаждут большего: вспомнить те чувства, которые испытывал Гоша, сидя рядом с ней вечером в интимной обстановке. Как же она была мила и прекрасна!

И снова меняется картинка. Гоша нежно ласкает шею жены, покрывая ее поцелуями, наслаждаясь ее теплым телом. Он параллельно вспоминает запах Кати, пытается воссоздать те ощущения, которые испытывал во время близости с ней. Возбуждение нарастало, и волна удовольствия поглощала Гошу целиком.

«Хватит, – прошептал Гоша. – Я понял». Вскройся это там, на Земле, Гоша с трудом бы догадался, в чем, собственно, он виноват. Ведь он по-настоящему искренне любил Веру, а мысли о прошлом не причиняли никому никакого вреда, да и кто из нас вольно или невольно не вспоминает о прошлом. Но обостренное чувство близости с Богом в Чистилище через совесть обличало его.

– Он догадался, – Гнилус топнул своей скрюченной ногой, наступив тем самым себе на другую.

Да, Гоша догадался, как, сами того не замечая, люди подсаживаются на крючок воспоминаний, выходя за пределы всплывающих в разуме картинок из прошлого, подписываясь под приговором: «Виновен».

Абсолютно каждый, даже самый светлый человек, искушаем. Темные силы имеют доступ к нашему разуму. Люцифер и его служители выбирают для завоевания душ именно этот способ, эту хорошо продуманную и отработанную обманную стратегию – сеять «зерно сомнения» в разум человека, забивать его ложной информацией, ведущей к гибели. Поначалу они атакуют человеческий разум мелочными придирками, подозрениями, страхами и рассуждениями. Они действуют не торопясь и очень осторожно. А куда торопиться? Главное, успеть до момента, когда человеческая жизнь оборвется. Они изучают нас, знают, что нам нравится, а что нет. Им известны все наши «болевые точки», что беспокоит и расстраивает нас сильнее всего. Чтобы одержать над нами победу, они готовы ждать. С терпением у них нет никаких проблем.

Служителей Сатаны не интересуют наши поступки: ведь сегодня мы добродетельны и щедры, а завтра – жестоки и беспощадны. Человек очень непостоянен. Мы есть то, о чем мы думаем! Именно поэтому темные силы всегда, покуда жив последний на Земле человек, будут подбрасывать нам мысли разного рода. Сами по себе эти мысли безобидны, если, услышав их, мы говорим себе: «Стоп». Однако вся уловка заключается в том, что Господь наделил нас фантазией и внутренним, невидимым для окружающих, зрением. Вот именно там, в своем скрытом от окружающего глаза мире мы начинаем грешить. Не стоит бояться самих мыслей; услышав очередную, нужно принять оборонительную позицию. Сатана – знаток человеческой души, он знает «слабые места» каждого из нас и способен преподнести нам грех в красивой, манящей упаковке. Сколько наслаждения мы, порой, испытываем, разворачивая эту упаковку. Однако внутри нее – вовсе не шоколадная конфетка или апельсиновый леденец, в ней – сплошная горечь. Возможно, ее привкус вы и не почувствуете сразу, но, поверьте, настанет день, когда эта конфетка даст о себе знать.

Не открывая глаз, Гоша взял Веру за руку:

– Господь мне всё показал.

– И что? – тихо спросила Вера.

– Я только сейчас понимаю, что я наделал. А тогда, на Земле, поверь, мне даже в голову не приходило, что я чем-то наношу тебе

вред, а уж тем более самому себе. После встречи с тобой Катя осталась в прошлом.

– В прошлом, – с иронией и нотками раненой души повторила Вера.

– Милая, я никогда не думал о том, чтобы вернуться к ней, найти ее, быть просто друзьями. «Люблю» – можно сказать лишь однажды, одной женщине, и этой женщиной для меня всегда была ты, – Гоша повернулся к Вере и стал гладить ее уставшее и измученное тело рукой.

– Неужели ты думаешь, что от твоих оправданий мне становится легче?

– Раньше думал именно так. Я предавал тебя, хотя и не понимал, прости меня, любимая. Были бы мы живы – я бы до конца жизни старался показать тебе, что моя любовь к тебе – искренняя и действительно настоящая.

С одной стороны, Вера почувствовала небольшое облегчение, но с другой, четко осознавала, что никакие слова Гоши не смогут избавить ее от чувства, разъедающего изнутри. Только она сама способна сохранить мир в своей душе, простить, поверить и надеяться. Хотя на что надеяться? Земная жизнь уже позади, и финал брака оказался не таким уж радужным, как представлялось.

Пока Вера лежала молча, размышляя над словами мужа, Гоша снова вспомнил Катюшу. Он воссоздал в своем воображении их последний разговор и последние фразы этого разговора. «Только обещаю тебе, что никогда не забудешь обо мне, даже когда ты будешь женат, любим, счастлив, ты будешь вспоминать меня. Прошу тебя, оставь меня в своих воспоминаниях навечно», – Катюша заплакала, оттого что не могла прикоснуться к Гоше, а только слышала его голос, доносившийся из телефонной трубки. «Обещаю», – сказал Гоша с едва уловимой дрожью в голосе и положил трубку. Они расстались не по своей воле, под натиском серьезных угроз со стороны Катиных родителей Гоша решил отступить, глубоко в душе, на уровне подсознания, понимая, что Катюша – не та женщина, которая будет рядом с ним всю жизнь, хотя и очень любил ее.

«Не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою», – предостерегает нас Господь. Пообещав Катюше помнить

ее, Гоша сохранил с ней невидимую душевную связь. Через нее темные силы беспрепятственно проникали в Гошин разум, постоянно подкидывая сладкие воспоминания из прошлого. «Обещаю», «клянусь» – эти, казалось, безобидные слова, со временем, может, и потеряют свою значимость для человека ввиду его непостоянства, изменения мировоззрения и принципа «время лечит». Но только не для духовного мира, который будет пользоваться малейшей возможностью, чтобы ненавязчиво, без подозрений напомнить человеку о его обещаниях, разрушая прошлым настоящее.

Чем обусловлена любовь вне брака и что созидает законный семейный союз? Думаю, многие из вас замечали, как порой чувства, не вписывающиеся в рамки «чистоты и святости брака», ощущаются намного острее. Влюбленные парочки, не связанные семейными обязательствами, испытывают огромный накал чувств, встречаясь с препятствиями на пути к их любви, а многие давно женатые пары даже в сравнение не ставят огонь сексуального возбуждения на стороне с тем, что происходит между ними в браке, благословенном Богом.

На самом деле, всё очень просто и банально. Отношения двух людей вне брака мотивируются плотью, а отношения семейной пары в законном браке – безусловной любовью друг к другу. Какое чувство приятней испытать, какое легче, и кто за этим стоит?

Люцифер умело помогает нам строить отношения на основе собственного эгоизма: мы хотим получать любовь, стать счастливыми за счет другого человека. Мы погружаемся в те эмоции, которые выбираем: если отношения приносят нам ожидаемое – мы летаем на крыльях, если отношения не оправдывают наших ожиданий – значит, мы ошиблись с выбором. Сексуальная сфера таких отношений строится на плотском инстинкте: либо в партнере мы видим только то, что хотим видеть, либо наслаждаемся лишь прелестями физического тела. Похоть приносит бурю эмоций, невероятных ощущений. Разжечь ее не составляет особого труда – она словно главенствует над нами, вырываясь и изливаясь ярчайшими красками, событиями и ощущениями.

Законные отношения созидает и благословляет Господь. Он учит нас любить безусловно, учит не брать, а отдавать, не ожидая обратной отдачи. Легко ли испытать в один миг массу положи-

тельных эмоций, глядя на свою половину, полную недостатков, которая разочаровывает, не соответствует нашим ожиданиям? Легко выстроить отношения по такому принципу, мирясь, казалось бы, с полной несправедливостью? Такая же картина складывается и в наших интимных отношениях: так ли просто мотивироваться и возбуждаться не похотью, постоянно твердящей: «Еще, хочу еще», а желанием доставить удовольствие человеку, которого ты знаешь изнутри со всеми недостатками? Не каждая пара способна выстроить такие отношения, когда взаимная безусловная и бескорыстная любовь друг к другу в миллионы раз перевесит плотскую сущность. Глубину таких чувств в отношениях достичь и пронести через всю жизнь достаточно сложно – это огромный труд, который в результате принесет так желаемые нами плоды, которых мы никогда не испытаем, движимые эгоистическими целями и ослепленные похотью.

То же случилось с Гошей и Верой.

– Прощаю, – ответила Вера и снова заплакала. Визуально тема была закрыта, но на самом деле все только начиналось: Вере предстояло обрести мир и это прощение на уровне сердца, а не только слов.

– Я хочу произнести тост, – Кирилл, слегка нервничая, встал. Пока разговоры затихали, он мимолетно прошелся взглядом по присутствующим: Марина, держа Виктора за руку, что-то нашептывала ему на ухо, а он, в ответ на эти нашептывания, загадочно улыбался; Ваня так увлекся поеданием его любимых тефтелей в сырно-томатном соусе, что, казалось, его больше ничего в этой жизни пока не интересовало; Диана уже о чем-то бурно спорила с приглашенной в гости Клавдией Федоровной, но, судя по их лицам, тема спора была приятна им обоим. «Пора», – подумал Кирилл и сказал вслух:

– Пользуясь случаем, я хочу сделать важное заявление! Посоветовавшись с Ваней по дороге сюда, мы решили попросить Диану согласиться стать моей женой и мамой Вани.

В эти секунды Диана испытала неимоверную радость, пере-

полнившую ее и заставившую прослезиться. Это единственное, о чем она мечтала и желала больше всего на свете последнее время. Она мечтала стать частью их семьи. Диана поднялась со стула и протянула одну руку Кириллу, а другую – Ване, который ради такого важного момента в своей жизни отвлекся от поедания любимых тефтелей. Когда они втроем взялись за руки, любовь обрела свою видимую форму и поднялась в виде нежнейшего розового облачка над праздничным столом. Правда, только Артуру довелось это увидеть и бережно поместить ее в последний девятый сосуд. Денис и его незримый помощник Величавый потерпели поражение. Это и неудивительно. Когда в основании жизни человека заложена праведность и неугасаемое желание бороться за чистоту своего разума и сердца, попытки Сил Тьмы погубить его душу, даже самые изощренные и хитрые, обречены на провал.

Денис был раздражен от того, что его планы не смогли воплотиться в реальность, как он того задумывал, а также разочарован в могуществе Величавого и всех тех, кто был подобен ему. Величавый же горечи поражения не испытывал. Всё только начиналось. Иногда нужно проиграть битву, чтобы выиграть в войне. А впереди Кирилла и Диану ждала эта нелегкая семейная жизнь, таящая массу неожиданных поворотов судьбы и увлекательное многолетнее представление снятия масок.

Раскат грома, буквально оглушивший каждого присутствующего в Чистилище, застал Гошу и Веру карабкающимися на нишу «Носите бремена друг друга». С помощью веревки из Гошиной бороды им удалось на какое-то время взобраться и поселиться в нише: «Не поручайся за долги». Вера по отвесной стене потихоньку, осторожно поднималась вверх, стараясь не упасть, когда от раздавшихся звуков всё вокруг содрогнулось, и Вера кубарем покатила вниз.

В секунду в Чистилище впервые за все время воцарила тишина. «Ну, вот и все. Конец», – пронеслось в голове у каждого. Гоша, не раздумывая, спрыгнул. Несколько секунд супруги приходили в себя. Страх смерти показался ничем по сравнению с чув-

ством ожидания, неизвестности и близостью встречи с чем-то или Кем-то могущественным. Чистилище снова затрясло, сверху посыпались камни, песок и пыль. Опустился густой туман. Все смотрели вверх, ожидая, что именно оттуда за ними придут, но ничего не происходило. Тишина стала постепенно заполняться голосами, люди снова начали впадать в панику. Правда, не все. Многие, даже убежденные атеисты на Земле, падали на колени в глубоком покаянии, правда, не от желания познать общение с Творцом, а из-за страха навечно погрузиться во что-то ужасное и леденящее кровь.

Гром застал всех жителей Чистилища неожиданно, в то время, когда каждый продолжал заниматься уже привычными для Чистилища делами: за карабканьем в ниши, за бездействием от чувства обреченности, за поисками родных и близких, за «убиванием времени» и прочими занятиями.

Инга, с помощью которой Марина избавилась от Дианы, сидела в нише «Почитание родителей», замкнувшись и ушедшая «в себя». Галина Романовна, мать Гоши, тихо молилась всем известным ей святым, но только не Самому Богу, о спасении души сына, невестки и мужа. Женя, который не имел на ладони никаких надписей, молился и сомневался, справедливо ли его пребывание в Чистилище, а также вспоминал свои добрые дела, чтобы защищаться на Суде. Егорка, утонувший в лагере, который попал в Чистилище по вине не удержавших чистоту и святость родителей, катался на импровизированной горке. Папа Гоши, которого так и не удалось найти в Чистилище, проклинал всё и вся вокруг за серое земное существование, лишённое каких-либо радостей и ярких событий. Морально деградировавший парень, который пытался изнасиловать Веру, подстерегал очередную жертву для своих развлечений.

Лежа на земле, чихая от пыли, попадающей в глаза, нос и рот, Гоша случайно обратил внимание на свою ладонь: она была чиста. Полное глубокое раскаяние и покаяние, а также возложение всех своих надежд на Господа стерли с его ладони все надписи. Гоша судорожно схватил Веру за запястье, повернув ладонь к себе: она была полна фраз, стремительно несущихся одна за другой.

– Вера, – в отчаянье прокричал Гоша, осознав, что может ее

ожидать в скором времени, как вдруг любимая жена, шедшая с ним рядом по жизни, осветившись ярким, непривычным для Чистилища светом, исчезла. Моментально по Чистилищу пронеслась новая волна паники и ледящего душу страха: люди, один за другим, стали пропадать на глазах.

Денис не находил себе места от злости, охватившей его. Он сидел в кафе и обдумывал причину своей неудачи. Вновь оглядевшись, он все еще не мог понять, что такого чудесного несет совместная жизнь мужчины и женщины. Он искоса поглядывал на влюбленные парочки, которые мило беседовали и ничего не замечали вокруг, и пытался представить себя на их месте.

«Господь, – обратился Денис к небесам, – ну, если любовь – это что-то действительно важное в человеческой жизни, то надели меня ею». Бог видел Дениса насквозь, и поэтому прекрасно понимал причину этой просьбы: познать это великое чувство из любопытства и доказать всем и каждому, что оно ничего не значит.

«Ты полюбишь прямо сейчас», – сказал Господь. Денис вскочил со своего места от испуга, оглянулся и задрожал. Словно струя теплого воздуха окатила его с головы до ног. Не успев прийти в себя, он поднял голову и прямо перед собой увидел ее.

Рита неторопливо, демонстрируя безупречность своей фигуры, прошла между столиками и заняла свободный у окна прямо напротив Дениса. Она уже была готова к новому роману и новым отношениям, которые будут, как она надеялась, не столь коротки, как предыдущие.

И тут Денис понял, что, призвав Бога, получил ответ. Ответ, которого он совсем не ждал, так как был уверен, что Бога не существует. Эта уверенность подтверждалась для него изо дня в день, крепла из года в год, по мере того как Бог отказывался выполнять его эгоистические просьбы и давать ответ на молитвы Дениса.

Услышав четкий чужой голос в своем разуме, Денис так растерялся, что со стороны выглядел довольно странно. Кроме того, он почувствовал, что внутри него, где-то в груди, что-то заныло, появились новые для него ощущения. Когда он поднял голову и уви-

дел Риту, он снова почувствовал это в себе, ощущение, которого не испытывал ранее никогда: сердце застучало в два раза быстрее, ноги стали ватными, а после навалившейся слабости появилось необычайное волнение, смешанное с легким головокружением.

Денис понимал, что эти чувства не являются естественными для него, но после нескольких попыток задавить их, он также понял, что бороться с ними бесполезно. Внимательнее посмотрев на Риту, он восхитился ее фигурой и красотой. Она была настолько ухожена, что хотелось только сдуть с нее пылинки, не дотрагиваясь, чтобы ничего не испортить в ее облике.

Рита, расставшись со своим молодым человеком, анализировала причины своего вот уже седьмого неудачного романа. Она молча сидела за столом и думала: «Нет, все-таки моей вины тут нет. Ну, я, по-моему, безупречна в своем совершенстве. Видимо, дело в том, что и Сашка оказался не в моем вкусе. Отсюда надо раз и навсегда запомнить, что встречаться с блондинами не нужно. Так, что еще? С высокими, широкоплечими тоже не нужно. Ой, а Боря был не так уж и широкоплеч. Так, что же? Ну, и какой мой тип мужчины? Шатен среднего роста среднего телосложения? Ну уж нет. Нет, нет. Я заслуживаю большего. Видимо, дело в их взглядах на мир, на жизнь. Ой, что-то я глубоко копнула. Ну уж, однозначно, – только не кудрявый. Вот какой угодно, но только не кудрявый. Терпеть не могу. Ох, что ж, будем искать достойного».

Оглядевшись, Рита поняла, что совершила ошибку, сев именно за этот столик: напротив нее сидел молодой человек, который, не скрывая своего интереса, наблюдал за ней и открыто рассматривал ее. «Ну вот, – Рита, поспешила встать и пересест за другой столик. – Если этот кудрявый заговорит со мной, то вечер будет испорчен окончательно. Как нелепы эти кудряшки!»

Увидев, что Рита встала, Денис вскочил со своего места, и какая-то неведомая ему сила буквально подтолкнула его к этой милой особе.

Денис не собирался говорить с Ритой, так как понятия не имел, что и зачем нужно говорить. Он лишь чувствовал, что после слов Бога между ним и Ритой образовалась какая-то невидимая связь. Словно их сердца связали невидимым проводом, и Денис ощущал,

как просыпаются в нем новые чувства, переживания, переполняющие сердце и буквально выливающиеся через край и обволакивающие своей теплотой с головы до ног.

Денис стоял перед Ритой, загородив ей дорогу. Он смотрел на нее и чувствовал, как провод становился все толще и уже не одна веревка, а словно целые невидимые полотна тканей окутывали его вместе с Ритой, превращая в одно целое. Денис ощутил такое единство с абсолютно незнакомым для него человеком, что ему стало даже страшно.

Рита начала нервничать, оттого что молодой человек не только не хотел пропускать ее, но и не отвечал на ее вопросы и просьбы. Она попросила его отойти, но он не отреагировал, тогда она сказала какую-то грубость, на которую ответа также не последовало.

Когда Рита собиралась уже звать на помощь, Денис заговорил с ней:

– Девушка, я сейчас нахожусь в таком состоянии, что не могу выразить свои ощущения словами.

– Пропусти, а то хуже будет, – Рита наконец-то смогла оттолкнуть Дениса и освободиться от его навязчивости. Она даже не задержала взгляда на нем и вышла из кафе.

После того как дверь захлопнулась, Денис услышал сигнал, который говорил о том, что пора возвращаться домой, так как время пребывания на этой остановке из прошлого истекло. У Дениса впервые за всю его жизнь сердце вдруг сжалось от боли, вызванной тем, что разорвалась связь между ним и Ритой. Он, едва сдерживая свои эмоции, выбежал на улицу и направился в сторону безлюдных улиц на окраине города, где ему надлежало покинуть прошлое. И чем дальше он удалялся, тем сильнее ныла душа, оттого что окутавшие его полотна ткани были разорваны и ощущение теплоты и умиротворенности сменилось чувством утраты, невыносимой беспричинной тоски и боли.

«Господи, – взмолился Денис, чувствуя, что еще немного и эти чувства настолько завладеют им, что он уже не сможет сдерживать рыданий, – что это за муки такие? Когда их чувствуют люди? Отпусти, я не могу больше терпеть этого».

«Ты сам желал познать любовь. Вообрази, что же чувствуют люди, когда любят друг друга, если в результате расставания они

ощущают то, что ощущаешь сейчас ты. Что сильнее может быть, чем любовь?» – спросил Господь.

Впервые за долгое время Денис испытывал чувство подавленности и дикой усталости. Он не желал больше продолжать этот мысленный диалог с Богом. Он хотел быстрее добраться до места, где должен был отправиться домой, и надеялся, что родные стены позволят ему справиться с обуревающими его новыми чувствами. Но Господь не позволил этому случиться.

Денис, глянув на часы, понял, что должен поторапливаться. Бродить по улицам этого надоевшего города ему было уже давно не интересно. В очередной раз он мысленно произнес желаемое: оказаться на другом конце города рядом с времяпоглотителем. Он так привык, что любое, самое безумное его желание тут же исполняется не без участия Величавого, что сильно разозлился, когда его мысли остались лишь мыслями, а он продолжал идти к назначенному месту. Осознав, что сверхъестественные способности покинули его, Денис ускорил шаг. Величавый надменно улыбался: «Разочаровался во мне? Ну что ж, удачи... Живи по земным законам, человеческая букашка». Денис не укладывался во времени, он уже бежал, но тщетно. Когда время, отведенное на возвращение домой, истекло, Денис остановился, пытаясь отдышаться. «Бог, верни меня домой», – снова взмолился Денис, вытирая со лба липкие капли пота. Ответа не последовало. Ему предстояло остаться в мире, который он так ненавидел и не понимал. Денис с яростью сжал кулаки и посмотрел на небо.

Люди, пропадающие из Чистилища, в один момент оказывались в новом зале. На этот раз зал был чист и хорошо освещен, несмотря на то, что в нем не было окон, люстр и ламп. Он был круглым, можно было видеть стены, в то время как потолок снова был бесконечно высок.

Несмотря на приятность обстановки, отсутствие сырости и затхлого запаха, страх продолжал расти так, что, казалось, это был уже предел эмоций, которые не способен выдержать даже самый психически устойчивый человек. Это было вызвано тем, что люди

утратили возможность говорить между собой. Им оставалось лишь погрузиться в мысленный диалог с самими собой.

Вера изучала лица окружающих, чтобы найти знакомые. Она снова прошла через потерю мужа и осталась в полном одиночестве, несмотря на то, что сотни людей окружали ее. У Веры не хватало больше сил о чем-то думать, отчаянье наполнило ее до краев. Всю свою жизнь она отдала семье, сыну, окружающим, она стремилась быть лучше и чище, а в итоге пожинает предательство мужа, попытку изнасилования и потерю сына. Чувство несправедливости, непонимание, почему с ней так обошлись жизнь на Земле и посмертное существование в Чистилище, убивали последнюю надежду на покаяние, глубокое прощение мужа и обращение своего лица и сердца к Богу. Не подумайте, что она не призывала Господа, еще как призывала: «Господи, чем я провинилась перед тобой? Господи, за что мне всё это? Господи, дай мне чувство прощения и мир на душе! Дай, дай, дай!» Но не это: «Прости и прими меня».

Внезапно в одном из участков круглые стены разошлись, и образовался проход. Никто никого не приглашал, никаких сопровождающих не было, каждый без слов понимал, что наступила его очередь дать отчет на Суде. Двери открывались, кто-то входил в них, они закрывались, потом снова открывались, и заходил следующий. Уже никто не выходил из этих дверей, они были последними, ставящими окончательную точку земной жизни.

Когда дверь открылась в очередной раз, Вера поняла, что она открыта для нее. Судорожно сглотнув, она направилась туда, куда мечтает заглянуть пытливый ум человечества всех времен и народов. Мимо мелькали лица незнакомых людей, ожидающих своей очереди. Последнее, что увидела Вера, было постаревшее лицо незнакомой женщины. В этот момент что-то внутри на мгновение кольнуло и отозвалось печалью. Если бы Вера только знала, что прошла мимо Ирины Леонидовны, приёмной матери ее Илюшеньки. Если бы она только знала, что ее сын уже давно вырос, повзрослел, успел состариться, умереть и находится тоже где-то здесь, ведь понятия времени уже не существовало. Покидая навечно Землю в разные эпохи, все люди оказывались на Суде в один и тот же момент.

Двери бесшумно закрылись. Место Божьего присутствия, в котором оказалась Вера, было переполнено Славой и Святостью. Усталая и измученная женщина предстала перед Божиим Престолом. Ее земные поступки, тайные мысли и скрытые мотивы обнажились и стали предметом обсуждения собрания Святых, присутствующих на Суде вместе в Господом. Кто-то в этом месте испытывал облегчение, радость и принятие, но большинство – стыд и позор, от которого уже некуда было деться и невозможно оправдать.

Для последнего решающего действия Артур расположился в гостиной своего дома. Она имела сферическую форму, а потолок заменяли стекла, которые освещали комнату со всех сторон. Артур освободил помещение от посторонних предметов и мебели, посередине поставил круглый столик и расположил на хрустальном блюде по кругу девять хрустальных сосудов с газообразным розовым веществом. Посередине Артур поставил десятый пустой сосуд, выполненный в форме человеческого сердца.

Закрывшись в комнате, Артур приступил к самому волнующему моменту, которого он так долго ждал. По очереди Артур осторожно переливал любовь в хрустальное сердце, которое становилось все ярче и горячее. Когда последний девятый сосуд опустел, а хрустальное сердце целиком наполнилось, лучи весеннего солнца стали не просто пробиваться через стекло на потолке, а буквально врываются в комнату, желая согреть сосуд с чем-то фантастически прекрасным, излучающим доброту, несущем истину и спокойствие.

Артуру на мгновение показалось, что комната начала сотраться от силы, которая пыталась туда ворваться, стены словно распирало от чего-то невидимого, а свет струился с потолка и изливался на хрустальное сердце.

Артур от волнения упал на колени и приблизился к столику вплотную, чтобы можно было детально разглядеть, что происходит с сердцем. Газообразное вещество постепенно трансформировалось в жидкость и, казалось, закипало. Внутри хрустального

сердца бушевала настоящая буря, которая была готова вот-вот вырваться наружу. Артур боялся, что еще чуть-чуть и сосуд взорвется и наступит конец, но внезапно стенки хрустального сердца стали таять, словно ледяная фигурка под лучами солнца. Они стали настолько тонкими, что Артуру казалось, что это уже не стенки, а невидимая тончайшая оболочка, в которой находилось чудо. Артур не удержался и дотронулся указательным пальцем до стенки сердца и почувствовал, что это уже не хрусталь, а что-то непостижимо нежное. На глазах у Артура сердце не только стало алым, теплым и буквально живым, но на нем стали проявляться тончайшие нити-сосуды, по которым бежала золотая искристая жидкость. Это было так неопишимо красиво, что Артур просто не мог оторвать глаз от всего происходящего. Внезапно сердце стало увеличиваться в размерах, и оболочка наконец-таки лопнула, мгновенно испарившись, а сердце забилося.

Переступив порог Рая, Гоша почувствовал необъяснимую легкость и полное освобождение от когда-то такой родной и привычной земной жизни. Он помнил всех: Веру, Илюшеньку, родителей, но чувства горечи не испытывал, так как в этом месте с негативными эмоциями и воспоминаниями было покончено навечно. Глазами он искал их, в надежде встретиться и поделиться неопишмым чувством радости, охватившим всё его существо.

— Извините, Вы не подскажете, как мне увидеть моих родных? — Гоша обратился к Гауди — ангелу, который знакомил его с окрестностями Рая.

Слегка повернувшись к Гоше лицом, Гауди продолжал идти вперед, а Гоша заметил лишь проблеск сожаления в его глазах. Молча они пошли дальше.

Ах, какое же это было чудесное место! Вы только представьте, там по небу, чистому и лазурному, переливающемуся всеми мыслимыми и немыслимыми оттенками голубого цвета, словно проплывает небесный город, весь белоснежный и сияющий своей святостью. Приближая к нему свой взор, мы погружаемся в палитру новых неземных красок, неопишимо красивых; мы слы-

шим, как каждый уголок Небес поет, наполняя весь город Хвалой и Прославлением его Создателя, подарившего человеку это место, где уже никогда он не почувствует себя одиноким, никчемным и никому не нужным. Только принятие и огромная бескорыстная любовь царят в этом городе-мечте.

Артуру показалось, что стук хрустального сердца проник в него настолько, что заглушил стук его собственного. Он торопливо поднялся с колен и с восхищением посмотрел на сердце сверху. От каждого удара комната наполнялась какой-то невероятной силой, а воздух продолжало распиравать. Казалось, что еще чуть-чуть и эта неземная сила, которая совсем недавно стремилась проникнуть в сердце, теперь, получив мощнейший заряд положительной энергии, жаждала покинуть эту комнатку, которая была так мала для нее.

Эдуард Альбертович немного ошибся в расчетах, считая, что любой, кто увидит сердце, познает любовь. На самом деле вся комната, в которой находилось сердце, была уже едина с ним. Воздух был пронизан необычайным ароматом нежности и доброты, он придавал столько жизненной энергии и положительных эмоций, что находиться в комнате было уже просто невозможно.

Концентрация любви была настолько высока, что Артур почувствовал, что больше уже не может вместить в себя это чувство, которое заполнило его сердце до краев новыми переживаниями и ощущениями.

В следующий момент в стенах комнаты стали образовываться тысячи мельчайших дырочек, сквозь которые наружу стала пробиваться любовь. Артур, поняв, что этому явлению необходимо дать свободу, стал распахивать все окна и двери своего дома. Когда любовь добралась до входной двери и окон, то дом на мгновение снова встряхнуло, а потом произошло невероятное. Любовь, подобно ядерному взрыву, в несколько секунд пожирающему все живое без остатка, излилась на Землю, преобразовывая ее до неузнаваемости: на смену серости и унынию приходила свежесть, радость и благодать.

Так как все произошло очень быстро, люди не понимали, что с ними происходит. Они не знали, что изменило мир вокруг, наполнив новыми красками, и что за новые ощущения они испытывали в своем сердце.

Господь дал человечеству еще один шанс научиться любить друг друга. Выбор за человечеством: удержаться и сохранить этот дар в себе навечно или снова погрузиться во тьму и бессмысленное существование, подчиняясь нескончаемым желаниям своего эгоизма и продолжая ублажать свою ненасытную плоть.

Каждый клочок земли Ада, этого жутчайшего места, был забит человеческими телами. Повсюду были слышны стоны и скрежет зубов. Жуткий и омерзительный трупный запах гнили и разложения бил в ноздри так, что дышать было невыносимо. Да и дышать приходилось с трудом: горячий и сухой воздух сильно высушивал гортань. Следует добавить к этому смраду запах серы и подпаленной кожи. А серные запахи не просто омерзительны – они приносят человеку невыносимые психические страдания: сероводород, которым пахнут протухшие яйца и другая гниющая органика; тошнотворно-приторный запах бытового газа – «аромат» аналога метилового спирта, в котором единственный атом кислорода замещен атомом серы; трудновыводимый запах скунса – тот же спирт, в котором кислород замещен на серу.

Вера, оторвав свой взгляд от обуглившейся земли, краем глаза стала осматривать окружающих, чтобы хоть как-то отвлечься от малосвязанных вялотекущих мыслей, опутавших ее разум. Недалеко от себя она увидела бывшую свекровь.

Галина Романовна, на Земле, казалось, духовная, переполненная состраданием женщина, наделенная необычайной кротостью и смирением, всю свою жизнь просящая помощи только у святых, так и не смогла постичь самого Господа. Кроме того, она не смогла соблюсти основную заповедь: она жила ради сына, который, незаметно для нее самой, стал ее идолом. Вряд ли там, на Земле, вы найдете более образцовую мать, но было большой ошибкой ставить Гошу, горячо любимого сына, в центр ее жизни. Галина Ро-

мановна смысл своего существования видела только в нем, в своем дорогом и единственном ребенке, который восполнял ее чувство одиночества от неудавшегося брака, в котором она не была счастлива и в полной мере востребована мужем как женщина. В Книге Жизней ее имени не было, так как в молитвах с Господом лично Галина Романовна не общалась.

А вот и еще одно знакомое лицо – Инги, которая так и продолжала существовать с чувством непонимания причин ее попадания в яму ожидания. Будучи материалисткой, но познавшей на Земле силу невидимых, духовных существ, она не смогла принять истинность и реальность духовного мира, существовавшего рядом с ней. Ни на Земле, ни в Чистилище ее сердце не смогло довериться Богу. В Книге Жизней для нее не нашлось места в силу того, что она просто не верила в ее существование.

А этого молодого человека Вера не знала. Женя, будучи когда-то вписанным в Книгу Жизни, сдался, поставив под сомнение справедливость решения Бога о его нахождении в Чистилище. Оправдываясь на Суде, он принял в себя «зерно сомнений», которое так умело посеял в нем Величавый. Это привело к тому, что он практически сам, своей рукой вычеркнул себя из Книги Жизней.

Вглядываясь в эти измученные и искореженные болью лица, Вера уже не думала, что происходит, где она находится и почему. Ей было не до этого, все ее существо было сосредоточенно на дикой, неземной боли, буквально раздавливающей и рвущей ее на мельчайшие кусочки. Когда она очутилась в Аду, том самом, о котором там, на Земле, велось столько споров о реальности его существования, из тела Веры вышли тысячи тонких нитей разных цветов и оттенков. Она словно оказалась в немыслимо огромной и умело сплетенной паутине. Нити цеплялись за каждую клеточку ее тела: за сухожилия, нервы, мышцы, кожу, вены. От пронзившей все тело боли кричать было невозможно, так как малейший вздох причинял невероятные физические страдания. От каждого движения Веры нити натягивались, усиливая болевые ощущения в несколько раз, что заставляло лишь стонать, крепко стиснув зубы. Душу сковывал леденящий страх от осознания, что вопить и звать о помощи уже не к кому.

Пребывая в состоянии полубреда, окончательно потеряв счет времени и ощущение его течения, Вера увидела Люцифера, стоящего прямо перед ней. Вам знаком этот страх? Вспомните себя маленьким ранимым ребенком, проснувшимся ночью в крошечной тьме в, казалось, такой большой комнате, где никого нет, кроме вас. Вот за окном послышался гул сильного ветра, дверь скрипнула, и вы с головой прячетесь под одеяло. Вы лежите и не дышите, представляя, как кровожадный монстр, скрывающийся за дверью, вошел в комнату. Вы замираете и не знаете, что делать дальше, как вдруг ощущаете, что к вам что-то бесшумно подкрадывается. Вы даже начинаете слышать еле различимые звуки, шум и касания к одеялу. Только свет или бегство к родителям спасают вас, и тогда маленькое сердечко успокаивается.

Этот детский страх снова дал о себе знать. Люцифер смотрел Вере прямо в глаза, а Величавый, Гнилус и Мумирон стояли поодаль. Их взгляды словно говорили: «Вот, посмотри, это мы – те, которые шли с тобой по жизни, которые знали о тебе всё, которым ты, слабохарактерная человеческая особь, подчинялась в минуты слабости». Гордость переполняла их до краев от удовольствия наконец-то показаться перед Верой в своем настоящем обличье. Вера пронзил холодный и чудовищный взгляд Сатаны. Чувства сострадания, милости, прощения, заложенные в человеческое существо, были чужды ему. Как бы ни пыталась Вера мысленно молить о пощаде, оправдываясь тем, что не успела обрести мир в сердце и простить Гошу за всё, что происходило на Земле и в Чистилище, все было бесполезно. У Люцифера эти чувства были не заложены, он просто не понимал, о чем Вера мысленно говорит и чего просит. Он не знал, что такое милосердие, а только холодно и расчетливо записывал еще один балл себе на счет за попавшего в его власть человека. Еще одна душа у него, еще одна победа – этим его диалог с человеком заканчивался.

Кому-то может показаться, что Господь жесток, несправедлив и двуличен, лишая общения нераскаявшихся грешников и оставляя их пребывать в Аду. Но это не так! Бог есть свет, и в Нем нет никакой тьмы, что делает невозможным общение между Ним и человеком, поглощенным нераскаянным грехом в разных формах его проявления. Кроме того, Бог дает нам уже здесь на Земле обе-

тование о том, что в Раю «... ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет. И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в Книге Жизни. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою». Разве Творец может обмануть нас и лишить того, во что мы верим и к чему стремились всю жизнь?

Вера обреченно закрыла глаза, хрипло задышала и обмякла, нервно подергиваясь в еле различимых конвульсиях. Вот теперь действительно Конец! А там, далеко на Земле, жизнь продолжала идти своим чередом, люди проживали ее, даже не задумываясь о том, что скоро наступит и их последний день на Земле. Если бы они только знали, как важно не просто «плыть по течению», а бороться. Бороться с самим собой, освобождая себя от рабства мирской, праздной жизни и сладострастных, эгоистических удовольствий, чтобы стать достойным звания Сына или Дочери Самого Господа. «Претерпевший ... до конца – спасётся»...

Послесловие автора

Я очень надеюсь, что моя книга «Хрустальное сердце» не просто вам понравилась, а вызвала желание изменить вашу жизнь, задуматься о тех ценностях, ради которых вы живете.

Всегда помните, что никогда не поздно все исправить и начать сначала. Пока вы живы, ваши глаза видят, сердце чувствует, и голос совести не заглушен окончательно, – всё в ваших руках.

Просите Господа простить вам все ваши грехи, ошибки и заблуждения.

Доверьтесь Ему, позвольте Ему руководить вашей жизнью.

Поверьте, что Иисус Христос был распят на кресте и пролил Свою кровь, чтобы взять на Себя все ваши грехи и открыть дверь для вечной жизни.

Измените свою жизнь, служа не только себе и своим эгоистическим интересам, а отдавая себя окружающим, не ища благодарности и не ожидая получить что-то взамен.

Молитесь, читайте Библию, изучайте Новый Завет, размышляйте ежедневно над Божьим Словом самостоятельно и в кругу верующих.

Сделайте шаг веры навстречу незримому Богу, поверьте в реальность Его существования и желание установить с вами прочные, доверительные отношения. Он не заставит вас долго ждать: вы начнете замечать и ощущать, как Он опекает вас, окружив отцовской заботой и безграничной любовью, направляя на путь к вечной жизни.

Пусть Бог благословит каждого из вас!

Спасибо, что дали мне возможность послужить вам через эту книгу.

katerina_guseinova@rambler.ru